

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 12(45)

Academic Journal

Series:

History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

Moscow Journal of Linguistics
Volume 20

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 12(45)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Московский лингвистический журнал
Том 20

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поевская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Де Барделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Гачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Ключанов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаи (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаكلةина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серий

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, чл.-кор. РАН, д-р филол. н., проф. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Редакционная коллегия выпуска

С.И. Гиндин, отв. ред., канд. филол. н., проф.; Н.Г. Семенова, отв. секр.; Ленор Гренобль, (Чикагский университет, США); Тереза Добжиньска (Ин-т лит. исследований, Варшава, Польша); Е.А. Иванова, канд. филол. н., доц. (РГГУ); Г.Е. Крейдлин, д-р филол. н., проф. (РГГУ); И.А. Мельчук, проф. (Монреаль, Канада), Л.Л. Федорова, канд. филол. н., доц. (РГГУ).

Ответственные за выпуск: С.И. Гиндин, отв. ред., Н.Г. Семенова, отв. секр.

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2018

ISSN 2073-6355

СОДЕРЖАНИЕ

Даты и события

К 55-летию дистрибутивно-статистического анализа 9

А.Я. Шайкевич

Текстуальные связи слов в русской прозе середины XIX в. 10

Теоретические и описательные исследования

О.О. Багеева

О функционировании пунктуационных знаков
в письмах малограмотных авторов 32

Е.Д. Зарубина

Количественный анализ наиболее распространенных
лексических групп в гадательной книге «Магид давар» 55

Р.И. Розина

Концептуализация лжи в русском и английском языках 73

Л.Л. Федорова

Использование диминутивов в художественных текстах
Тургенева и Достоевского 90

Процессы и формы коммуникации

Е.А. Захватова

Монолог-диктема как структурная языковая единица речи
(на материале английского сценического монолога) 112

Лингвистика в кругу наук

Г.Е. Крейдлин, Г.Б. Шабат

Формальный язык геометрии как знаковая система.

II. Расширенный синтаксис 122

Дискуссии. Отклики

И.С. Кесельман

Розалия Семеновна Гинзбург: учитель и друг 145

Р.И. Розина

Цветы Розалии Семеновне Гинзбург:

к 110-летию со дня рождения 149

Московские лингвисты: биографии и воспоминания

В.М. Труб

Мои встречи с Юрием Семеновичем Мартемьяновым 155

Г.Г. Яровая

Юрий Семенович Мартемьянов: воспоминания об Учителе 169

CONTENTS

Dates & Events

Towards Fiftyfiveth Anniversary
of the distributional statistical analysis 9

Anatolii Ya. Shaikevich

Textual links of words in mid-19th century Russian prose 10

Theories and Descriptions

Olga O. Bageeva

On the functioning of punctuation marks
in the letters of the semiliterate authors 32

Evgeniya D. Zarubina

Frequency analysis of the major lexical groups
in *Maggid davar* divination book 55

Raisa I. Rozina

Conceptualization of lying in Russian and English 73

Lyudmila L. Fedorova

The use of diminutives in the literary texts
of Turgenev and Dostoevskii 90

Communication: processes and structures

Ekaterina A. Zakhvatova

Monologue-dicteme as a structural linguistic unit
of speech (based on stage monologue) 112

Linguistics Among the Other Sciences

Grigorii E. Kreydlin, Georgii B. Shabat

The formal language of Geometry as a semiotic system. Part II. Advanced syntax	122
---	-----

Discussions. Comments

Iosif S. Keselman

Rozaliya Semenovna Ginzburg – a Teacher and a friend	145
--	-----

Raisa I. Rozina

Flowers to Rozaliya Semenovna Ginzburg for her 110 th birthday	149
---	-----

Linguists of Moscow: Biographies and Memoirs

Vladimir M. Trub

My meetings with Yurii Semenovich Martem'yanov	155
--	-----

Galina G. Yarovaya

Yurii Semenovich Martem'yanov. Remembering a Teacher	169
--	-----

Даты и события

К 55-летию дистрибутивно-статистического анализа

55 лет назад, в 1963 году во 2-м выпуске сборника «Иностранные языки в высшей школе» была напечатана статья А.Я. Шайкевича «Распределение слов в тексте и выделение семантических полей языка». Так было положено начало дистрибутивно-статистическому анализу – методу открытия языка по текстам, соединившему традиции американской дескриптивной лингвистики и отечественной лингвистической статистики. Этот метод, наряду с ностратическим языкознанием, книгой А.А. Зализняка «Русское именное словоизменение», моделью «Смысл–Текст» и принципами Московской семантической школы явился одним из новейших достижений отечественной теоретической лингвистики второй половины XX века.

Редакция «Московского лингвистического журнала» рада возможности отметить эту научную дату публикацией новой работы открывателя метода. Читатели увидят, как дистрибутивно-статистический анализ, опередивший свое время, работает в условиях информационных технологий и лингвистических корпусов.

Текстуальные связи слов в русской прозе середины XIX в.

Анатолий Я. Шайкевич

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Россия, cfrl@rli.ru*

Аннотация. Корпус русской прозы (14 миллионов словоупотреблений) членится на фрагменты по 40 слов. Если совместная встречаемость двух слов во фрагментах существенно превышает величину, подсчитанную на основе нулевой гипотезы, делается вывод о наличии связи между этими словами. В ходе анализа возникает огромная сеть текстуальных связей слов.

Ключевые слова: дистрибутивно-статистический анализ, текстуальные связи слов

Для цитирования: Шайкевич А.Я. Текстуальные связи слов в русской прозе середины XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 10–31.

Textual links of words in mid-19th century Russian prose

Anatolii Ya. Shaikovich

*V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, cfri@rli.ru*

Abstract. A corpus of Russian prose (14 million running words) is divided into fragments of equal size (40 words each). When actual co-occurrence of two words exceeds significantly the expectation, calculated on the basis of the null hypothesis, the two words are said to be linked together. A huge network of textual links of words is constituted as a result of the analysis.

Keywords: distributional statistical analysis, textual links of words

For citation: Shaikovich AYa. Textual links of words in mid-19th century Russian prose. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):10-31.

Введение

Ставится задача дистрибутивно-статистическими средствами выявить связи слов в корпусе текстов.

Дистрибутивно-статистическим анализом (ДСА) называем формальный (без обращения к смыслу) метод изучения больших собраний текстов, опирающийся исключительно на статистику распределения графических слов (цепочек букв между пробелами). Вводимое понятие **интервала текста** позволяет надеяться на получение самых разнообразных содержательных результатов. Малые интервалы задаются естественным членением текста: комбинаторика букв внутри графических слов дает нам **микроинтервал**, бинарные словосочетания являются объектом анализа в **минимальном интервале**. Эти интервалы приводят к открытию грамматики и лексических единиц, больших чем слово (см. [1]).

* * *

Остальные интервалы задаются исследователем. В рамках заданного интервала корпус текстов автоматически членится на фрагменты равной длины, каждому фрагменту присваивается свой адрес. Для пары слов определяется число общих адресов; если оно существенно превосходит математическое ожидание, подсчитанное в предположении независимости слов, делается вывод о том, что между этими словами обнаружена **текстуальная связь**. Мерой неслучайности связи S служит выражение $S = (x - m - 1)/\sqrt{m}$, где x – наблюдаемое число общих фрагментов, а m – математическое ожидание. Все предварительные исследования показывают, что начиная с $S = 3$ результаты оказываются осмысленными. В настоящей статье излагаются результаты, полученные на **среднем интервале**.

Перед окончательным выбором длины фрагмента для среднего интервала было проведено пробное исследование на материале текстов Тургенева (720 тысяч словоупотреблений). Сравнивались результаты при длине фрагмента в 40 слов, в 200 слов и в 1000 слов. В первом случае слово *дуэль*, например, обнаружило связь с *драться* ($S = 15$), при длине в 200 слов с *дуэлью* связаны ($S > 4$): *вызов, драться, пистолет, поединок, противник, пуля, секундант*. Значение меры неслучайности (S) напрямую зависит от объема изучаемого корпуса. Все семь слов, ассоциированных с *дуэлью* у Тургенева, будут обнаружены на всем корпусе прозы уже при длине 40 слов, к ним присоединятся еще 47 слов – *бретер, вызвать, выстрелить, извиниться, Лермонтов, обида, оскорбить, отказаться, пощечина, разжаловать, ранить, скандал, соперник, стреляться, трус, убить, удовлетворение, целить* и т. п. Переход к длине фрагмента в 1000 слов покажет уменьшение значений S у слов, обозначающих стандартизованные ситуации вроде дуэли; напротив, появятся сюжетные текстуальные связи, приуроченные к конкретному тексту (*болгарин – Кунцево, резать – лягушка – нигилист*). Это свидетельствует о качественно ином – **большом интервале**. Что касается среднего интервала, то в качестве окончательной была принята длина фрагмента в 40 слов.

Для конкретных пар слов результаты выдаются компьютером в следующем виде:

Таблица 1

Пример машинного представления

волосы густой	195	3156	1687	48	13,90
лежать постель	281	5303	2142	45	29,66
лес куст	99	3692	1022	28	9,85

Первый столбец показывает число общих адресов двух слов, во втором столбце дается частота (число адресов) первого слова, в третьем – частота второго слова, в четвертом столбце указывается величина S (величина S округляется до меньшего целого числа), в пятом – величина m . В ходе работы компьютера возникает грандиозная таблица, которая включает более 36 тысяч слов и примерно 640 тысяч текстуальных связей.

Даже двукратное совместное появление пары слов может свидетельствовать о вполне реальных семантических связях. Слово *жмурки*, например, по два раза встретилось со словами *вздумать*, *давай*, *колокольчик*, *побежать*, *прятаться*, *разобрать*, *ребята*, *сзади*; по три общих адреса имеет оно со словами *бегать*, *глаз*, *завязанный*, *игра*, *играть*, *ловить*, *товарищ*, *угол*. Все эти текстуальные связи показывают S не менее 3.

Для восприятия человеком компьютерная выдача преобразуется в более простой вид. Покажем структуру словарной статьи на примере слова *стыд*. Первая строка дает основное слово и три числовых показателя: $F = 873$ – частоту основного слова; $A = 109$ – его «активность», т. е. число текстуальных связей. Начиная с $S = 3$ [$S \geq 3$] – минимальный порог, выше которого текстуальные связи включаются в статью. Далее следуют **ассоциаты** со значением S их связи с основным словом.

Пример 1. *Стыд* $F = 873$ $A = 109$ [$S > 3$]

ангельский (5), *боязнь* (8), *броситься* (4), *вспоминание* (4), *вспыхнуть* (6), *выступить* (4), *гнев* (4), *гордость* (6), *горе* (7), *горечь* (4), *девичий* (11), *деться* (4), *досада* (4), *жгучий* (13), *жечь* (4), *забыть* (4), *закрывать* (4), *закраться* (4), *залить* (9), *застрелиться* (4), *злоба* (5), *испуг* (4), *испытывать* (4), *краска* (17), *лицо* (4), *ложный* (24), *малодушие* (9), *мучительный* (4), *негодование* (8), *незаслуженный* (5), *нерушимый* (4), *низость* (4), *нуль* (4), *оскорбление* (5), *отчаяние* (10), *подлый* (5), *позор* (21), *позорный* (5), *покраснеть* (5), *покрыть* (9), *поношение* (6), *потерять* (4), *поцелуй* (4), *почувствовать* (5), *презрение* (6), *препроводить* (5), *раскаяние* (18), *рдеть* (5), *румянец* (4), *самолюбие* (5), *сгорать* (16), *сгореть* (28), *сердце* (4), *слеза* (7), *совеститься* (7), *совесть* (22), *сознаваться* (5), *сознание* (4), *спасти* (4), *срам* (21), *страх* (7), *стыдиться* (10), *стыдно* (15), *трусить* (4), *ужас* (4), *унижение* (10), *честь* (4), *чувство* (14), *чувствовать* (5), *щека* (4).

Средний интервал во многом наследует результаты минимального интервала, ср. пару *волосы – густой*, пары *ахиллесова пята* ($S = 170$), *выведенное яйцо* ($S = 129$), *несолоно хле-*

бать ($S = 123$), *отложной воротничок* ($S = 132$). Пару *лежать – постель* можно было бы обнаружить на **малом интервале** (длина фрагмента 3–5 слов), ср. также пары *пазуха – вынуть*, *скрестить – грудь*, *ухаживать – больной*, *шесток – сверчок*, *юг – север*¹. Однако большинство найденных пар обнаруживаются именно на среднем интервале: не только *лес – куст*, но и *лес – дерево*.

У слова *волосы* обнаружено 912 текстуальных связей, из них 230 имеют $S = 3$, т. е. на самом пороге статистической значимости, но и в этой группе находим слова, явно связанные с волосами (*брюнет*, *дергать*, *копна*, *кружок*, *лезть*, *лен*, *немый*, *непокорный*, *отвиснуть*, *погладить*, *причесываться*, *пушок*, *разглаживать*, *редеть*, *убранный*). Унаследованные от меньших интервалов связи нашего слова доминируют в группе максимальных значений S : начиная со связи со словом *прядь* ($S = 87$) и далее по мере уменьшения S : *седой*, *дыбом*, *ерошить*, *русый*, *черный*, *вьющийся*, *густой*, *просесть*, *зачесанный*, *каштановый*, *белокурый*, *длинный*, *расчесывать*, *растрепанный*, *всклоченный*, *распущенный*, *причесанный*, *смоль* ($S = 31$). Уже при $S = 47$ появляется первое пополнение среднего интервала – слово *лицо*, за которым следуют *борода*, *лоб*, *висок*, *глаза*, *рост*, *голова*, *губы*, *затылок*, *карий*, *голубой*, *нос* ($S = 20$). Постепенно проясняется весьма характерная для прозы совокупность слов, описывающих внешность человека. Такая совокупность (**кластер**) скорее исключение в прозе. К идее кластера мы еще вернемся ниже.

Эмпирически полученная сеть связей представляет собой яркий контраст с умозрительно построенными тезаурусами, обычно предполагающими дискретное устройство словаря. Тем не менее реальная семантическая дискретность может проглядывать и в сети текстуальных связей. Примером могут служить слова *магазин* и *лавка*. У первого слова зафиксировано 198 текстуальных связей, у второго слова находим 260 связей. Оба слова непосредственно связаны друг с другом ($S = 11$), кроме того есть 38 слов, одновременно связанных с двумя нашими словами (связи второго порядка): *базар*, *бакалейный*, *бульвар*, *вывеска*, *город*, *гостинный*, *европейский*, *зайти*, *китаец*, *китайский*, *книжный*, *колонильный*, *купец*, *купить*, *лавочка*, *мастерская*, *материя*, *мостовая*, *окно*, *переулок*, *покупатель*, *покупать*, *приказчик*, *прилавок*, *продаваться*, *продавец*, *ре-*

¹ Упоминание малого интервала основывается здесь скорее на общих соображениях, нежели на эмпирических данных. Проверка ДСА на малом интервале потребовала бы слишком больших затрат человеческих сил и машинных ресурсов, что сильно затормозило бы переход к среднему интервалу, обещающему больше нетривиальных результатов.

сторан, табачный, товар, торговать, торговец, торговля, торговый, тротуар, узенький, улица, фруктовый, харчевня.

Казалось бы, семантическая близость двух слов налицо. Однако обратившись к текстуальным связям слова *лавка* и на минуту отказавшись от «асемантического» формализма, мы тут же обнаружим аномалию. В списке 16 связей, упорядоченных по уменьшению S , находим связи со словами, никак не вписывающимися в сферу торговли (ниже они отмечены звездочкой): *мелочной* ($S = 51$), *товар, книжный, изба**, *полати**, *овощной, печь**, *покупатель, бакалейный, гостинный, мясной, купец, приказчик, сидеть**, *торговать, пол**. Идя дальше по списку, найдем и другие аномальные слова: *присесть, стряпной, подостлать, зыбка, печка, садиться, сесть*. Знание русского языка подскажет, что *лавка* соотносится с двумя семантическими объектами: 1) торговая точка, 2) скамья. Рассмотренная аномалия есть лишь отражение этого факта в сети текстуальных связей.

В процессе настоящего исследования для нескольких десятков слов мы отошли от строгого формализма и с учетом нашего знания языка создали «искусственные» слова, соответствующим образом маркируя их в тексте. В данном случае текстуальные связи определены для двух слов *лавка-1* ($F = 1020$, $A = 293$) и *лавка-2* ($F = 470$, $A = 165$). Первое слово сохраняет «торговые» связи, второе – значительно увеличивает S , расширяет круг «бытовых» связей (любопытны связи со словами *Кутузов* и *Пугачев*).

По текстуальным связям нетрудно понять мнемонику следующих «искусственных» слов: ***коса-ж*** ($A = 213$): *лента, заплетать, вплести, заплести, расплести, заплетенный, русый, прядь, растрепаться, кокошник, расчесывать, густой, обрезать, длинный, волосы, монисто* и др.; ***коса-сх*** ($A = 60$): *точило, косить, серп, косец, лезвие, точить, брусок, грабли, косарь, цеп, трава, топор, кузнец* и др.; ***коса-в*** ($A = 6$): *песчаный, таможенный, неводчик, камыш, мелькать, море*.

Создание «искусственных» слов может быть мотивировано с учетом дискурсивных функций, ср.: ***процать*** ($A = 54$): *простить, прощение, извинять, вина, виноват, враг, грешник, Бог, великодушный, забывать* и др.; ***процай*** ($A = 242$): *уходить, увидеться, свидание, лихо, целовать, завтра, провожать, целоваться, спасибо, заболтаться, кланяться, пора, пойти, поцеловать, проститься, уйти* и др. Можно полагать, что наше исследование остается на 90% формальным даже с учетом этих «семантических» отступлений.

Смысл нашей основной формулы заставляет предполагать, что оба показателя F и A должны положительно коррелировать

друг с другом. В целом эта корреляция выдерживается. У слова *па* ($F = 57$) обнаружено 13 текстуальных связей: *выделявать* ($S = 93$), *танцевать* ($S = 16$), *отчетливый* ($S = 9$), *танец* ($S = 8$), *ножка* ($S = 6$), *дама, зал* ($S = 5$), *лучший* ($S = 4$), *девица, довольно, мелкий, непременно, учитель* ($S = 3$). У частых слов и A велико. Вот несколько характерных примеров:

Таблица 2

Корреляция показателей F и A

слово	F	A	слово	F	A
белый	4894	1457	лицо	15946	1443
вода	5105	1310	лошадь	5682	1233
волосы	3156	912	нога	8319	1238
дверь	8475	1046	русский	6700	1005
дорога	6066	913	солнце	2293	997
лес	3692	1150	стоять	13716	1358

Для выявления аномалий в этой основной тенденции удобно сравнивать не F и A , а ранг r в словаре, ранжированном по частоте (rF), и ранг в словаре, ранжированном по активности (rA). В левой части таблицы 3 сосредоточились слова со сравнительно небольшими расхождениями рангов в обоих словарях. В центре даны слова, у которых ранг в ранговом словаре частоты в 9 и более раз превышает ранг в словаре активности (слова с повышенной активностью). В правой части представлены слова с обратным соотношением рангов (слова с пониженной активностью).

Таблица 3

Ранги слов в ранговых словарях частоты и активности

слово	rF	rA	слово	rF	rA	слово	rF	rA
рука	4	5	белый	165	1	говорить	1	312
глаз	9	6	лицо	20	2	знать	2	614
голова	11	13	вода	168	4	дело	3	59
жизнь	23	15	черный	185	7	время	5	117
дом	22	25	лошадь	152	9	человек	6	112
вдруг	21	32	берег	413	10	стать	7	303

Окончание табл. 3

слово	rF	rA	слово	rF	rA	слово	rF	rA
комната	45	16	окно	119	11	хотеть	8	442
большой	39	28	лес	255	12	видеть	10	1852
сидеть	34	37	воздух	393	18	думать	12	1111
люди	19	53	дерево	544	19	слово	14	261
год	52	24	стена	322	21	спросить	15	200
место	29	50	солнце	512	27	отвечать	16	215
деньги	47	39	широкий	399	29	пойти	17	709
голос	43	44	длинный	342	31	хороший	18	631
иметь	30	64	красный	333	32	сделать	24	591
князь	37	69	небо	473	34	любить	27	346
сторона	40	84	река	578	38	делать	28	1166
город	88	46	густой	714	40	смотреть	33	402
сердце	55	80	яркий	727	42	выйти	38	421
душа	54	85	зеленый	823	44	больше	44	1472
тихий	95	48	ветер	739	49	прийти	48	539
сила	87	68	травя	936	56	много	49	504
новый	51	108	серый	864	57	продолжать	53	637
Бог	42	123	звук	633	63	лучше	57	1311
час	56	113	рыба	807	73	заметить	64	838
мысль	71	101	снег	956	77	понимать	65	877
ночь	93	81	цвет	1099	93	кажется	69	1605
более	50	138	высокий	198	22	простой	70	872
лежать	138	51	волосы	329	36	остаться	75	985

Поражает преобладание глаголов в правом столбце (в левом столбце их всего три, в центральном – ни одного). Причина, по-видимому, кроется в синтаксической роли глаголов. При общем богатстве актантов у глаголов самыми важными оказываются позиции субъекта. Чаще всего в этой роли выступают обозначения человека, выражаемые либо антропонимами (слабо представленными в материале данного исследования), либо местоимениями (совсем в нем не представленными). В центральном столбце поразительно преобладание существительных, указывающих на природу. Отметим также прилагательные – обозначения цвета.

При группировке связей слов *лавка* и *коса* мы опирались на семантические соображения. Однако при анализе сети текстуальных связей можно испробовать и более формальные приемы. В таблице 4 пронумерованы ассоциаты слова *лук* и показаны их связи друг с другом. Поясним структуру таблицы на примере слова *запах*:

Пример 2

запах ($S = 8$) 3:5 4:10 6:5 17:46 21:6 23:18

Значимость его связи с основным словом *лук* указана в скобках – в данном случае ($S = 8$); далее следуют номера слов, с которыми связано слово *запах*, и после двоеточия дается соответствующее S . Мы видим, что среди ассоциатов слова *лук* слово *запах* в максимальной степени связано со словом *пахнуть* ($S = 46$).

В левой части таблицы расположились слова, так или иначе связанные друг с другом. С точки зрения «семантической» лингвистики все они ассоциируются со словом *лук* ‘овощ’. В правой части таблицы находим ассоциаты омонима *лук* ‘оружие’. Все они связаны друг с другом и никак не связаны со словами левой части.

Таблица 4

Текстуальные связи слова *лук* ($S > 3$)

1. вонять ($S = 11$) 17:11	
2. гряды ($S = 13$) 6:5 9:20 14:32 15:73 16:7 20:28	
3. есть ($S = 5$) 5:5 9:9 10:6 12:11 13:17 16:5 19:17 21:12 25:5 31:43	
4. жареный ($S = 30$) 5:10 6:8 9:27 12:12 16:6 19:26 21:16 31:6	
5. запах ($S = 8$) 3:5 4:10 6:5 17:46 21:6 23:18	
6. зеленый ($S = 8$) 2:5 4:8 5:5 7:5 16:7	
7. золоченый ($S = 12$) 6:5	
8. изюм ($S = 11$) 19:9	
9. капуста ($S = 12$) 2:20 3:9 4:27 10:18 12:4 14:54 15:43 16:49 19:19 20:27 21:6 23:9 25:33 31:9	
10. квас ($S = 14$) 3:6 9:18 13:8 16:21 17:4 19:10 21:6 23:4 25:12 31:22	11. колчан ($S = 16$) 24:9 26:66
12. кусок ($S = 6$) 3:11 4:12 9:4 16:7 19:31 21:10 25:11 31:119	
13. ложка ($S = 6$) 3:17 10:8 19:7 31:15	

Окончание табл. 4

14. морковь ($S = 22$) 2:32 9:54 15:26 16:11 19:11 209:51 21:6 25:8	
15. огород ($S = 7$) 2:73 9:43 14:11 16:12 20:13	
16. огурец ($S = 11$) 2:7 3:5 4:6 6:7 9:49 10:21 12:4 14:11 15:12 19:9 20:14 21:9 23:15 25:90 31:18	
17. пахнуть ($S = 4$) 1:11 5:46 21:11 23:12	
18. печь (глагол) ($S = 7$) 19:47 31:45	22. саадак ($S = 48$) 27:8
19. пирог ($S = 17$) 3:17 4:26 8:9 9:19 10:10 12:31 13:7 14:11 16:9 18:47 21:12 31:10	24. седло ($S = 4$) 11:9 26:6
20. редька ($S = 22$) 2:28 9:27 14:51 15:13 16:14	26. стрела ($S = 51$) 11:66 24:6 29:6 27:5 29:9 30:54
21. рыба ($S = 7$) 3:12 4:16 5:6 9:6 10:6 12:10 14:6 16:9 17:11 19:12 23:8 25:38 31:14	27. стрелять ($S = 4$) 22:8 26:5
23. свежий ($S = 4$) 5:18 9:9 10:4 16:15 17:12 21:8 25:8	28. татарин ($S = 8$) 29:18
25. соленый ($S = 8$) 3:5 9:33 10:12 14:8 16:90 21:38 31:9	29. татарский ($S = 5$) 26:9 28:18
31. хлеб ($S = 8$) 3:43 4:6 9:9 10:22 12:119 13:15 15:3 16:18 18:45 19:10 21:14 25:9	30. тетива ($S = 48$) 26:54

Среди ассоциатов левой части таблицы, в свою очередь, намечаются три подобласти – ЗАПАХ (*запах, пахнуть, вонять*), ОГОРОД (*огород, грядка, капуста, морковь, редька*) и ЕДА (остальные слова). Слово *огурец* соединяет вторую и третью подобласти.

В добавление к таблице 4 упомянем еще слово *Телль*, связанное с *лук* ($S = 28$), которое не показало связей с другими ассоциатами; оно характерным образом связано со словом *стрелок* ($S = 10$), последнее же связано со *стрелять* ($S = 12$). Таким образом, слово *Телль* должно было бы попасть в правую часть таблицы. Ошибкой можно считать положение слова *золоченый*, попавшего в левую часть из-за своей «цветовой» связи с *зеленый* ($S = 5$). С «семантической» точки зрения оно связано с *лук* ‘оружие’ ($S = 12$).

Слово *лук* самым естественным образом распалось на два омонима. По-другому обстоит дело со словом *бедный*. Среди ассоциатов этого слова (с $S > 5$) ярко выступают две пары, которые могут считаться своеобразными полюсами небольшого семантического пространства, пара *бедность* – *богатство* и пара *слеза* – *плакать*. Одна группа ассоциатов своими перекрестными связями показывает, что тяготеет к первой паре, – это *бедняк, богатый, богач, дворя-*

нин, дворянка, деньги, жениться, жить, мелкопоместный, милостыня, небогатый, нищета, нищий, пожалеть, раздать, родственница, семейство, семья. Ко второй паре тяготеют *больной, дитя, жалкий, жаль, зачахнуть, несчастный, ребенок, умереть, чахотка*. В промежуточном поле оказываются *беспомощный, благородный, девочка, девушка, дети, добрый, женщина, люди, мальчик, мать, одетый, помогать, помочь, сирота, сиротка, старушка, человек*. С абстрактной точки зрения слово *вдова* может казаться в равной мере привязанной как к «социальному», так и к «меланхолическому» полюсу, однако некоторые его связи (*богатый, дворянка, жениться, жить, небогатый, родственница*) показывают, что в нашем корпусе *вдова* появляется преимущественно в матримониальных контекстах.

Тщетной была бы попытка просчитать подобным образом наш материал; лишь для частых слов такая задача кажется осуществимой. Ниже будут приведены некоторые примеры группировки текстуальных связей. Значения S приводятся только при $S > 9$, а в квадратных скобках дается самый значимый ассоциат основной группы связей. Вот самый простой случай – уникальная связь одного из омонимов:

Пример 3

брак – браковать (13) [законный]; *Десна – купальня* (20) [зуб];
устье – печь (11) [Ока]; *почка – легкое* (46) [древесный].
гитара – извозчиный (10) [струна];

Менее частый из двух омонимов может иметь и несколько связей:

Пример 4

ласка – горностай (39), *зверек* (15), *хищный* [нежный];
болтун – утенок (20), *яйцо* [Герцен].

Такой способ представления может применяться и к случаям полисемии:

Пример 5

поезд – дружка (34), *поезжане* (23), *свадебный* (21), *молодые* (14), *процессия, сваха, венчание* [вагон];
найтись – ответить, молвить, растеряться, возразить, согласиться [поискать];
холостой – заряд (29), *гнездо, зарядить, стрельба, выстрелить* [женатый];

гряды – *бурун* (42), *тянуться* (22), *риф* (17), *свинцовый* (11), *рейд* (11) [*огород*];

звезда – *лента* (24), *фрак* (23), *камергерский* (13), *сановный* (13), *анненский* (12), *бриллиантовый* (12), *крест* (12), *регалия* (11), *Станислав* (11), *мундир* (10), *орден* (10) [*небо*];

кислый – *гримаса* (32), *мина* (25), *скорчить* (21), *физиономия* (11), *улыбка*, *сморщенный*, *постный*, *неудовольствие*, *рожа* [*капуста*];

скосить – *презрительный* (11), *глаз* (10), *вопросительный*, *губа*, *презрение* [*луг*];

ссылка – *цитата* (12) [*тюрьма*];

ствол – *ружейный* (52), *ружье* (38), *порох* (18), *стрелять* [*дерево*];

краска – *залить* (28), *лицо* (23), *выступить* (19), *стыд* (17), *проступить* (11), *щека* (11) [*выкрашенный*];

грубый – *сукно*, *ткань*, *пестрядинный*, *волокно*, *изделие* [*дерзкий*];

двор – *преображенский*, *принцесса*, *фрейлина*, *принц* [*ворота*];

выходить – *поверка*, *зего*, *значит*, *ан*, *задать*, *женех* [*замуж*].

Далеко не всегда ясно, какую из групп связей следует считать основной. В таких случаях можно прибегнуть и к менее экономному способу представления.

Пример 6

ветреный $F = 137$ $A = 23$

1. *погода* (19), *дождливый* (11), *сырой*, *холодный*, *морозный*, *дождь*;

2. *легкомысленный* (17), *пустой*, *любить*, *мальчишка*, *увлекаться*, *женщина*.

вкус $F = 1136$ $A = 276$

1. *мясо* (18), *дичина* (16), *блюдо*, *обоняние*, *пища*, *приторный*, *ягода*, *гастроном*, *запах*, *кушанье*, *лафит*;

2. *приятись* (25), *эстетический* (25), *убранный* (24), *изящный* (22), *меблировать* (17), *изящество* (16), *одетый* (15), *стиль* (13), *неприхотливый* (11), *одеваться* (10), *рококо* (10), *туалет* (10).

Заметим, что в перечисленных выше случаях не ставилась цель решать традиционные вопросы «семантической» лингвистики: полисемия или омонимия, одно значение или два. Велся лишь поиск группировки связей, полученных из текста.

Сходный подход возможен не только к отдельному слову, но и к группам слов. Начнем с синонимов. Исходя из общих соображений, мы ожидаем, что синонимы должны обладать каким-то набором общих текстуальных связей. Число общих связей зависит от

активности синонимов (A), прежде всего – от активности **менее часто** синонима. Слово *Англия* ($A = 196$) и слово *Великобритания* ($A = 4$) связаны друг с другом крайне значимой текстуальной связью ($S = 23$). Ясно, что число общих связей с третьими словами у этой пары не может быть больше четырех. В реальности обнаружено одно слово *Россия*, связанное и с *Англия* ($S = 16$), и с *Великобритания* ($S = 4$). Только одну общую связь находим в паре *Амур – Купидон* ($S = 15$). Это слово *стрела*, связанное и с *Амур* ($S = 16$), и с *Купидон* ($S = 10$).

В общем случае синонимы могут и не иметь непосредственной связи друг с другом. Так, *базар* ($F = 349$, $A = 115$) и *рынок* ($F = 241$, $A = 80$) не связаны друг с другом, но имеют 15 общих ассоциатов: *город, купить, лавка, лавочка, площадь, покупать, провизия, продавать, продажа, товар, торг, торговать, торговец, трактир, улица*.

Итак, наши синонимы *базар* и *рынок* имеют пятнадцать общих связей ($L = 15$). Много это или мало? Удобным общим знаменателем Q будет служить корень из числа связей менее частого синонима: $Q = \sqrt{A_{\min}}$. Соотношение $K = L/Q$ и окажется показателем тесноты связей синонимов. В нашем случае для слов *базар* и *рынок* $K = 1,7$. Сравним этот результат со следующими парами синонимов:

Пример 7

блестеть ($A = 235$) и *блистать* ($A = 130$)

белизна, белый, бледный, блеск, бриллиант, глаз и т. п.

$L = 42$, $Q = 11,4$, $K = 3,7$.

внезапный ($A = 229$) и *неожиданный* ($A = 108$)

быстро, вдруг, вздрогнуть, впечатление, вскочить и т. п.

$L = 37$, $Q = 10,4$, $K = 3,6$.

вокруг ($A = 432$) и *кругом* ($A = 433$)

белый, береза, сверху, вдали, везде, веять, внизу, волна и т. п.

$L = 83$, $Q = 20,8$, $K = 4,0$.

велеть ($A = 407$) и *приказать* ($A = 339$)

барин, барыня, батюшка, бутылка, везти, вино, водка и т. п.

$L = 106$, $Q = 18,4$, $K = 5,8$.

Текстуальные связи двух последних синонимов отражают существенную социальную сторону изучаемого корпуса – Россию середины XIX века. Здесь и субъект волеизъявления (*барин, барыня, батюшка, государь, граф, губернатор*), и фигуры подчиненных (*горничная, камердинер, кучер, лакей, повар, приказчик, слуга*,

управляющий), и громадное число глаголов, обозначающих желаемое действие (*выслать, доложить, зажарить, запретить, запечатать, наказать, написать, обождать, поставить, почистить* и др.). Бросается в глаза и связь с мегакластерами, о которых пойдет речь ниже: ЛОШАДЬ (*ехать, заложить, запрячь, карета* и т. п.) и ЗАСТОЛЬЕ (*завтрак, кушать, самовар* и т. п.).

Хрестоматийная пара синонимов *конь* ($F = 1388, A = 551$) и *лошадь* ($F = 5682, A = 1233$) связаны друг с другом непосредственно ($S = 32$) и бьют все рекорды по числу общих связей и по тесноте взаимной синонимичности: $L = 211, Q = 23,5, K = 9,0$.

У большинства ассоциатов их связи с парой основных синонимов *конь* – *лошадь* не слишком различаются по величине S (здесь первой дается S связи с *конь*, второй – связи с *лошадь*): *барышник* 11/10, *буланый* 9/10, *верста* 7/20, *верхом* 16/33, *гнедой* 11/19, *гусар* 7/9, *казак* 18/20, *конюшня* 17/30, *копыто* 26/42, *повод* 39/67, *сено* 11/21, *слезать* 16/16, *топот* 13/24, *тройка* 19/38, *узды* 21/33, *фыркать* 20/20, *хвост* 9/14. В то же время десятки ассоциатов тяготеют к слову *конь* но не *лошадь*: *амазонка* 13/6, *аргамак* 19/6, *атаман* 6/–, *битва* 7/–, *боевой* 19/–, *боярин* 9/–, *боярыня* 21/–, *броня* 7/–, *взвиться* 20/11, *взмьленный* 21/8, *витязь* 16/–, *вороной* 36/30, *всадник* 61/21, *грива* 29/22, *доброезжий* 13/6, *драбант* 12/–, *дыбы* 22/17, *заржать* 20/17, *калмык* 7/4, *кобылица* 15/–, *конюх* 26/10, *красивый* 7/4, *круп* 8/5, *кудесник* 11/–, *лихой* 16/6, *лука* 26/–, *молодец* 12/4, *мчаться* 19/15, *опор* 9/7, *опричник* 15/–, *пеший* 17/6, *ника* 6/–, *погоня* 19/6, *подскакать* 14/13, *пришпорить* 25/10, *Пугачев* 20/12, *рейтор* 6/–, *ретивый* 6/–, *сабля* 17/7, *седло* 43/34, *сокольник* 6/–, *спешиться* 20/11, *станция* 6/–, *степь* 16/6, *стрела* 15/–, *стреля* 13/11, *тавро* 10/–, *татарин* 8/4, *удила* 21/5, *узда* 19/11, *улан* 14/10, *форейтор* 11/10, *холоп* 13/–, *хорунжий* 7/4, *царевич* 13/– и т. п. Все эти слова предполагают верховую езду, часто видны стилистическая приподнятость и исторические коннотации.

У слов, скорее тяготеющих к *лошадь*, счет идет на сотни; далее следует очень небольшой список примеров: *барин* –/10, *велеть* –/20, *возжса* 6/28, *воз* –/25, *двор* 7/24, *денник* –/16, *дорога* 7/36, *дрожки* –/19, *ехать* 11/37, *закладывать* –/29, *запрягать* 7/47, *кавалерист* –/10, *карета* 7/22, *кибитка* 9/20, *кнут* 4/24, *кобыла* –/10, *козлы* 4/24, *колесо* 8/24, *корова* –/32, *крыльцо* 7/21, *купить* –/14, *кучер* 8/61, *ломовой* –/12, *мужик* –/19, *но(!)* –/12, *облучок* 4/15, *обоз* –/22, *оброть* –/10, *обывательский* –/21, *овес* 7/28, *охотник* –/8, *повозка* –/27, *полоз* –/16, *почтовый* –/23, *пошевни* –/9, *править* 5/22, *присяжная* –/24, *рысь* 9/40, *сани* 6/35, *сарай* –/12, *снег* –/16, *собака* 4/13, *станция* 4/24, *стойло* 4/13, *таран-*

тас –/20 *телега* 4/43, *хомут* –/16, *шляя* –/11, *экипаж* 7/38, *ямщик* 12/44, *ясли* –/11. В этом перечне на первый план выходят факты реальной действительности, иногда видна и стилистическая приземленность (*брюхо, закладать, кляча, лошаденка, одер, мериннок, плестись, тащиться*).

В большой сети парных текстуальных связей неизбежно должны встречаться какие-то множества n слов, у которых число связей (Lk) превышает $(n - 1)$. Иначе говоря, в соответствующей графе наблюдаются циклы. В той мере, в какой Lk приближается к максимальному $n(n - 1)/2$, можно говорить о сгустке или **кластере** связей. Как пример рассмотрим матрицу текстуальных связей пяти слов с их значениями S .

Таблица 5

Матрица текстуальных связей слов *год, весна, лето, осень, зима*

F		год	весна	лето	осень	зима
9730	год	–	14	12	15	12
1074	весна	14	–	41	15	42
1716	лето	12	41	–	47	76
788	осень	15	15	47	–	51
1515	зима	12	42	76	51	–

Высокие значения S с несомненностью доказывают реальность общезыкового кластера этих слов. Заметим, что слово *сезон* (часто принимаемый в качестве гиперонима четырех слов) встречается на порядок реже ($F = 96$), но связано с соответствующими прилагательными *зимний* ($S = 28$), *весенний* ($S = 9$), *летний* ($S = 41$), *осенний* ($S = 12$).

Можно полагать, что сами кластеры связей обязаны своим существованием разным факторам – как общезыковым, так и текстовым (в частности – сюжетным).

Снова обратимся к текстуальным связям слова *дуэль*, где можно ожидать сравнительно компактный круг ассоциатов, привязанных к этому фрагменту внеязыковой действительности. Опираясь на связи с высокими S , сформируем сначала **центр кластера**, объем которого допускал бы построение матрицы, удобной для печатного издания. В данном случае центр включает десять слов (см. табл. 6). К этим десяти словам присоединим 35 слов, имеющих хотя бы две связи с центром (первое пополнение), например, как это сделано в табл. 7.

Таблица 6

Центр кластера ДУЭЛЬ – ПОЕДИНОК

	вызов	выстрел	драться	дуэль	пистолет	поединок	противник	ранить	секундант	убить
вызов	–	–	–	44	–	10	3	–	16	4
выстрел	–	–	–	5	29	–	3	36	–	14
драться	–	–	–	37	5	11	10	3	21	7
дуэль	44	5	37	–	28	8	20	10	56	20
пистолет	–	29	5	28	–	–	14	6	27	20
поединок	10	–	11	8	–	–	20	–	34	5
противник	3	3	10	20	14	20	–	3	28	–
ранить	–	36	3	10	6	–	3	–	3	36
секундант	16	–	21	56	27	34	28	3	–	–
убить	4	14	7	20	20	5	–	36	–	–

Таблица 7

Первое пополнение кластера ДУЭЛЬ – ПОЕДИНОК

	вызов	выстрел	драться	дуэль	пистолет	поединок	противник	ранить	секундант	убить
барьер	–	9	–	–	38	–	17	–	21	–
Кавказ	–	–	–	4	–	–	–	4	–	5
курок	–	15	–	–	32	–	–	–	–	12
отмерить	–	–	–	–	14	–	8	–	–	–
офицер	–	8	6	–	5	7	–	25	6	5
пуля	–	28	3	4	28	–	–	31	5	10
стрелять	–	–	4	6	34	–	4	14	6	13
стреляться	–	–	–	10	24	–	–	–	25	–
шага	–	–	11	3	3	36	29	9	–	–

Слова первого пополнения, в свою очередь, могут быть связаны друг с другом: *барьер* – с *отмерить*, *пуля* – с *курок*, *стрелять*, *стреляться*, *шага*. Во втором пополнении окажутся слова, связанные с первым пополнением, и слова, связанные с центром одиночными связями, – еще 13 слов, например *повод*, *скандал*, *шаг*.

Таким образом, в кластере оказалось 58 слов. Число текстуальных связей слова внутри кластера (a) снова сопоставим с \sqrt{A} . Семнадцать слов, у которых (a) $> \sqrt{A}$, могут быть названы **ядром кластера**. С интуитивной точки зрения к ядру хотелось бы присоединить слова *шага*, чье соотношение (a) и (\sqrt{A}) очень близко к выбранному порогу.

Таблица 8

Ядро кластера ДУЭЛЬ – ПОЕДИНОК

	A	a		A	a
барьер	24	7	поединок	36	13
вызов	42	11	прицелься	8	7
выстрелить	91	13	противник	105	17
драться	97	14	пуля	179	15
дуэль	81	34	ранить	286	18
застрелить	38	8	секундант	45	18
курок	35	8	стреляться	15	4
отмерить	11	4	убить	392	23
пистолет	135	25			

Общий итог не должен затемнять некоторые важные подробности. При общности дуэли с другими формами вооруженного конфликта (*выстрел*) ядро кластера помимо двух главных слов (*дуэль* и *поединок*) включает технические детали (*барьер*, *отмерить*, *секундант*) и ряд чисто лингвистических особенностей – *драться*, *стреляться*. Краткосрочность дуэли объясняет склонность к совершенному виду *выстрелить*, *убить* vs *стрелять*, *убивать*. Любовь нарратива к деталям объясняет присутствие слов *пуля*, *курок*. Обратим внимание на связь *поединка* со *шагой* (и с *фехтованием*), отсылающую нас к XVIII веку. Любопытна концентрация слов причины и следствий дуэли во втором пополнении (*клевета*, *обида*, *повод*, *ссора*, *столкновение*, *история*, *кончиться*, *разжаловать*, *скандал*).

По сравнению с кластером дуэли максимально компактным и автономным кажется кластер ДОКТОР – БОЛЕЗНЬ. К центру из

семи слов (все они входят в ядро кластера) добавляются 140 слов в первом пополнении. С учетом второго пополнения общий объем кластер достигает 250 слов, причем большинство их относится к ядру.

Таблица 9

Центр кластера ДОКТОР – БОЛЕЗНЬ

	доктор	врач	лечить	лекарство	больной	болезнь	умереть
доктор	–	23	42	28	43	30	8
врач	23	–	26	7	32	14	4
лечить	42	26	–	35	18	34	3
лекарство	28	7	35	–	29	23	–
больной	43	32	18	29	–	28	8
болезнь	30	14	34	23	28	–	10
умереть	8	4	3	–	8	10	–

Рассмотренные кластеры несомненно соответствуют группам слов, объективно существующим в русском языке. В нашем корпусе обнаружены и такие локальные кластеры, которые связаны с ролью тех или иных слов в прозе XIX века. Характерным примером может служить круг ассоциатов словосочетания *Невский проспект*.

В центр кластера попали *Невский проспект, гулять, магазин, набережная, рысак, тротуар, экипаж*. Среди 29 слов первого пополнения отметим *великолепный, извозчик, изящный, камелия, карета, кататься, коляска, мелькать, модный, мостовая, мчаться, отель, пешеход, роскошный, толпа, щегольской*. Во втором пополнении находим *бульвар, дрожки, окно, освещенный, подъезд, прохожий*. Атмосфера гуляющих прохожих, модных магазинов, освещенных окон, мчащихся экипажей так и встает за перечисленными связями².

Своеобразным антиподом Невского проспекта выступает Сенная площадь с ее выразительными текстуальными связями: *гауптвахта (22), часть (21), притон (15), окраина (10), разврат (10), заведение (9), нищий (7), голод (6), тюрьма (6)*. Колорит «Петербургских трущоб» Крестовского виден в следующем миникластере.

² Некоторым московским подобием Невского проспекта кажется Кузнецкий мост с его ассоциатами: *бал, бульвар, готовый, купить, магазин, Москва, француженка, экипаж*.

Таблица 10

Центр кластера «Сенная площадь»

	Сенная площадь	Вяземская лавра	обитатель	трущоба	трущобный
Сенная площадь	–	31	17	36	–
Вяземская лавра	31	–	21	–	–
обитатель	17	21	–	25	18
трущоба	36	–	25	–	40
трущобный	–	–	18	40	–

На примере кластеров ДУЭЛЬ – ПОЕДИНОК и ДОКТОР – БОЛЕЗНЬ был опробован путь формирования автономных групп слов в сети текстуальных связей. Принимая текстуальные связи с их значениями S как данное, мы создаем пробный центр – несколько слов, удобных для матричного представления. Наличие перекрестных связей в матрице говорит о перспективности центра как старта в построении какого-то кластера. Далее к этому центру присоединяется пополнение – новые слова, имеющие по несколько связей со словами центра. Затем процедура может повторяться в отношении уже полученной большей группы слов. На этом не слишком формальном пути мы неизбежно столкнемся с проблемой отношений между создаваемыми кластерами.

В качестве примера обратимся к глаголу *пить* – очень частому и активному слову ($F = 3953$, $A = 315$). Вот как выстраиваются его ассоциаты в порядке уменьшения S :

Таблица 11

Ассоциаты глагола *пить*

	S	F	A		S	F	A
чай	129	3756	512	рюмка	34	846	210
вино	77	2243	462	налить	28	437	127
водка	72	1820	410	бутылка	27	1015	300
есть	70	2106	358	чашка	26	941	329
выпить	55	2596	408	вприкуску	24	13	8
кофе	54	699	191	здоровье	24	1726	216
стакан	46	1348	311	вода	20	5105	1310
шампанское	41	774	200	коньяк	20	116	31
наливать	35	359	89	мед	20	307	139
пиво	34	401	129				

Ясно, что среди этих 19 слов есть и такие (с меньшей активностью), у которых мало шансов привлечь пополнение (*наливать, вприкуску, мед, коньяк*). Отложив на время ассоциат *есть*, мы никак не можем игнорировать самое активное слово – *вода*. В качестве пробы рассмотрим центр кластера *пить* в таком составе: *пить, вино, вода, водка, выпить, кофе, налить, пиво, рюмка, стакан, чай*. В соответствующей матрице у слова *вода* оказалось пять лакун (из 10 возможных), среднее значение S у него 10 (в целом по матрице оно равно 36); это самый сомнительный кандидат в центр. Чуть больше среднее значение S у слова *кофе*.

Оставим в центре восемь слов и в угоду семантике присвоим ему новый ярлык – *выпить*. Центр этого кластера сопровождается мощным первым пополнением (344 слова). Следующие члены первого пополнения связаны со всеми восемью словами центра: *бутылка, залпом, стаканчик, стол, херес, чай, шампанское*. Как видим, слово *чай* упорно восстанавливает свое место в кластере. Двадцать пять слов пополнения связаны с семью словами центра: *винцо, выкушать, выпивать, гость, графин, закуска, капля, квас, кушать, мадера, наливать, напиток, пирог, подать, поднести, поднос, потчевать, потчевать, принести, пьяный, ром, стаканчик, угощать, чашка, штоф*. Слова *есть, закусить, обед, сахар, тарелка* имеют по шесть связей с центром. На наших глазах начинает вырисовываться **мегакластер ЗАСТОЛЬЯ**.

Тема застолья, усердно эксплуатируемая прозой, не единственный источник появления мегакластеров. Тройка слов *дорога, ехать, лошадь* указывает на важную тему европейской прозы до XX века, но детальная лексическая разработка *лошади* – характерная черта именно русской прозы. Вот как выглядит центр мегакластера ЕЗДЫ – *верста, всадник, дорога, ехать, конь, кучер, лошадь, поехать, рысь, сани, скакать, тройка, ямщик*.

Можно предполагать, что в сети текстуальных связей существует еще несколько мегакластеров, например – КОМНАТЫ (*ви-сеть, горница, дверь, зеркало, картина, комната, кровать, мебель, обои, образ, окно, пол, портрет, стекло, стена, стол, угол* и т. п.), ДОМА (*ворота, двор, деревянный, дом, забор, изба, калитка, каменный, крыльцо, крыша, сарай, улица...*), ВНЕШНОСТИ (*белокурый, борода, бровь, волосы, высокий, глаз, голова, губа, коса, лицо, морщина, нос, рост, русский, рыжий, седой, смуглый, стройный, усы, фигура, худой, черта...*).

Заключение

Работа ДСА в среднем интервале привела к созданию сети текстуальных связей – новому объекту корпусной лингвистики, открывающему широкие возможности изучения текстов, далеко выходящие за пределы традиционных интересов лингвистов. От изучения корпуса как целого можно переходить к анализу авторских, жанровых и тематических подкорпусов (желательно большого объема).

Слово *лес* у русских писателей встречается с разной частотой. На 100 000 словоупотреблений частота этого слова составляет у Тургенева 24, у Достоевского 6, у Толстого 31. Тем не менее у этих авторов появляется одна и та же тройка слов, взаимно связанных текстуальными связями: *лес, дерево, куст*. У трех авторов слово *лес* связано со словами *кругом* и *поле*. Но за пределами этой пятерки начинаются различия. У Достоевского с двумя другими авторами находим по одной общей связи, Тургенев и Толстой для слова *лес* дают 24 общих связей: *береза, ветер, виднеться, густой, дорога, дуб, зарости, зеленый, земля, лист, небо, овраг, опушка, покрытый, поляна, река, ружье, солнце, сосновый, темнеть, трава, туман, широкий, яркий*.

В общем корпусе прозы слово *виднеться* имеет 580 связей. Лишь одна связь (со словом *черный*) обнаружена в подкорпусах всех трех авторов, у Тургенева и Толстого находим 20 общих связей данного глагола: *белый, ветер, высокий, из-за, из-под, красный, крыша, куст, лес, направо, небо, острый, поле, полоса, сквозь, сплошной, стена, темнота, туман, тянуться*. Фигура «наблюдателя» очень ярко отражена в этой группе слов.

Поскольку ДСА не привязан к конкретному языку, видны перспективы межъязыкового сравнения корпусов текстов. В публикации [2] средний интервал ДСА проверялся на статистически ограниченных корпусах текстов (по 200 000 словоупотреблений). Помимо собственно семантического компонента, характерным элементом текстуальных связей там оказывалась рифма: *человек – век, роза – мороз, очи – ночь, Киприда – обида, Венера – пещера*.

Литература

1. Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг.: В 2 т. М.: ЯСК, 2013.
2. Шайкевич А.Я. Сеть семантических текстуальных связей в поэзии Пушкина и Мицкевича // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации (Люблина, 2003 г.). М.: Индрик, 2003. С. 576–588.

References

1. Shaikovich AYa. Andrjuscenko VM., Rebetskaya NA. Distributional statistical analysis of the language of Russian prose 1850–1870. In 2 vols. Moscow: YaSK Publ.; 2013. (In Russ.)
2. Shaikovich AYa. Network of semantic textual links in the poetry of Pushkin and Mickiewicz // Slavic Studies. XIII Congress of Slavic Studies. Reports of the Russian delegation (Ljubljana, 2003). Moscow: Indrik Publ.; 2003. p. 576-88. (In Russ.)

Информация об авторе

Анатолий Я. Шайкевич, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; cfrl@rli.ru

Information about the author

Anatolii Ya. Shaikovich, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka st., Moscow, Russia, 119019; cfrl@rli.ru

УДК 811.161.1'36

О функционировании пунктуационных знаков в письмах малограмотных авторов

Ольга О. Багеева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olga-bageeva@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа функционирования пунктуации в корпусе писем малограмотных авторов. Многообразие способов пунктуационного членения текстов сводится к классификации, основанной на четырех противопоставлениях: использование / неиспользование пунктуации, структурно мотивированное / немотивированное применение пунктуационных знаков, употребление знаков с дифференцированными / недифференцированными целями, использование одного / более одного знака. Отдельно рассматриваются функции пунктуационных знаков на разных текстовых уровнях.

Ключевые слова: русский язык, письма, пунктуация, естественная письменная речь, классификация, уровни текста

Для цитирования: Багеева О.О. О функционировании пунктуационных знаков в письмах малограмотных авторов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 32–54.

On the functioning of punctuation marks in the letters of the semiliterate authors

Olga O. Bageeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, olga-bageeva@mail.ru*

Abstract. The results of the analysis of punctuation functioning in the corpus of letters of the semiliterate authors are presented in the article. The variety of ways of text segmentation by means of punctuation is reduced to a classification, which is based on four oppositions: using/not using punctuation, structurally motivated/unmotivated using punctuation marks, using punctuation marks with differentiated / undifferentiated purposes, using one / more than one punctuation mark. The functioning of punctuation marks on different text levels is considered extra.

Keywords: Russian language, letters, punctuation, natural written speech, classification, text levels

For citation: Bageeva OO. On the functioning of punctuation marks in the letters of the semiliterate authors. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):32-51.

Введение

Целью данной статьи является изучение результатов анализа функционирования пунктуации в корпусе писем малограмотных авторов. Начало исследования см. в [1], [2].

Ранее мы рассказывали о первых двух аспектах исследования пунктуации – наборе знаков и систематичности их употребления, объединив их понятием «пунктуационное оформление малограмотного текста» [3]. Данная публикация посвящена третьему аспекту – функциям знаков, выявлению того, какие части предложения и текста осознаются и отмечаются малограмотными авторами. При этом здесь мы ограничимся рассмотрением функционирования знаков в основном тексте письма, без формул начала и конца письма, которые учитываются только в том случае, если они пространственно не отделяются от текста.

Понятие функции знака в пунктуации

Понятие функции в работах о пунктуации является многоплановым. Вслед за Б.С. Шварцкопфом мы будем понимать под функцией «назначение знаков, цель их применения в тех сферах и позициях, где они используются» [4 с. 13]. При этом, говоря о пунктуационных знаках, мы будем иметь в виду не только знаки препинания, но и знаки «периферии» системы русской пунктуации¹. Знаки периферии – это дополнительные графические средства членения текста. К ним относят абзац, различные шрифтовые средства (курсив, светлый и жирный шрифт и т. п.), композиционно-пространственные средства (линейки, звездочки и пр.) и пунктуационно-орфографические комплексы, оформляющие сложные пунктуационные ситуации – контекст с прямой речью или драматическое произведение [4 с. 66–67,71]. Следует уточнить, что вопрос о функционировании пунктуационных знаков в большинстве работ, посвященных пунктуации, сводится к изучению знаков препинания, маркирующих фразу и ее части, что проявляется, в частности, и в существовании терминов «межфразовые» и «внутрифразовые» знаки [5 с. 298]. Употреблению периферийных знаков уделяется гораздо меньше внимания. Однако в наше время отмечается возросшая роль периферийных знаков в процессе «текстостроительства». Периферия заимствует у типографской системы новые средства и возможности и служит для выражения «полифоничности» высказывания [6 с. 148–149]. В исследовании писем малограмотных авторов мы считаем знаки препинания и периферийные знаки равноценными, поскольку в условиях дефицита пунктуационных средств важен каждый знак, употребленный для отделения или выделения какого-то отрезка текста.

Многообразие «стратегий» пунктуационного членения текстов малограмотных авторов можно свести к нескольким способам, представляющим собой звенья классификации².

Классификация текстов малограмотных авторов

Ее первым значимым противопоставлением является противопоставление текстов, в которых употребляется пунктуация, и текстов, в которых она не употребляется. Далее мы проводим различие по тому, применяются пунктуационные знаки в тексте со структурной мотивировкой или без нее.

¹ Термин Б.С. Шварцкопфа, см. [4].

² Первая часть классификации представлена в [3].

Под структурно мотивированным применением знака мы будем понимать отделение или выделение любого структурного элемента предложения или текста, даже такого, который не принято маркировать пунктуационно по существующим нормативным правилам. Необходимость отмечать наличие или отсутствие именно структурной мотивировки обусловлена прежде всего тем, что именно структурный принцип является основным в русской пунктуации [7 с. 243].

Проиллюстрируем указанное противопоставление на примерах. В П-18³ есть пунктуационные знаки, примененные со структурной мотивировкой. В тексте используется три пунктуационных знака: **точка**⁴ (см. пример 1), **запятая** (см. пример 2), и **стык абзацев**⁵ (см. пример 3).

(1) *Также посылали в лес собирать сучья и укладывали на плохую дорогу. из рославского лагеря нас перегнали в стодоличевский р-он где также подвергалась принудительным работам.* (П-18)

(2) *Я подвергалась к работам рыли окопы засыпали ямы на дорога вырезали из травы дирвенье, и выкладовали высокие стены.* (П-18)

(3) *На ваш номер ОИЗ. 10. 2003 г. сообщаю что я вместе сосвоими родителями принудительно была угнона Немцами в Рословский лагерь || Я подвергалась к работам рыли окопы* (П-18)

³ Здесь и далее используется нумерация, принятая в ранее опубликованных исследованиях (см. [1], [2]), согласно которой П-18 – это письмо 18 из корпуса писем в «Фонд взаимопонимания и примирения». Корпус был отобран осенью 2003 года и насчитывает 100 писем. «Фонд» является некоммерческой организацией, осуществляющей оказание материальной помощи людям, пострадавшим от нацистских преследований, и людям, привлекавшимся национал-социалистским режимом к рабскому и принудительному труду. Официальный сайт «Фонда» www.fondvp.ru.

⁴ Нередко в малограмотных текстах нет точки перед прописной буквой первого слова предложения или прописной буквы после точки. В связи с этим в данном исследовании точкой мы называем знак, имеющий три варианта: одиночную точку, одиночную прописную букву и сочетание точки и прописной буквы.

⁵ Знаком стык абзацев мы называем знак, вариантами которого являются: абзацный отступ, неполная (недописанная) строка и сочетание абзацного отступа и неполной строки. В рукописном тексте стык абзацев определяется по расположению строк текста относительно друг друга при условии, что выдерживается левый и/или правый край текста. В данной статье стык абзацев обозначается символом ||.

Стык абзацев и точка (за исключением одного случая) употребляются на границе фраз. Единственная запятая ставится между сочиненными частями предложения. Знак применен структурно мотивированно, несмотря на то что по правилам он в данной позиции не ставится. Вариант **точки** «прописная буква» в слове «Немцами» во фрагменте «*я вместе со своими родителями принудительно была угнана Немцами в Рословский лагерь*» мы не считаем структурно мотивированным, так как это слово находится внутри структурного элемента – глагольной группы.

Тексту П-18 противопоставлен текст П-96, в котором нет ни одного структурно мотивированного знака. В П-96 один раз употребляется **запятая**:

(4) *у деревни Натарова немцев была многа матерю гоняли рыть траншеи к на передовую, линию я чистел лошадей и нас по 2 человека потцанв возили мины снаряды напередовую нам за это довали шишки кукурузы мы в нотарове прожили до самой зимы* (П-96)

Знак стоит внутри предложной группы: «*гоняли рыть траншеи к на передовую, линию*». Постановка знаков без структурной мотивировки может иметь разные причины. Так, например, в исследуемом корпусе можно выделить два основных вида структурно немотивированной постановки. Первый вид – это случайная, ошибочная постановка. Иногда случайность можно даже объяснить. Например, в контексте «*находясь в концлагере города. Рославль в период с Марта по сентябрь 1943 года*» (П-3) случайно поставлена точка после слова «*города*», которое в письмах очень часто сокращается до «гор.». Отметим, что это не единственный пример такой случайности в корпусе. Еще один случай объяснимой ошибки – лишняя запятая в ряду разделенных запятыми однородных сказуемых «*убирала мертвых рыла, окопы, резала дрова в лесу, стирала*» (П-20), где знак поставлен как бы «по инерции».

Второй вид структурно немотивированной постановки – это постановка знаков с какой-то другой мотивировкой, например смысловой. В письмах малограмотные авторы совсем нередко выделяют с помощью прописной буквы определенные слова, чтобы придать им особую важность, например, как в контексте «*Мои Уважаемые детки*» (П-86).

Таким образом, в классе текстов со знаками без структурной мотивировки мы можем, в принципе, выделить два подкласса. К первому относятся письма, в которых имеется смысловая мотивировка знаков, а ко второму – письма, в которых ее нет, и знаки поставле-

ны случайно. Отметим, правда, что нам еще не встречались письма только со смысловой мотивировкой.

Дальнейшие противопоставления касаются только текстов, в которых есть структурно мотивированные пунктуационные знаки.

Среди них мы выделяем случай самого «граммотного» употребления пунктуации, а именно, употребления знаков с дифференцированными целями. В таких текстах пунктуация употребляется системно, у каждого знака есть свое назначение.

Так, например, в П-1 в основной части текста используются три знака: **точка**, **запятая** и **стык абзацев**. **Точка** отмечает фразовый уровень, **запятая** – внутрифразовый уровень, а **стык абзацев** – уровень суперструктуры. В данном тексте знаки не только распределяются по функциям, но и употребляются по правилам:

(5) Я, Д----ин Е---р П---вич⁶ *Насильно был угнан немцами в конц лагерь города Рославля Смоленской области и находился до октября месяца 1943 г. || Там я ухаживал за лошадьми вывозил навоз, поил, кормил Нас т. е. меня гоняли рыть торф. Еще я ходил убирать рожь.* (П-1)

Заметим, однако, что в текстах данного класса знаки могут употребляться не по правилам, но быть распределенными по уровням. Например, в П-47 **точка** употребляется на уровне суперструктуры, отмечая начало структурных частей текста, а единственная запятая действует на внутрифразовом уровне:

(6) Я Е----ова М----я П---вна опишу что помню что происходило со мной в Рославле Когда нас пригнали туда загнали в подвале какого то помещения держали густо два или 3 дня, а потом перегнали в лагерь за колючию пролоку и стали гонят на работу делали дороги засыпали ямки землей носили в корзинах еще гоняли в лес (П-47)

В классе текстов с «граммотным» употреблением пунктуации выделяются два подкласса. К первому подклассу относятся тексты, в которых используется только один пунктуационный знак, последовательно маркирующий один уровень. Ко второму подклассу относятся тексты, в которых используется более одного знака и отмечаются разные уровни. Например, в П-1 и П-47 (примеры 5 и 6) маркируются разные уровни, а в П-8 – только один, фразовый, уровень:

⁶ В публикации применяются следующие условные обозначения: М—ов, М—ова, К—ин сокращение фамилий; В—вич, В—вна сокращение отчества; А—я, В—р сокращение имени; К—ская, Б—ская, Л—ский сокращения названий областей и районов; П—о, М—а сокращение названий городов, сел и т. п.; [...] часть текста утрачена; [нрзбр.] неразборчиво.

(7) *Высылаю Архивную справку Подтверждаю что немцы захватили наше село. И мать работала. Но она рассказывала что они не вели перепеси Люди были не грамотные.* (П-8)

От указанных писем значимо отличаются тексты с не устоявшимся употреблением пунктуации. Авторы этих писем имеют представление о каких-то пунктуационных знаках и видят границы в тексте, но не могут употреблять пунктуацию системно и отмечать последовательно некоторым знаком определенный уровень членения текста.

Так, например, в П-2 автор письма не разграничивает функции **точка** и **стыка абзацев**. Оба знака употребляются на фразовом уровне:

(8) *Я К—ова А—а Д—вна || Действительно поменяла паспорт и у мене изменился новый адрес квартиры. || К—ская область город Г—в улица П—а дом 25 кв 28 адрес почти такой только поменялас квартира. Мне сказали сделай серокопию с паспорта в горсабесе. Что я действительно проживаю по этому адресу.* (П-2)

Отдельно можно рассматривать случаи, когда в тексте используется только один пунктуационный знак. Здесь отсутствие системности выражается в том, что одним знаком автор отмечает единицы различных уровней. Так, например, в П-26 **запятая** употребляется и на фразовом, и на внутрифразовом уровне. Автор письма отмечает с помощью **запятой** все границы в тексте, которые он ощущает:

(9) *[...] я не указала что мы жили в глухой деревушке, когда нас с деревни пуница переселили в 1940 году и хуторов еще небыло лесу, так как в лусу были партизаны и мы уже знали чтобудет война в 40 году, летом строили немцам дороги так как у нас болотистые места, зимой [нрзбр.] дороги по обе сторны, чтоб не сбится с дороги, а на работу нас выгоняли и немцы и полицаи, и полицаии это были раскулаченовые, и был бы мой кресной жив, все говорил в ординах будите ходить, так как мы ходили с донесение в старую торопу и западную двину, и партизам еду носили и все это делали мы подростки, но его Арестова Сергея растреляли 1944 году* (П-26)

В письмах с не устоявшимся употреблением пунктуации могут присутствовать знаки, примененные без структурной мотивировки. Такие письма мы будем отличать от текстов, в которых структурный принцип не нарушается.

В П-26, например, знаки ставятся строго на структурной основе. Этому письму можно противопоставить текст П-51, где **точка** и **отбивка**⁷ «работают» на фразовом уровне. **Отбивка** также используется на внутрифразовом уровне, но не всегда мотивированно:

(10) *Получив письмо 10 ноября 2002 г. где [отбивка] заполнил анкету ответил по анкете вопрос ответ вопросов было десятка два и я ответил и выслал вам заказным письмом и вот уже [отбивка] прошло полгода никакого ответа я не получил. Так вот я повторю [отбивка] ваши вопросы и даю ответ.* (П-51)

В П-2 также имеется немотивированное употребление знаков. Без структурной мотивировки употребляется **стык абзацев** в контексте:

(11) *Действительно поменяла || паспорт и у мене изменился новый*

Итак, с учетом рассмотренных противопоставлений строится классификация способов пунктуационного членения малограмотных текстов, которая графически выглядит так:

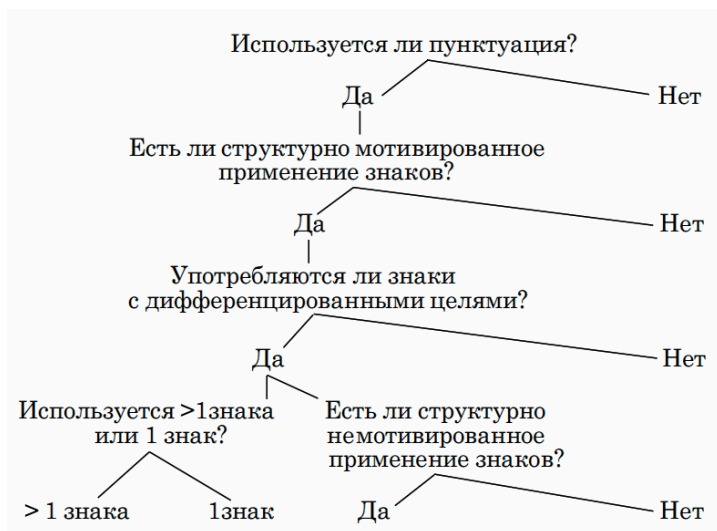

Схема 1. Способы пунктуационного членения

⁷ Отбивка – широкий межстрочный интервал, отличающийся от остальных межстрочных интервалов.

На основе данной классификации мы выделяем 6 основных способов пунктуационного членения:

1. Членение текста с помощью нескольких знаков с их распределением по уровням.
2. Членение текста только на каком-либо одном уровне с помощью одного знака.
3. Не устоявшееся структурно мотивированное применение пунктуации.
4. Применение пунктуационных знаков со структурной мотивировкой и без нее.
5. Применение пунктуационных знаков без структурной мотивировки.
6. Отсутствие пунктуационного членения.

В исследованном корпусе способ 1 обнаруживается в 26 текстах.

В некоторых письмах пунктуационные знаки маркируют три уровня структуры текста. В письме могут отмечаться внутрифразовый, фразовый уровни и уровень суперструктуры. Так, в П-63 **точка** употребляется на фразовом уровне. В тексте есть парцелляция: отделяется именная группа. Единственная **запятая** употребляется на внутрифразовом уровне – разделяет пространенные однородные члены предложения. **Стык абзацев** употребляется на уровне суперструктуры. Знак отмечает заданные адресатом письма структурные части «личные данные и информация о родственниках» и «характер работ в лагере», а также завершающую фразу «это что я помню», относящуюся ко всему тексту:

(12) Я С-----ин В-----й М-----вич содержался лагере г. Рославль Смоленкой обл. семья была отправлена в лагерь как партизанская. Брат матери А-----ин А-----й М-----вич. Был командиром партизанского отряда одну сестру убили а нас отравили в лагерь. Дядя после войны проживал в г Вязьма Смоленской обл там и умер. || в лагере привлекался к работам по ремонту дорог, копал укрытия для техники || это что я помню (П-63)

В корпусе обнаруживаются также письма, в которых пунктуационно отмечаются два структурных уровня. Пунктуационно могут маркироваться более или менее высокие уровни. В П-12, например, маркируются фразовый уровень и уровень суперструктуры. С помощью **точки** отделяется структурная часть «личные данные». **Запятая** маркирует фразовый уровень, выполняя традиционную функцию точки:

(13) З-----ина А-----а А-----вна В 1942 г были со своими родителями насильно угнали нас немцы из своих домов, мы находились в лагере г Рослов немцы заставляли насильно работать гоняли нас взрослых и подростков чистит на дорогах снег, мы былиусталые голодные целыми днями не далеко от лагеря наши пленные капали здоровую яму, их охраняли немцы с собаками пленные падали нас заставляли чистит дальше площадь, не так далеко от лагеря в сарай были коровы наверно отбериали у наших людей, нас немцы заставляли ухашивать за теми коровыми взрослые даили и тоже уберали, мы тоже выносили навознасили воду насили сено, с нами [...] (П-12)

В П-75 **точкой** и **запятой** отмечаются соответственно фразовый и внутрифразовый уровни. Запятая разделяет в данном письме распространенные и нераспространенные однородные члены предложения. В одном случае она ставится перед «и», что считается нарушением правил, но не противоречит критерию структурной мотивированности:

(14) *Здравствуйте Экспертная комиссия сгорячим приветом. Л-----ова Е.К. Теперь опишу где я работала у немца. Вовремя оккупации немец собрал молодеж посадил в автобус и привез нас в деревню Любинка. Там мы работали рыли окопы, и на дорогах рыли куветы находились мы в сараях Мы там пробыли четыре месяца А потом потом немцы нас перевезли на Засецкое под город Киров там была железная дорога, конюшни в конюшнях стояли лошади и мы чистили в конюшнях навоз и гоняли вагоны складам.* (П-75)

Способ 2 встречается в 15 текстах корпуса. В этих письмах используется только один знак, и отмечается только один уровень структуры текста. В большинстве писем используется **точка**, которая маркирует фразовый уровень или уровень суперструктуры. Так, в П-69 мы обнаруживаем употребление **точки** на фразовом уровне, а в П-9 **точка** используется как выделительный знак и маркирует основную часть текста:

(15) [...] *В концлагире мы жили под открытым небом за колючей проволокой по которой проходил электрический ток. В концлагире над нами издевались били морили голодом заставляли работать Собирали и носили камни таскали бревна для устройства дорог и поддездов в корерах грузили песок Из леса таскали дрова пилили кололи для топки кухон и других учреждений* (П-69)

(16) *Уважаемая Трубинова. Н. А Во время вайны работала наша мать а мы шестера детей были в лагерях забиты по углам я была самая старшая я сидела сними ани были самые маленькие адин аднаво меньше а мать заработовала нам еду.* (П-9)

К данной группе писем мы относим также тексты, в которых есть только одно употребление пунктуационного знака. Таким письмом является, например, П-43: в основной части текста используется только **стык абзацев**, который служит для отделения структурной части «личные данные»:

(17) я граждaнка З-----ева Ев. Ф. рождение 28го года || у воину я была екуирована немцами в смоленскую обл. Красенский р-н деревня залужечье где я жела и работала по найму у хозяевопкоа освободили Брянскую обл [...] (П-43)

На уровне суперструктуры употребляется также и единственная **запятая** в П-71:

(18) во время нахождения меня гоняли на разные работы копала траншеи ухаживала за лошадьми убирали кирпич от развалиных домов пришлось бывать и холодной и голодной за калючей проволокой что сказалоь на здоровьи хотя у меня нет инвалидности а половина пенсии уходит на лекарства, а поэтому большое спасибо Вам что Вы не забыли о нас хотя мы в преклоном возрасте (П-71)

Способ 3 обнаруживается в 31 письме корпуса. Все знаки в них применяются со структурной мотивировкой, однако у авторов текстов возникают трудности с разграничением функций некоторых знаков. Нередко авторы не могут разграничить функции двух конечных знаков: **точки** и **стыка абзацев**. Приведем пример: в П-16 в основной части текста используются **точка** и **стык абзацев**. Оба знака употребляются на уровне суперструктуры. Автор, отвечая на запрос фонда, структурирует текст, выделяя три блока информации – «личные данные, информация о пересыльном лагере», «основное место заключения, информация о принудительных работах», «информация об освобождении»:

(19) Я О----ова А-----я И----вна во время Великой ответственной войны была вокуирована в Брянский лагерь || потом нас погнали оттуда и я попала в поселок Бродетск я ни где не работала потому что у меня был маленький ребенок который родился 4 мая 41 || После когда осободили Кус Дугу на отправили домой (П-16)

Отметим, что здесь первая и третья структурная часть совпадают с предложением.

В письмах с третьим способом пунктуационного членения могут также не разграничиваться функции **точки** и **запятой**. Так, в П-30 запятая употребляется на фразовом уровне, «заменяя» оди-

ночную точку перед прописной буквой в контексте «*Аеще я нечего незнаю, мать умерла, Я осталась одна*»:

(20) [...] *осенью мы уехали на родину, собрали немного продуктов. Бабушки там умерли одного брата похоронили на родине Когда вернулись, очен тяжело была мама с молотами, мы ходили сбратом просили милостину Аеще я нечего незнаю, мать умерла, Я осталась одна, похоронила мужа 1996г. а сына в 2001 году. родных у меня близких нет* (П-30)

Среди писем корпуса с не устоявшимся (но структурно мотивированным) употреблением пунктуации встречаются тексты с многофункциональной **запятой**. В П-85, например, знак употребляется и на внутрифразовом, и на фразовом уровне. Автор использует запятую не только для разграничения однородных членов предложения – распротраненных и нераспротраненных, – но и маркирует ею границы предложения. В этом же тексте есть одно употребление на фразовом уровне **стыка абзацев**. Таким образом, функции **запятой** и **стыка абзацев** здесь не разграничены. **Точка** употребляется на уровне суперструктуры:

(21) *Отвечаю на Ваш вопрос, что я делала т.е. какую работу выполняла в лагере ведь наш район был оккупирован с 1941 года по 1943 год 13 августа и я находилась в плену у немцев Они нас выгнали и дома водвор к животным, а нас было шестеро у больной мамы старшая сестра с 1921 года вторая с 1928 г Я с 1930 г брат с 1935 г сестра с 1937 г. брат 1939 г они не пожелели нас малолетних детей разве это ни лагерь смерти у нас было 15 овец, 2 поросенка, корова они всё отобрали || оставили нас голодных и холодных работать заставляли, что им было надо вымыть полы, почистить сапоги, накормит лошадей, а зимой еще и чистили дороги каждый день до другой деревни, а поесть нечего даже зерно забрали лошадям [...]* (П-85)

Способ 4 обнаруживается в 24 текстах корпуса. Пунктуация в этих письмах употребляется как со структурной мотивировкой, так и без нее. В одном и том же тексте могут встретиться и случайные знаки, и знаки, поставленные со смысловой мотивировкой.

В большинстве писем структурно немотивированно употребляется **точка**. Точка может ставиться случайно, по инерции. Случайное употребление мы видим, например, в контекстах: «*в концлагере города. Рославль*» (П-3), «*содержалась в лагери за калюющей проволкой Г Рославля*» (П-20), «*и повезли в Гарод Рослав Смоленскую облать*» (П-25), «*работала с 1942 г. по. 1944 год*» (П-13), «*а 1944 завод*

разбомбили и нас перевезли под Францию» (П-23), «дукументы из Спас-деменого р-н» (П-32), «также нохадилис Гор Кричив» (П-32).

Заметим, что **точка** ставится по инерции в разных письмах в похожих ситуациях – в контекстах, содержащих возможные сокращения и названия.

В некоторых письмах наблюдается употребление **точки** со смысловой мотивировкой: с помощью ее варианта – **прописной буквы** – в тексте выделяются отдельные слова, которые автор считает важными, как, например, в следующих фрагментах: *«была угнона Немцами» (П-18), «родилась Я 1920 году» (П-27), «Уважаемые Товарищу низкий Вам Поклон за вашу доброту» (П-36), «там была Смерть» (П-38), «а сичас я Инвалитка 2 група» (П-38), «вторичные Дукументы в москву постутили» (П-32), «забрали ночью Полицайи» (П-48), «в Сараи просидела день и ночь» (П-48), «во время Войны» (П-60), «были Бои Под Москвой» (П-64), «он был в Лагере» (П-65), «был ли Я напренудительных работах» (П-79), «даважу до Вашого Сведния отом» (П-87), «стали распределять по Хозяевам» (П-99).*

В письмах корпуса можно обнаружить структурно немотивированное употребление и других знаков. Выше уже приводился пример структурно немотивированного применения **отбивки** (П-51). Вероятно, со смысловой мотивировкой употребляется знак ИКТ⁸ в П-55 в контексте:

(22) *Уважаемая
Трубникова Н.А. получил я ваше
письмо и дою ответ подробно (П-55)*

В некоторых письмах встречаются случайно поставленные запяты: *рыла, окопы, резала дрова в лесу (П-20), Получил, Ваше, письмо (П-52), жили в лагери роб по, 12 час (П-87), вы просите меня, написать, письменно (П-88).*

Возможно также случайное употребление **стыка абзацев**. Так, без структурной мотивировки стык абзацев употребляется в П-72, разрывая предложную группу:

(23) *Я инвалид 2 группы и бывший малолетний || узник выдано
удостоверение в || 92 году 06 марта [...]* (П-72)

Такое употребление неполной строки, видимо, можно объяснить желанием автора поместить всю дату на одной строке и неуверенностью в том, что в конце строки для нее хватит места.

⁸ ИКТ – изменение колонки текста, т. е. самой «площади», поля текста. Такой знак имеет место при разном расположении групп строк в тексте.

Самыми непродуктивными в исследуемом корпусе оказались пятый и шестой способы пунктуационного членения. Способ 5 представлен только в одном письме, в котором наблюдается единственное случайное употребление запятой в контексте «*на передовую, линию*» (П-96). Полное отсутствие пунктуационных средств в основной части текста обнаруживается в трех письмах корпуса.

Функции отдельных знаков пунктуации

Кроме способов пунктуационного членения рассмотрения заслуживают функции отдельных знаков.

Точка может употребляться в корпусе на фразовом, сверхфразовом уровне или на уровне суперструктуры и быть разделительным или выделительным знаком. В письмах корпуса активно используются все три варианта **точки**. При употреблении со структурной мотивировкой знак выполняет функции указания на конец предыдущего и/или начало следующего предложения; на начало и/или конец структурной части; на начало и/или конец темы и функцию выделения основной части текста. При употреблении со смысловой мотивировкой вариант **прописная буква** выполняет функцию выделения важных для автора слов.

Хочется отметить, что в письмах малограмотных авторов распространена парцелляция. Отделяться могут:

1) именная группа (группы подлежащего, дополнения, обстоятельства): *Я, Д— — — ии Е— — — р П— — — вич Насильно был угнан немцами* (П-1), *они здут. нашей смерти* (П-23), *22 июня 1941 года Начелась Великая Отечественная Война* (П-97);

2) придаточное предложение: *Подтверждаю Что немцы захватили наше село.* (П-8), *Получила от вас письмо В котором вы просите меня сообщить где и когда мы принуждались к работе.* (П-35)

3) глагольная группа (при сочинении): *Поймали посадили опять вагон. Увезли подальше Лоторингия г. Нант* (П-13), *И там нас загнали кон-лагер, где было много наших военнопленных. И продержали нас, три дня. И после этого посадили в машины и повезли в Гарод Рослав Смоленскую область.* (П-25)

4) предложная группа: *Я буду знать что письмо дошло. к вам* (П-44).

Запятая может употребляться в письмах корпуса на фразовом, внутрифразовом уровне и на уровне суперструктуры. Знак выполняет функции указания на следование далее придаточного предложения; однородных членов предложения (в том числе распростра-

ненных; нередко запятая ставится перед «и»); приложения; сочиненного предложения; сравнительного оборота; постпозитивного определения; обращения. Можно отметить также функции:

1) отделения именной группы: *И продержали нас, три дня.* (П-25), *и нас за это немец бил, железным тросом* (П-88);

2) отделения предложной группы (уточнение, пояснение): *тагда нас стали развезить каво куда, по беларусии* (П-94), *Находилась в лагере под Рословью за колючей проволокой, до прихода и освобождения нас в 1943г осенью»* (П-83);

3) разделения повторяющихся слов: *Я писала нет, нет, нет.* (П-56);

4) указания на конец предложения;

5) указание на следование далее структурной части (см. выше П-71, пример 18).

Стык абзацев может употребляться в письмах корпуса на фразовом, сверхфразовом уровне и на уровне суперструктуры. В большинстве случаев знак представлен вариантом **неполная строка**, редко – вариантом **абзацный отступ**. **Стык абзацев** выполняет функции указания на начало или конец предложения, темы или структурной части письма. Отметим, что во многих письмах **стык абзацев** маркирует структурную часть «личные данные», как, например, в П-77:

(24) *С-----ина О-----а И-----вна || Родилась 1928 г. 5 июня || В июне месяце 1941 года началась война гдето в конце сентября через три месяца в наше село пришли немцы [...]* (П-77).

Стык абзацев, как и **точка**, может служить средством парцелляции. С помощью **стыка абзацев** могут отделяться:

1) придаточное предложение: *а сколько мне положено || столько и дадут компенсации* (П-37), *[...] переждали в село Сисковичи, Орловской обл. || где находилас немецкая комендатура* (П-45);

2) обстоятельная группа: *вторично || посылаю справку свидетеля* (П-31);

3) глагольная группа (при однородности): *номера лагеря я не помню, || я работали мы || копали противотанковый ров* (П-52); *у нас было 15 овец, 2 поросенка, || корова они все отобрали || оставили нас голодных и холодных* (П-85);

3) предложная группа: *Я описывал данные вам как был || угнан немцами из Украины || во время Войны. прошел все инстанции* (П-60)

4) именная группа (**стык абзацев** может «действовать» вместе с **точкой** или **запятой**): *Я А-----ова Т-----а Я-----вна, || в лагере была со своими родителями,* (П-88); *Я А-----ов А-----ий Я-----вич || Отвечаю на ваше письм Лагерь наш [...]* (П-80).

Знак ИКТ, как правило, служит для выделения коммуникативной рамки письма, но может встречаться и в основной части текста и маркировать единицы различных уровней. У этого знака обнаруживаются следующие функции:

1) выделение предложения:

(25) *Когда вернулись, очень тяжело была
мама с молотами, мы ходили
с братом просили милостину
А еще я нечего не знаю, мать [...]* (П-30)

Здесь выделение предложения происходит с помощью сужения колонки текста.

2) выделение структурной части текста (например в П-20 ИКТ имеет вид скоса вниз):

(26) *Прошу вас дети не отказать маей
пробьбы оказать мне помоч за
мое пережиток это вайны
не дай бог вам это видеть
Б-----ова*

3) одновременное выделение части предложения (в примере – именной группы) и указание на конец предложения:

(27) *мама: З---ова Е-----а
С-----вна
нас с мамой осталось
трое: две сестры Валя и
Нина они младше меня* (П-99)

4) одновременное выделение части предложения (в примере – предложной группы) и указание на конец структурной части:

(28) *Я Ж---ова А-----а Ф---вна 1943 г. 12 августа была
угнана из деревни П-----о в месте со своей семьей в лагерь
г. Брянска*

«Урицкий»

*Содержали нас в бараках за колючей проволокой в лагере
меня заставляли работать полоть, гоняли на машины грузить вся-
кую эрунду кормили один раз в сутки брюква червями да лист ка-
пустный самый негодный, плетки доставалась.*

*В лагере была пока наш фронт пришел как их погнали немых
фрицав* (П-78)

Точка с запятой употребляется в письмах корпуса на внутрифразовом и фразовом уровне. Знак может выполнять или одновременно две функции: грамматическую и смысловую, или только грамматическую функцию. В исследуемых письмах отмечаются следующие функции точки с запятой:

1. Указание на следование распространенных однородных членов предложения и обозначение большей, по сравнению с запятой, законченности разделяемых частей предложения: *Работала грузчицей к-ра глины по 8–10 кг к машинам по 5–6 тонн; отработала два года* (П-13).

2. Указание на следование сочиненных предложений в составе сложного и обозначение большей, по сравнению с запятой, законченности разделяемых единиц: *может напишите ждате мне евро или мне небудут., вам бог здаровья даст; желаю вам усем крепкова здаровья долгих лет жизни, успехов в работе: большова счастья, и большой бальной любви. и чистой как слиза, чтобы всё время улыбалис ваши красивои глаза; с уважен к И---ова З Н.* (П-84). Индивидуальный знак «.,», видимо, можно считать неправильно написанной точкой с запятой.

3. Указание на конец предложения: *нас пренуждали к различным видам работ по уборке территории; В сентябре 1943 г. вернувшись домой [...]* (П-3).

Двоеточие употребляется в письмах на внутрифразовом уровне и уровне суперструктуры. Знак выполняет функции:

1. Обозначение пояснительных отношений между частями предложения: *Я отвечаю на ваш вопрос работала я или нет: работать я немогла* (П-15); *Я была уже дастатчна взрослоя чтобы выполнять все работы какие мне прказывали: убирала мёртвых рыла, окопы, резала дрова в лесу* (П-20); *нас с мамой осталось трое: две сестры Валя и Нина они младше меня и старший брат Леня ему было 15 лет* (П-99).

2. Разделение однородных членов предложения: *желаю вам усем крепкова здаровья долгих лет жизни, успехов в работе: большова счастья, и большой бальной любви.* (П-84).

3. Указание на следование сочиненных предложений в составе сложного: *обчим пишу а у самой заходится сердце от страсти. а слагеря погнали дальше догнали до деревни мальковка: и с этой деревни оне нас бросили, так как шли русские* (П-14).

4. Указание на следование далее основной части текста: *Уважаемая экспертная комиссия на ваше письмо-запрос отвечаю: я Д---ова Е---я В---вна со всей семьей угонялась немцами [...]* (П-98).

Тире употребляется в письмах на внутрифразовом уровне. Мы отмечаем у тире следующие функции:

1) обозначение причинно-следственных отношений между частями предложения: *я через 7 мес очень заболела – лежала в лазарете* (П-87);

2) разделение (распространенных) однородных членов предложения: *Выгнали нас издеревни – созгли Высочек, когда и всех угоняли* (П-64); *с Марта 1942 г по апрель 1944 года находился в Гомеле и Речецком лагери – пилил лес в доль дароги* (П-5); *меня–нас–многих угнали в германию насильно в 1942 году* (П-87);

3) разделение сочиненных предложений: *уеё мать скупая кармила в проголод одежду не довала ходили мы оборвоны – абращалас плоха – не плотила за труд* (П-87).

Грамматическая функция **скобок** – предупреждение о включении вставных слов, словосочетаний и предложений. Функция предупреждения фактически осуществляется левым элементом, т. е. открывающей скобкой. Смысловой функцией является создание перебоя основной линии изложения. Замечено, что часто скобки выделяют элементы, чужеродные для состава предложения [4 с. 48]. Вследствие их семиотического содержания (делимитация фрагмента предложения или текста) скобки монофункциональны, как и прочие выделительные знаки [8 с. 12].

В исследуемом корпусе вставными элементами могут быть:

1) отдельные слова: *пенсию дают мизерную (менимальную)* (П-23);

2) предложение: *так мы оказались в Латвии там нас (а было очень много семей) стали распределять по Хозяевам* (П-99);

3) именная группа: *наши войска стали наступать от г Кирова (Калужской обл)* (П-46);

4) предложная группа: *и нас перевезли под. Францию Никорельц /в штольну/ под землей* (П-23);

5) глагольная группа (при однородности): *Во время прибывания в лагере привлекались принудительно к работам по строительству оборонных сооружений (копали окопы, траншеи и противотанковые рвы и т.д.)* (П-98);

6) структурная часть текста: *На ваш запрос (Для Эк дела № 306438) Я О---ова Л---я Д---вна отвечаю незамедлительна* (П-34).

Кавычки, как и двоеточие, является знаком, для которого не выделяется чисто грамматическая функция. Смысловой функцией кавычек является предупреждение о следовании прямой речи или условного наименования, а также выражение модальных и метая-

зыковых оценок [4 с. 27]. В исследуемых письмах кавычки служат для выделения названий: *название лагеря было «Битюк»* (П-28); *была угнана из деревни П---о вместе со своей семьей в лагерь г. Брянска «Урицкий»* (П-78).

Восклицательный знак традиционно служит для обозначения конца предложения или текста и одновременно с этим для обозначения экспрессивно-эмоционального характера предложения [4 с. 24]. Эти функции и выполняет восклицательный знак в двух письмах корпуса:

(29) *Девочка Уля перешла в 8 клас а сколько им много нада а здес так дорга всё и еда и одежда!* (П-84)

(30) *В сентябре 1943 г. вернувшись домой || Наша || Деревня была сожжена зимовали в уцелевшей || Болва! || соседней деревни.* (П-3)

Отметим, что в П-84 (пример 29) с помощью восклицательного знака выражаются эмоции автора относительно содержания высказывания, а в П-3 – эмоции автора по отношению к самому себе (недовольство автора по поводу неточности выражения своей мысли). Как уже отмечалось, поскольку в корпус входят деловые письма, текстов с экспрессивной пунктуацией в основной части письма в нем мало.

Отбивка может использоваться в корпусе на фразовом уровне и на уровне суперструктуры. У отбивки мы отмечаем следующие функции:

1) разделение предложений: *Где находился в Германии* [отбивка] *Находился в городе Гамбурге* (П-51);

2) отделение структурной части:

(31) *желаю вам усем крепкова здоровья
долгих лет жизни, успехов в работе:
большова счастья, и большой бальной
любви. и чистой как слиза, чтобы
всё время улыбалис ваши красивой
глаза; с уважен к И----ова З Н.*

[отбивка]

*жизнь стала очень тяжелое нет
порятку негде всё розвалили*

Только в одном тексте корпуса (П-57) используется знак **увеличенный пробел на строке**, указывая на переход к другой теме:

(32) *Я только помню что нас гнали хутор Ново Александровское а дер я уже забыла Теплово вродебы Парфеново а фрон стоял говорили что Зайцева Гора. а жили мы в фонарных будках по несколько человек а через некоторое время немцы стали отступать и мы бежали все выполняемые работы были преднозначены [увеличенный пробел на строке] на немецкую армию а в лагере мы были в Рославле.*

Также всего один раз в корпусе встретился **знак перечня** (П-25):

(33) *Нас они привлекали к работе 1 таскал воды
2 Пилить двор*

Знак **подчеркивание** отмечается в 5 текстах. Употребление знака не связано с маркированием структурных единиц предложения и текста. Подчеркивание – смысловой знак, служащий для выделения любого элемента, который считается автором важным. Авторы писем корпуса используют подчеркивание для дополнительного выделения названий, имен, дат.

Заключение

В заключение хочется выделить несколько общих особенностей функционирования пунктуации в исследованных письмах.

Интересными особенностями являются взаимозаменяемость и универсализация пунктуационных знаков, унификация функций знаков. Как видно из приведенных примеров, **точка** может выполнять традиционные функции стыка абзацев; **запятая** – функции точки; **тире**, **двоеточие** и **точка с запятой** могут быть лишены смысловой функции и просто заменять запятую и т. п. Подобные тенденции были зафиксированы и в других текстах естественной письменной речи [9 с. 4–10], [10 с. 6–19]. Таким образом, можно уже говорить о них как об универсальных «естественных» функциях пунктуационных знаков.

В письмах малограмотных могут пунктуационно выделяться структурные элементы, которые по правилам пунктуационно не маркируются. Выделяются, как правило, различные обстоятельные группы и группы дополнения.

В письмах исследуемого корпуса действует выходящий сегодня на первый план коммуникативно-прагматический принцип пунктуации [11 с. 90], [16 с. 8], выражающийся, в частности, в широком распространении парцелляции. Уже отмечалось, что коммуникативный принцип является ведущим принципом пунктуации

некодифицированного текста [12]. Добавим, что использование прописной буквы и/или точки для выделения полного и неполного предложения, написание с прописной буквы важных для автора слов было замечено в граффити [13]. Правда, в граффити отклонение от нормы объясняется скорее «возрастными особенностями и установками на игровое поведение» авторов текстов, чем элементарным незнанием правил русского языка.

В некоторых письмах малограмотных авторов наблюдается только крупное членение текста. Данный случай можно рассматривать как пример схожести отклонения от пунктуационной нормы и ее несформированности. Известно, что в допечатный, раннепечатный периоды и вплоть до рубежа XVIII–XIX вв. в неофициальной письменной речи (личная переписка, неофициальные записи делового характера) присутствовал минимум знаков и большую роль играло узуальное и личностное начало [5 с. 297]. Было обнаружено также, что отсутствие знаков препинания в ряде случаев могло возмещаться употреблением абзацев [14 с. 157–158]. В документах XVII в. абзацы могли быть разделены интервалами в одну или две строки и начинались с союзов *a, i, da*. Конец абзаца иногда мог маркироваться точкой или срокой [15 с. 171]. Исследование употребления знаков препинания в частной переписке XVII в. показало, что пунктуационные знаки нередко использовались для выделения реквизитов письма, формул вежливости, а в содержательной части – для выражения смыслового членения [14 с. 160–168].

Литература

1. Багеева О.О. Письма малограмотных авторов начала XXI века – источник для изучения пунктуационного узуса. Публикация 1-я // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». 2008. № 6. С. 227–245. (Московский лингвистический журнал. Том 10).
2. Багеева О.О. Письма малограмотных авторов начала XXI века – источник для изучения пунктуационного узуса. Публикация 2-я // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». 2010. № 9 (52). С. 273–296. (Московский лингвистический журнал. Том 12).
3. Багеева О.О. Типы пунктуационного оформления писем малограмотных авторов // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». 2009. № 6. С. 68–80. (Московский лингвистический журнал. Том 11).
4. Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: Система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 190 с.

5. *Орехова Н.Н.* Русская и английская пунктуация в контрастивно-типологическом аспекте: Опыт диахронно-синхронного исследования // *Язык и мы. Мы и язык: Сб. статей памяти Б.С. Шварцкофа.* М.: РГУ, 2006. С. 294–303.
6. *Меркулова И.Г.* Периферийные знаки препинания в современной французской прозе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 167 с.
7. *Щерба Л.В.* Пунктуация // *Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность.* Л., 1974. С. 241–244.
8. *Орехова Н.Н.* Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языка). Ижевск: Удмуртский университет, 2000. 216 с.
9. *Лебедева Н.Б.* Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // *Вестник БГПУ.* 2001. № 1. С. 4–10.
10. *Ярица Л.И.* Пунктуационные нормы и тенденции их изменения в некодифицированных текстах. На материале конспектов студентов томских вузов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 22 с.
11. *Барулина Н.Н.* Принципы современной русской пунктуации с учетом коммуникативного аспекта языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982.
12. *Гордеева О.И.* О реализации пунктуационной системы русского языка в некодифицированном тексте // *Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц.* Сб. ст. в честь проф. Т.А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 333–339.
13. *Стрелева Н.В.* Пунктуация в граффити // *Вестник Оренбургского государственного университета.* 2007. № 77. С. 117–121.
14. *Филиппова И.С.* Из наблюдений над элементами пунктуации в скорописи // *Исследования по лингвистическому источниковедению.* М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 156–170.
15. *Орешиников А.С.* Заметка о пунктуации в московских документах XVII века // *Исследования по лингвистическому источниковедению.* М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 171–174.
16. *Лыскова И.Ю.* Формирование пунктуационных систем в литературном языке: На материале немецкого XVII–XVIII вв. и французского XVI–XVIII вв. языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2006. 23 с.

References

1. Bageeva O.O. The Letters of semiliterate authors of the early 21 century – a source for the study of punctuation usage. The first part. *RGGU Bulletin. "Philology. Linguistic Series"*. 2008;6:227-45. (Moscow Journal of Linguistics. Vol. 10). (In Russ.)
2. Bageeva O.O. The letters of semiliterate authors of the early 21 century – a source for the study of punctuation usage. The second part. *RGGU Bulletin. "Philology. Linguistic Series"*. 2010;9(52):273-96. (Moscow Journal of Linguistics, Vol. 12). (In Russ.)
3. Bageeva O.O. The types of punctuation layout in the letters of semiliterate authors. *RGGU Bulletin. "Philology. Linguistic Series"*. 2009;6:68-80. (Moscow Journal of Linguistics. Vol. 11). (In Russ.)
4. Shvartskopf B.S. Modern Russian punctuation. The system and its operation. Moscow: Nauka Publ.; 1988. 190 p. (In Russ.)

5. Orekhova NN. Russian and English punctuation in the contrastive-typological aspect. Experience of diachronic-synchronous study. V: Language and we. We and the language. Sat articles in memory of B.S. Schwarzkopf. Moscow: RGGU Publ.; 2006. p. 294-303. (In Russ.)
6. Merkulova IG. Peripheral punctuation marks in modern French prose. [dis. ... kand. philol. nauk.] Moscow, 2001. 167 p. (In Russ.)
7. Shcherba LV. Punctuation. V: Shcherba LV. *Language system and speech practice*. Leningrad, 1974. p. 241-44. (In Russ.)
8. Orekhova NN. Punctuation and writing (by materials of the Russian and English languages). Izhevsk: Udmurtskii universitet Publ.; 2000. 216 p. (In Russ.)
9. Lebedeva NB. Natural written Russian speech as an object of linguistic study. *Vestnik BGPU*. 2001;1:4-10. (In Russ.)
10. Yaritsa LI. Punctuation norms and tendencies of their change in non-codified texts. By material of abstracts of Tomsk higher schools students. [avtoref. dis. ... kand. philol. nauk.]. Tomsk, 2009. 22 p. (In Russ.)
11. Barulina NN. The principles of modern Russian punctuation with accounting the communicative aspect of the language. [avtoref. dis. ... kand. philol. nauk.]. Leningrad, 1982. (In Russ.)
12. Gordeeva OI. On the applying of the punctuation system of the Russian language in a non-codified Text. V: Asymmetry as the principle of the functioning of language units. Sat Art. In honor of prof. T.A. Kolosova. Novosibirsk, 2008. p. 333-39. (In Russ.)
13. Strenева NV. Punctuation in the graffiti. *The "Vestnik of the Orenburg State University" magazine*. 2007;77:117-21. (In Russ.)
14. Filippova IS. From observations of punctuation elements in cursive. V: Linguistic source studies. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ.; 1963. p. 156-70. (In Russ.)
15. Oreshnikov AS. A note on punctuation in Moscow documents of the 17th century. V: Studies in Linguistic studies sources. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ.; 1963. p. 171-74. (In Russ.)
16. Lyskova IYu. The formation of punctuation systems in the literary language. By the material of the German language (in 17th-18th centuries) and the French language (in 16th-18th centuries). [avtoref. dis. ... kand. philol. nauk.]. Izhevsk, 2006. 23 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга О. Багеева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olga-bageeva@mail.ru

Information about the author

Olga O. Bageeva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; olga-bageeva@mail.ru

Количественный анализ
наиболее распространенных лексических групп
в гадательной книге «Магид давар»

Евгения Д. Зарубина

*Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия; Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, evgeniya.zarubina93@gmail.com*

Аннотация. В середине XVI в. Анкона, один из центров торговли в Средиземноморье, переживала период расцвета. Еврейская община города оставила после себя значительное число памятников, одним из которых является рукопись гадательной книги «Магид давар». Анализ некоторых лексических групп в этом документе представлен в настоящей статье. Были рассмотрены наиболее распространенные лексические группы, включающие «торговля», «компаньоны», «женитьба», «потомство», «дорога» и т. д. Результаты анализа систематизированы в виде гистограмм, наглядно отображающих соотношения между различными лексическими группами. Полученные сведения представляются важными в контексте изучения структуры интересов создавшего их сообщества.

Ключевые слова: рукопись, гадательная книга, XVI в., лексический анализ, количественный анализ

Для цитирования: Зарубина Е.Д. Количественный анализ наиболее распространенных лексических групп в гадательной книге «Магид давар» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 55–72.

Frequency analysis
of the major lexical groups
in *Maggid davar* divination book

Evgeniya D. Zarubina

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
evgeniya.zarubina93@gmail.com*

Abstract. In the middle of 16th century, the Mediterranean port of Ancona entered a period of prosperity. The Jewish community of that period produced a number of important documents including the divination book *Maggid davar* manuscript. The present paper concentrates on the analysis of some of the lexical groups in that document. Among mostly extended groups discussed there are those connected with “trade”, “fellowships”, “marriage”, “offsprings”, “road” etc. The analysis results are systematized in the form of bar graphs, which are bringing forward the correlations of different lexical groups. The accumulated data appears to be crucial while studying the interest structure of the Jewish community which created them.

Key words: manuscript, divination book, 16th century, lexical analysis, frequency analysis

For citation: Zarubina ED. Frequency analysis of the major lexical groups in *Maggid davar* divination book. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;12(45):55-72.

Введение

Рукопись «Магид давар» представляет собой гадательную книгу из Анконы, Италия, датированную согласно колофону 1550 годом. Вера в магию была распространена во всех слоях еврейской общины, и магические практики, такие как гадание, за действие амулетов и произнесение формул, использовались достаточно широко [1 с. 350], поэтому для текстов, относящихся к

магической сфере, было характерно достаточно близкое знакомство с интересами целевой аудитории. Относительно небольшой объем рассматриваемой гадательной книги обуславливает включение в него самых важных для аудитории тем. В числе таковых находится коммерция, что объясняется важной ролью Анконы в торговле на Адриатике и в восточном Средиземноморье. Также нужно отметить, что еврейские сообщества итальянских городов жили в тесном взаимодействии и с христианскими властями, при этом взаимодействие не ограничивалось исключительно административно-правовыми вопросами. Еврейские торговцы могли покупать товары у христиан, общинная администрация вела переговоры с властями о предоставлении привилегий и т. д. Все эти обстоятельства создавали контекст, в котором существовала рукопись, формировали «лексический багаж», который, по мнению некоторых исследователей, оказывал прямое влияние на то, каким образом сообщество концептуализировало окружающую его действительность [2 с. 87].

Структура памятника

Структурно памятник делится на две части – иллюстративную и текстовую, включающую в себя колофон, введение, список гадательных вопросов и семнадцать страниц с предсказаниями [3 с. 65–76]. Каждая из страниц включает заголовок, соответствующий одному из гадательных вопросов, и семнадцать предсказаний. Общий сохранившийся объем рукописи составляет двадцать шесть листов (на основании анализа структуры документа можно предположить, что по меньшей мере одна страница была утеряна), язык текста – иврит. В колофоне указывается название книги, предполагаемый автор, место написания, переписчик, время и место копирования. Способ гадания описывается во введении и основан на обращении к списку гадательных вопросов, задающих тематику гадания, после чего выбирается страница, соответствующая вопросу. Выбор предсказания на странице происходит по вероятностному принципу. Непосредственно механизм гадания индивидуален, поскольку предполагает личный выбор вопроса и применение вероятностного элемента, однако книга могла использоваться многократно разными людьми. Об этом свидетельствуют следы применения гадательной техники, заметные на разных листах рукописи.

Страниц с предсказаниями сохранилось семнадцать, на каждой из них расположено семнадцать предложений, имеющих номер от двух до восемнадцати, а также заголовок. Последний представляет собой переформулированный гадательный вопрос и служит связующим звеном между списком вопросов и отдельными предсказаниями. Гадающий имеет возможность выбрать один из вопросов списка (например, «Будет у тебя сын или дочь») и соотнести его с заголовком той страницы, на которой ему следует искать предсказание (в данном случае заголовок звучит как «Родит ли беременная сына или дочь»). Именно текст предсказаний будет анализироваться в настоящей статье.

Часть с предсказаниями является самой объемной из всех, составляющих структуру гадательной книги. Страницы со списками предсказаний составлены по единой схеме. Объем отдельного предсказания редко превышает десять слов. Язык предсказаний, несмотря на наличие отсылок и прямых цитат из классических еврейских текстов, также относительно простой; различные прочтения возможны только в нескольких случаях. Синтаксический строй предложений также является достаточно простым.

Основные тематические группы

Основная тематика отражена в списке из восемнадцати гадательных вопросов, из которых четыре посвящены торговле, четыре – семейным делам (из них два вопроса касаются детей спрашивающего, один – жены и еще один – получения наследства). Среди остальных вопросов встречаются как близкие по тематике к упомянутым выше группам (например, состоящий из одного слова вопрос про «Товарищество»), так и разнонаправленные, например, «Долголетие», «Выздоровеет ли больной», «Освободится ли заключенный» и т. д. Именно со списком в первую очередь знакомится человек, который решает приступить к гаданию, и в силу этого в список должны быть включены наиболее важные для аудитории темы и ситуации. На его основании будут выделены семантические группы, которые являются самыми актуальными в рамках исследуемого памятника.

Таблица 1

Список гадательных вопросов¹

номер	вопрос
1	будет у тебя сын или дочь ²
2	успешен ли будешь в торговле
3	долг будет ли оплачен
4	женщина, которую ты любишь
5	потеря и кража
6	освободится ли заключенный
7	прибыльны ли будут купленные товары
8	будут ли у тебя сыновья или дочери
9	будет ли дешев урожай
10	что будет [тебе] от страха
11	как закончится война
12	товарищество
13	получишь ли наследство
14	начало пути
15	будешь успешен в своих закупках
16	выздоровеет ли больной
17	долголетие
18	разбогатеешь ли

Основными тематическими группами, в которые объединяется лексика, имеющая связанные значения [4 с. 28], являются «торговля» и «семья». Они дополняются вопросами, касающимися богатства (сюда относятся возвращение долгов, совместное ведение дел, поиск пропавшей или украденной вещи), отношений с властями (судьба заключенного в тюрьме и возможные препятствия со стороны чиновников), удачливости во время путешествия и долголетия. Любопытно отметить, что ни одного вопроса, посвященного религиозным делам, в списке возможных вариантов не оказалось. Тем не менее некоторые общеупотребимые религиозные термины (например «молитва», «милостыня») иногда встречаются в предсказаниях, однако не занимают центрального положения.

¹ В данной таблице опущено присутствующее в рукописи указание на адресата вопроса.

² Поскольку в оригинальной версии вопросительные знаки отсутствуют, они не были переданы и здесь.

В данной статье предполагается проанализировать два основных вопроса. Во-первых, будет выявлена общая значимость тематической группы в рамках рассматриваемой культуры. Во-вторых, будет рассмотрена их важность в соответствии с позицией в тексте. Как было сказано выше, каждая из позиций, соответствующих одному из гадательных вопросов, задает жизненную ситуацию. Поэтому сравнительный анализ появления слов определенной тематической группы позволит выяснить ее сравнительную значимость.

Перед тем как перейти непосредственно к рассмотрению языкового материала гадательной книги, представляется необходимым прокомментировать понятие «тематической группы» применительно к языку иврит. В 2000 году в Израиле был издан словарь языка иврит, в котором имеется отдельный раздел со словами, относящимися к одному семантическому полю [5 с. 32]. Как видно на примере семантического поля «время», к нему могут быть отнесены как однокоренные слова, так и неоднокоренные. Такой же подход был использован и в данной статье. Лексика была объединена на основании общего семантического компонента. В скобках во второй графе приведены словосочетания на языке оригинала. Следует отметить, что некоторые выражения были добавлены к соответствующей тематической группе на основании того значения, которое они имели в контексте предсказания в целом.

Таблица 2

Наполняемость лексических групп в документе³

тематическая группа	наполняемость
торговля	закупки (קניין), товар (סחורה), покупай (קנה), продаваемое (נמכרים), дороговизна (יוקר), торговцы (סוחרים)
компаньоны	вступать в товарищество (תתחבר), брать в товарищи (קנה חבר), товарищество (שותפות, שיתוף)
женитьба	брать в жены (תקח אשה), жениться (תשא אשה), соединиться с женщиной (תתחבר אל האשה), приблизиться к женщине (קרб אל האשה), женщина, которую ты любишь (אשה אשר אהבת), женщина, поселившаяся с тобой (האשה תשב אתך)
потомство	сыновья и дочери (בנים ובנות), сын (זכר), сыновья (בנים), дочь (בת)

³ Эквиваленты выражений на иврите даны в соответствии с написанием, использованным в тексте рукописи, которое не всегда соответствует орфографии современного иврита.

Окончание табл. 2

тематическая группа	наполняемость
дорога	дорога (דרך), путешествовать (הולך)
успех	успех (הצלחה), преуспеешь (תצליח), богатство (עושר), удача (מזל טוב)
неудача	неудача, убыток (אבידה), терпеть убыток (תפסיד), кража (גניבה)
страх	страх (פחד)
долголетие	удлинятся дни и годы (תאריך ימים ושנים תאריך ימים)

В таблице отражены наиболее важные понятия, вокруг которых строились интересы евреев-жителей Анконы. Как уже отмечалось, торговля была одним из основных занятий еврейской общины Анконы в период, к которому относится документ. Поэтому появление среди основных тематических групп «торговли», «компаньонов» и «дороги» представляется вполне логичным. Прочие понятия относятся к семейной жизни (группы «женитьба» и «потомство») и отвлеченным понятиям («успех», «неудача», «страх»).

Количественное соотношение тематических групп

Теперь будет рассмотрена сравнительная значимость каждой из лексических групп для аудитории гадательной книги. Для этого были подсчитаны все случаи употребления слов, относящихся к той или иной группе, в тексте памятника. Результаты представлены в следующей таблице по убыванию частоты встречаемости.

Таблица 3

Общее число упоминаний тематических групп в рамках документа

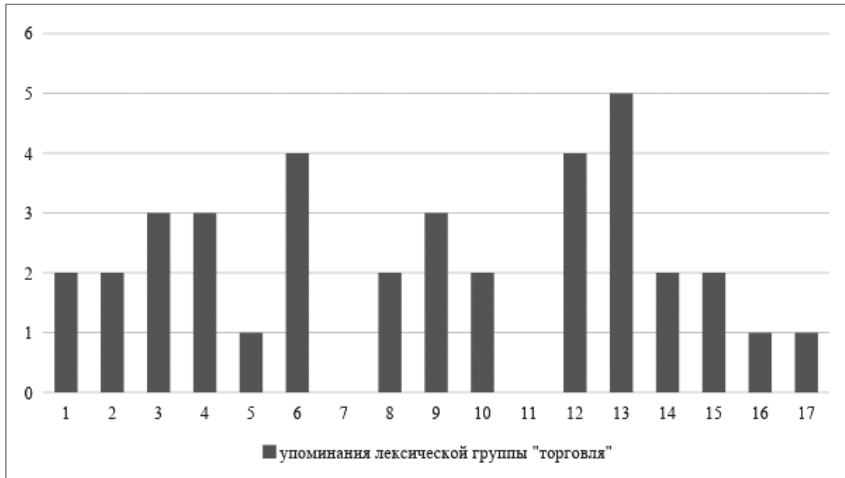
тематическая группа	число упоминаний
потомство	39
торговля	37
дорога	29
женитьба	20
успех	14
компаньоны	14
страх	14
неудача	12
долголетие	11

Как видно из представленных сведений, наиболее важными для аудитории являлись вопросы потомства и торговые дела. Интерес к потомству (и связанная с ним лексическая группа «женитьба») может быть назван характерным для традиционных обществ в целом, в то время как появление торговли в качестве одной из важнейших тем гадательной книги является культурно-специфичной чертой. Специализация на торговле с Левантом была характерна для еврейской общины Анконы, часть членов которой была представлена евреями иберийского происхождения. Ориентированность еврейских сообществ на торговлю являлась одной из важнейших причин, по которым итальянские города, в том числе Анкона, предоставляли еврейским общинам покровительство и привилегии.

Этими же культурно-историческими причинами обусловлено и присутствие лексических групп «дорога», «компаньоны», а также отчасти и групп «успех» и «неудача». Торговля с Левантом была рискованным занятием, требующим значительных капиталовложений. По этим причинам еврейские торговцы предпочитали организовывать совместные предприятия, которые служили как защитой интересов коммерсантов, так и уменьшению расходов на путешествия. Также любопытно отметить ориентированность гадательной книги на мужчин, поскольку ни одного упоминания «замужества» не присутствует, а все выражения, связанные с брачными связями, включают элемент «женщина» (например, «приблизиться к женщине» или «соединиться с женщиной»).

Лексические группы и их расположение в тексте

Теперь важность лексических групп будет рассмотрена в соответствии с их позицией в тексте, в частности в рамках разделения на семнадцать предсказаний на каждой из страниц. Так, на гистограммах, иллюстрирующих соотношения понятий, по горизонтали будет отмечен порядковый номер позиции на листе, а по вертикали – количество упоминаний понятий во всех предсказаниях, имеющих соответствующий порядковый номер, на всех листах. Например, значение «3» по вертикали для одиннадцатой позиции по горизонтали означает, что во всех одиннадцатых предсказаниях на всех сохранившихся листах рукописи было обнаружено только три упоминания соответствующего понятия. Их значимость будет сравнена со средним значением для каждой из лексических групп,

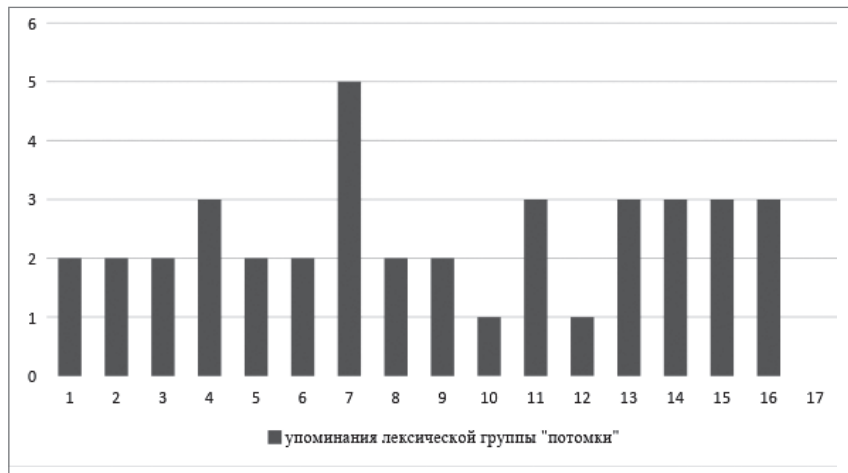

Гистограмма 1. Упоминания лексической группы «торговля»

что позволит выявить корреляцию между жизненной ситуацией, заявленной в соответствующем гадательном вопросе, и конкретными предсказаниями. Для получения среднего значения для той или иной лексической группы складывались значения для всех позиций и делились на семнадцать, по числу предсказаний на странице.

Наиболее высокая частота появления слов, относящихся к этой лексической группе, приходится на 13 позицию, соответствующую вопросу «Получишь ли наследство», а также на 4 позицию (вопрос «Женщина, которую ты любишь») и позицию 12 (вопрос «Товарищество»). Отсутствуют слова этой семантической группы на позициях 7 и 11, соотносимых с вопросами «Прибыльны ли будут купленные товары» и «Как закончится война». Таким образом, прямой зависимости между ситуацией, обозначенной в списке гадательных вопросов, и лексическими группами не прослеживается на примере данной семантической группы.

При сравнении частотности употребления лексических групп, связанных с торговлей и потомками, получается, что они находятся приблизительно на одном уровне, с незначительным перевесом в сторону лексики, обозначающей потомков. Так, среднее значение для упоминаний торговой лексики составляет 2,17, в то время как среднее значение частотности лексической группы «потомство» — 2,29. В среднем на каждую позицию приходится по два слова, отно-

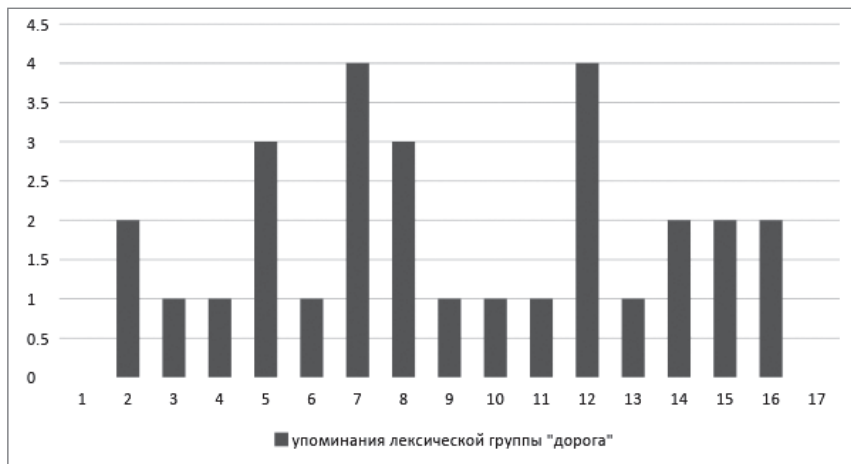
Гистограмма 2. Упоминания лексической группы «потомки»

сящихся к этим группам. При упоминании потомства предпочтение отдается сыновьям: семь раз зафиксировано выражение «сыновья и дочери», столько же раз упоминаются только «сыновья». Заинтересованность в потомстве была незначительно выше, чем в торговле, что, возможно, обуславливалось влиянием религиозных представлений о важности рождения сына.

Слова из данной лексической группы распределены по тексту документа достаточно равномерно. Наибольшее число приходится на позицию, соответствующую 7 гадательному вопросу («Прибыльны ли будут купленные товары»), отсутствуют слова данной группы на позиции 17 вопроса – «Долголетие». Здесь прослеживается аналогичная тенденция – а именно отсутствие связи между темой гадательного вопроса и встречаемостью слов, относящихся к той или иной лексической группе.

Следующая лексическая группа тесно связана с группой «торговля», если принять во внимание расстояния, которые должны были преодолевать еврейские коммерсанты для успешного осуществления своих торговых дел. Среднее значение для упоминаний дороги несколько ниже, чем для двух основных лексических групп, и составляет 1,7.

Наибольшее число упоминаний дороги приходится на позиции 7 (гадательный вопрос «Прибыльны ли будут купленные товары») и 12 (вопрос «Товарищество»). На одно упоминание мень-

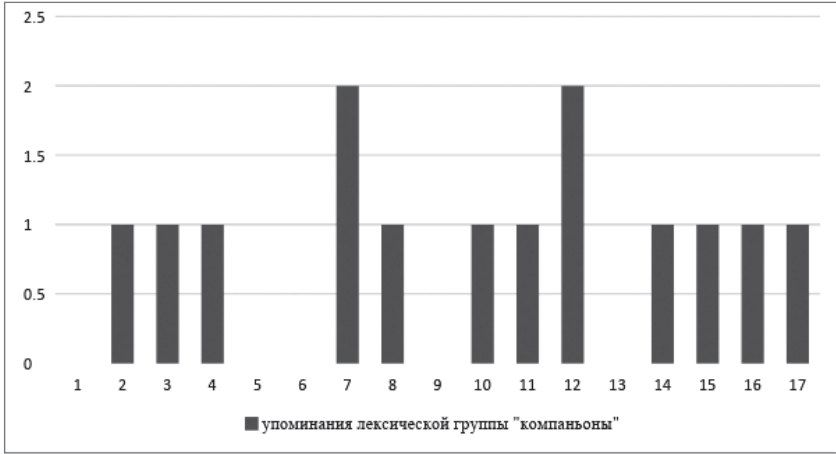

Гистограмма 3. Упоминания лексической группы «дорога»

ше зафиксировано на позициях 5 (вопрос «Потеря и кража») и 8 (вопрос «Будут ли у тебя сыновья и дочери»). Ни разу дорога не упоминается на позициях 1 и 17, соответствующих вопросам «Будет ли у тебя сын или дочь» и «Долголетие». Как и в ранее рассмотренных случаях, корреляции между позициями и распределением лексических групп во всех случаях не наблюдается. Однако можно отметить, что случаи наибольшей встречаемости слов данной лексической группы относятся к жизненным ситуациям, связанным с закупками товаров и товариществом.

Лексическая группа «компаньоны» будет рассмотрена ниже. Среднее значение встречаемости для нее составляет приблизительно 0,82, что значительно ниже значения для группы «дорога».

Наибольшее число упоминаний зафиксировано на позициях 7 и 12, соответствующих гадательным вопросам «Прибыльны ли будут купленные товары» и «Товарищество». Однако и позиций, на которых не было замечено ни одного упоминания, достаточно много – пять (это позиции 1, гадательный вопрос «Будет ли у тебя сын или дочь», 5, вопрос «Потеря и кража», 6, вопрос «Освободится ли заключенный», 9, вопрос «Будет ли дешев урожай», и 13, вопрос «Получишь ли наследство»). На основании этого можно заключить, что некоторая корреляция между лексической группой и позицией присутствует – вопросы о купленных товарах и товариществе связаны с торговлей, которая, как было сказано выше, зача-

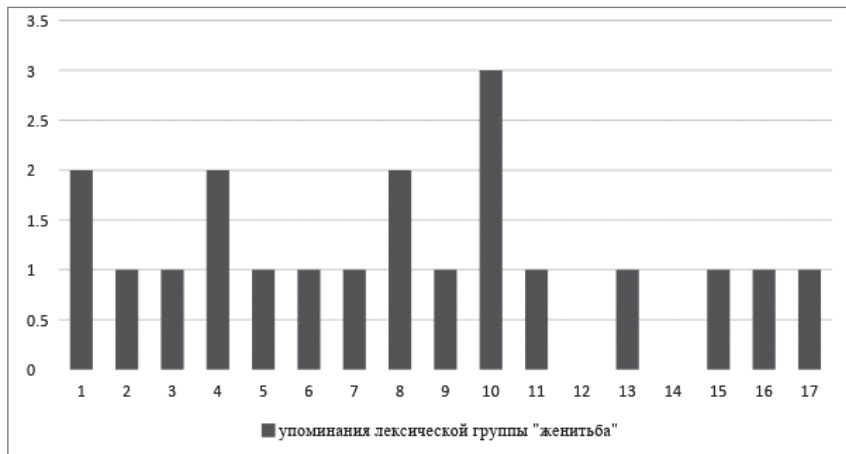

Гистограмма 5. Упоминания лексической группы «компаньоны»

стю велась несколькими компаньонами. Однако эта зависимость проявляется не всегда. Так, связанные с торговлей позиции 5 («Потеря и кража») и 9 («Будет ли дешев урожай») не имеют ни одного упоминания этой лексической группы.

Гораздо чаще встречаются в тексте документа слова, относящиеся к лексической группе «женитьба». Среднее значение для нее составляет приблизительно 1,17 (примерно один случай на лист), что достаточно близко соотносится со значением для семантической группы «дорога». Отношения с женщинами обозначаются глаголами «любить» (вопрос № 4 «Женщина, которую ты любишь», «אִשָּׁה אֲשֶׁר אָהַבְתָּ»), «брать» (в сочетании «брать в жены») и «быть», а также несколькими другими. Перечисленные глаголы имеют параллели по словоупотреблению в библейских текстах. Так, например, в повествовании об истории женитьбы Исаака (Бытие, глава 24), используется то же сочетание, что и в гадательной книге для обозначения «брать в жены». Вопрос о «женщине, которую ты любишь» включает отсылку к Экклезиасту (9:9): «Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои»⁴. В этом отношении гадательная книга вполне традиционна.

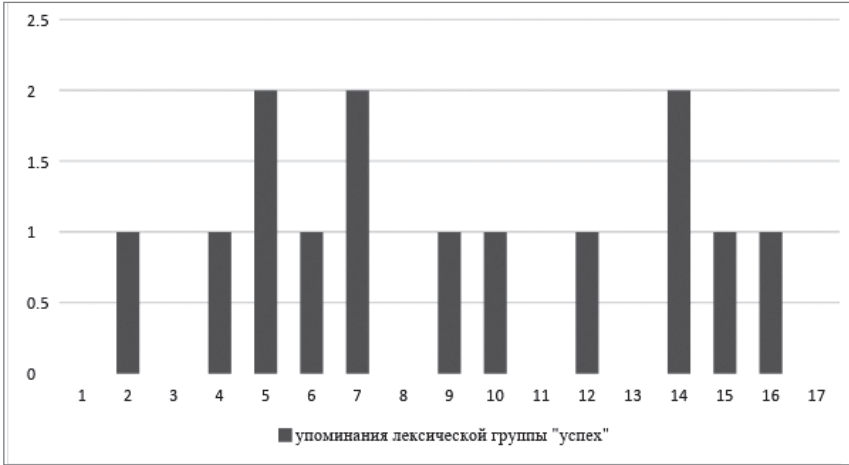
⁴ Использован синодальный перевод.

Гистограмма 5. Упоминания лексической группы «женитьба»

Наибольшее число упоминаний приходится на 10 позицию, соответствующую вопросу «Что будет [тебе] от страха». На одно упоминание меньше зафиксировано на позициях 1 (вопрос «Будет у тебя сын или дочь»), 4 (вопрос «Женщина, которую ты любишь») и 8 (вопрос «Будут ли у тебя сыновья или дочери»). Ни одного упоминания не присутствует на позициях 12 (вопрос «Товарищество») и 14 (вопрос «Начало пути»). Наблюдается та же тенденция, что была выявлена на примере ранее рассмотренных лексических групп, — частично совпадение тематики позиций и лексической группы. Это проявляется на позициях 1, 4 и 8, которые связаны с появлением потомства и женитьбой. Позиции, на которых не присутствует ни одного упоминания, также не совпадают по тематике с лексической группой.

Принимая во внимание широкую распространенность морских путешествий, связанную с экономической специализацией общины, следует рассмотреть еще несколько лексических групп. К ним относятся понятия «успеха» и «неудачи». Исходя из смысловой близости, а также для удобства изображения, непосредственно присутствующие в документе слова, переведенные как «успех», «богатство» и «удача» были объединены в одну группу понятий, которая будет отображаться под общим заголовком «успех», а зафиксированные в тексте слова, переведенные как «неудача», «убыток», «причинение вреда» будут собирательно

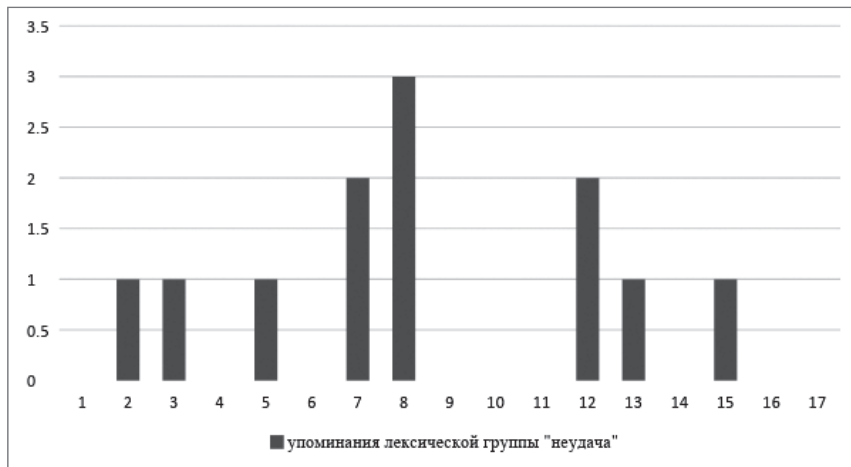

Гистограмма 6. Упоминания лексической группы «успех»

представлены в виде понятия «неудачи». Общая лаконичность формулировок гадательной книги, а также контекст предсказаний, в которых встретились данные понятия, позволяет воспринимать их в качестве синонимичных. Различие между употреблением слов, переведенных как «успех» и «удача», «убыток» и «неудача» и т. д., может быть установлено при анализе широкого спектра источников одного порядка, что, к сожалению, мы на данный момент сделать не в состоянии.

Среднее значение упоминаний для этой группы составляет 0,82, что означает не более двух упоминаний на каждой из позиции. Это значение достигается только в трех случаях – 5 позиция (вопрос «Потеря и кража»), 7 позиция (вопрос «Прибыльны ли будут купленные товары») и 14 (вопрос «Начало пути»). Почти в трети позиций лексическая группа не встречается. В целом слова из данной лексической группы могут быть связаны с любой из позиций, однако ясно выраженной корреляции не наблюдается.

Среднее значение для этой группы невелико – приблизительно 0,7. Упоминания неравномерно распределены – наибольшее значение (3 упоминания) приходится на позицию 8, которая соответствует вопросу «Будут ли у тебя сыновья и дочери». На девяти позициях не было зафиксировано ни одного упоминания слов, относящихся к данной лексической группе. Слова из лекси-

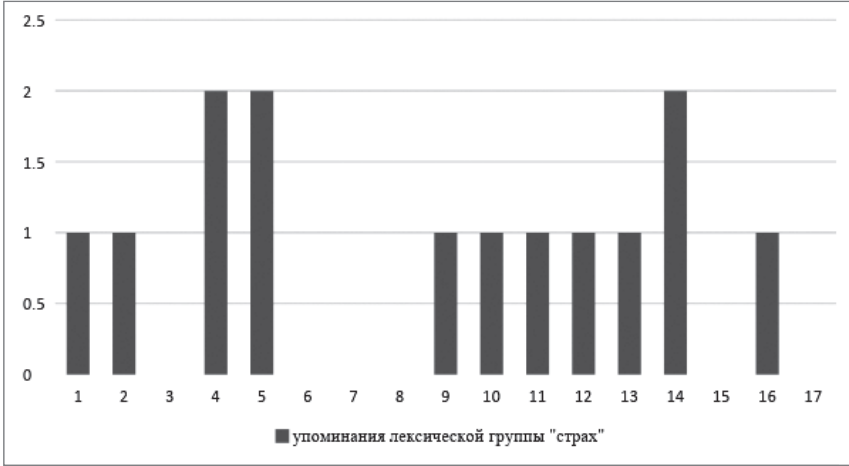

Гистограмма 7. Упоминания лексической группы «неудача»

ческих групп «успех» и «неудача» встречаются гораздо реже, чем упоминания путешествий, и зачастую выступают в качестве оценки его результатов. Соотношение упоминаний удачного и неудачного путешествия достаточно близкое: 14 упоминаний успешного пути и 12 – закончившегося неудачей.

Несмотря на то что в тексте гадательной книги встречаются отдельные детали, раскрывающие торговые операции (например, «...и лошади будут дешевы»), большинство предсказаний не специализировано. Гадающего интересует лишь общий исход путешествия – удача, неудача, убыток, приобретение. Детали в этом случае не столь важны. Причин такого соотношения можно выделить несколько. Во-первых, сам жанр гадательных книг, предполагающий туманный ответ с возможностью нескольких интерпретаций. Во-вторых, понятность контекста для всех принимающих участие в гадании. Непосредственно живущему в торговом городе итальянскому еврею не было необходимости объяснять детали «неудачи в путешествии» – они были более чем понятны из контекста и его опыта.

Наконец, хотелось бы рассмотреть лексическую группу «страх» и религиозные термины. Наибольшее число совпадений (14 случаев) религиозная лексика имеет с понятием, обозначенным как «страх» («тפס»). Представляется наиболее вероятным, что под этим общим термином были собраны иррациональные факторы, случай-

Гистограмма 8. Упоминания лексической группы «страх»

ности, не зависящие от воли и сознательных действий человека. Религиозная лексика, которая встречается вместе с этим понятием, как правило, направлена на борьбу с этими факторами, которые в большинстве своем негативны. В одиннадцати случаях религиозная лексика сочетается с словами тематической группы «долголетие». Продолжительность человеческой жизни также считалась божественным даром, не зависящим от человеческих действий, соответственно, чтобы изменить свою судьбу, нужно было обратиться к религии. Четырежды встречаются сочетания религиозной лексики с тематической группой «богатство», что выражает как надежду на помощь свыше, в том числе и в повседневных делах, так и тенденцию к самостоятельности.

Среднее значение для упоминаний религиозной лексики составляет 1,94, что уступает частотности употребления лексики из тематических групп «торговля» и «семья». При всей степени включенности религии в структуру традиционного общества она все же уступает более насущным вопросам – обеспечению существования и продолжению рода. Также такое сочетание может служить косвенным свидетельством того, что гадательная книга, согласно колофону, написанная мудрецом из Цфата Шломо бен Шошаном, является псевдоэпиграфом. Для письменной речи человека, занятого толкованием Священного писания, можно было бы предположить большую частотность упоминания религиоз-

ных терминов, а также большую степень их диверсификации, охвата различных сторон жизни.

Среднее значение для лексической группы «страх» составляет приблизительно 0,82, что меньше, чем аналогичное значение для религиозной лексики.

Наиболее высокие значения для лексической группы «страх» зафиксированы для позиций 4 (вопрос «Женщина, которую ты любишь»), 5 (вопрос «Потеря и кража») и 14 (вопрос «Начало пути»). Шесть позиций не содержат упоминаний этой лексической группы. Поскольку «страх» выступает в тексте как оценочное понятие, его присутствие не может быть четко соотнесено с какими-то конкретными жизненными ситуациями, представленными в списке гадательных вопросов.

Заключение

В результате проведенного анализа были выявлены две наиболее часто встречающиеся в гадательной книге лексические группы, первая из которых связана с торговлей, вторая – с семьей. Эти группы являются наиболее значимыми для рассматриваемой культуры. При этом среднее значение для упоминаний семьи несколько выше, чем для упоминаний коммерции, что является несколько необычным для тесно связанной с «восточной торговлей» общины Анконы. Была рассмотрена связь основных лексических групп с позициями в тексте. Единых для всего текста закономерностей выявлено не было, однако основные лексические группы стабильно присутствуют практически на всех позициях. Основные понятия, которые могут быть интересны гадающему, изначально представлены в списке гадательных вопросов, а затем встречаются и в списках предсказаний. Отдельно нужно отметить отсутствие вопросов, связанных с религиозной сферой, а также сравнительно низкий показатель употребления религиозно окрашенных терминов. Анализ совместной встречаемости лексических групп в рамках данной гадательной книги, а также продолжение исследования лексических групп, связанных как с торговой деятельностью и путешествиями, так и с семейными вопросами, представляется перспективным в случае включения источников, происходящих из других торговых городов Средиземноморья.

Литература

1. Encyclopaedia Judaica. In 26 vols. Vol. 13. Lif-Mek / F. Skolnik (ed.). Boston, MA: Gale, 2007. 809 p.
2. Merwe, van der, C.H.J. Lexical meaning in biblical hebrew and cognitive semantics: a case study // *Biblica*. 2006. Vol. 87 (1). P. 85–95.
3. Зарубина Е.Д. Состав и структура гадательной книги «Магид давар» (коллекция Гинцбурггов) // *Круг жизни в славянской и еврейской культурной традиции*. М.: Сэфер, 2014. С. 65–76.
4. Beigman Klebanov B., Shamir E. Reader-based exploration of lexical cohesion // *Language Resources and Evaluation*. 2007. Vol. 41 (1). P. 27–44.
5. Корниенко Ю.М. Общая характеристика лексико-семантического поля «время» в современном иврите // *Язык иврит: исследования и преподавание. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике*. М.: Пробел-2000, 2011. Т. V. С. 32–35.

References

1. Skolnik F, ed. Encyclopaedia Judaica. In 26 vols. Vol. 13. Lif-Mek. Boston, MA: Gale, 2007. 809 p.
2. Merwe CHJ. Lexical meaning in biblical Hebrew and cognitive Semantics: a case study. *Biblica*. 2006;87:85-95.
3. Zarubina ED. Composition and structure of Maggid davar divination book (Ginzburg collection). *Circle of life in Slavic and Jewish cultural tradition*. Moscow: Sefer Publ.; 2014. p. 65-76. (In Russ.)
4. Beigman Klebanov B., Shamir E. Reader-based exploration of lexical cohesion. *Language Resources and Evaluation*. 2007;41:27-44.
5. Kornienko YuM. General characteristics of the lexico-semantic field “time” in modern Hebrew. *Hebrew Language: Research and Teaching*. Proceedings of the 18th Annual International Conference on Jewish Studies. Moscow: Probel-2000 Publ.; 2011. Vol. 5. p. 32-5. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгения Д. Зарубина, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; Россия, Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12; Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11; evgeniya.zarubina93@gmail.com

Information about the author

Evgeniya D. Zarubina, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russia; Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; evgeniya.zarubina93@gmail.com

Концептуализация лжи в русском и английском языках

Раиса И. Розина

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rrozina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, находят ли отражение в лексике русского и английского языков различия в отношении ко лжи в русской и английской культурах. В результате исследования русских и английских глаголов лжи выявляются различия в количестве глаголов (в русском языке их намного больше, чем в английском), в стилистической окраске глаголов (в русском языке много разговорных глаголов, в английском их единицы). Разбиение глаголов на подгруппы позволило увидеть различия в наполнении одноименных подгрупп в русском и английском языках и обнаружить подгруппу глаголов лжи с выгодой для субъекта действия, отсутствующую в русском языке.

Ключевые слова: глаголы лжи, глаголы обмана, концептуализация, лексика, тематический класс, русский язык, английский язык, язык и культура, язык и общество

Для цитирования: Розина Р.И. Концептуализация лжи в русском и английском языках // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 73–89.

Conceptualization of lying in Russian and English

Raisa I. Rozina

*V.V. Vinogradov Institute of Russian Language
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; rarozina@yandex.ru*

Abstract. The article addresses the question whether the difference in attitude to lying in Russian and British culture is reflected in the vocabulary of Russian and English respectively. The analysis of the Russian and English verbs of lying brings one to the conclusion that the number of verbs under consideration is much larger in Russian than in English; their stylistic coloring is different as well (there are a lot of colloquial verbs in Russian in contrast to quite few in English). The subdivision of the verbs of lying into groups revealed differences in filling the subgroups of the same name in the Russian and English languages. Besides, it appeared that there is a group of English verbs, in particular verbs of lying for personal profit, missing in Russian.

Keywords: verbs of lying, verbs of deceit, conceptualization, vocabulary, lexical class, Russian, English, language and culture, language and society

For citation: Rozina RI. Conceptualization of lying in Russian and English. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):73-89.

Введение

Одного из самых обаятельных персонажей английского телесериала «Аббатство Даунтон», камердинера Джона Бейтса, обвиняют в убийстве его бывшей жены. Всех обитателей Аббатства – его хозяев и слуг – допрашивают в суде. Следователь задает каверзные вопросы, и зритель видит на лицах допрашиваемых отражение испытываемой ими внутренней борьбы: они понимают, что их правдивые ответы повредят Бейтсу, но солгать не могут.

В своей книге «Понять Британию» профессор Оксфордского университета, литературовед Карен Хьюит пишет об особом

отношении англичан ко лжи: «Конечно, иногда англичане лгут. Дети учат, что обманывать нельзя, но, стоя перед рассерженными и властными родителями, они часто лгут. Подчиненные лгут своему начальнику, коллеги – друг другу, чтобы выйти из неловкой ситуации, политики лгут, потому что верят, что это необходимо. Но мы не считаем, что лгать правильно или нормально. Взрослый человек, пойманный на лжи другому взрослому человеку, будет облит презрением: “Как он мог унизиться до такого?” Если окажется, что министр сообщал явно ложные сведения Палате общин, ему придется уйти в отставку» [1 с. 69]¹.

Чуть дальше в своей книге Карен Хьюит, много раз бывавшая в Советском Союзе, стажировавшаяся в Московском университете и преподававшая в таких крупных городах, как Архангельск и Пермь, пишет о кардинально отличном от британского отношении ко лжи в русской культуре: «Ложь – часть советской (и русской?) культуры, потому что это форма защиты от тоталитарной власти. Если солгать необходимо, чтобы не предать друзей, советские граждане, я уверена, солгут без колебаний; между тем перед англичанами встанет серьезная дилемма. Поэтому вокруг ситуации, в которой англичанин в конце концов солжет, чтобы спасти кого-нибудь, может быть построен сюжет рассказа или сценарий фильма. То, что такие фильмы действительно снимаются, доказывает, что эпизоду, в котором будет показано, как порядочный английский герой фильма солгал, должны предшествовать исключительные обстоятельства» [1 с. 69–70].

Цель данной статьи – попытаться ответить на вопрос, находят ли культурные различия, отмеченные Карен Хьюит, отражение в каких-либо лексических различиях между русским и английским языком, в частности как соотносятся глаголы, описывающие ситуацию обмана, в русском и английском языках.

Классы глаголов обмана

Среди глаголов обмана встречаются глаголы двух классов: поведенческие глаголы обмана (*мошенничать, плутовать*), в толковании которых помимо смыслового компонента ‘обманывать’ есть смысловые компоненты, описывающие неречевые действия, например, ‘поступать’ или ‘совершать’, но отсутствует слово ‘говорить’,

¹ Перевод здесь и далее мой. – Р. Р.

например, «**мошенничать** (разг.), совершать мошенничество²»; «**плутовать** (разг.) поступать плутовски, хитрить, обманывать» [2], и речевые глаголы обмана (например *лгать, врать*), в толковании которых, помимо смыслового компонента 'неправда', обязательно присутствует смысловой компонент 'говорить', ср. «**врать** (разг.) 1. лгать, говорить неправду»; «**лгать** 1. говорить неправду» [2].

Модели управления речевых и поведенческих глаголов обмана различаются. И те, и другие глаголы описывают ситуацию с тремя участниками, но семантические роли и поверхностно-синтаксическое выражение у этих участников разные.

В ситуации, которую описывают поведенческие глаголы участники обмана – тот, кто обманул (Агенс), тот, кого обманули (Пациенс), и содержание обмана. Агенсу и Пациенсу на поверхностно-синтаксическом уровне соответствуют Субъект предложения и Объект, выраженный существительным в родительном падеже. У глагола нет валентности на содержание обмана; оно получает выражение вне актантной структуры, в отдельном предложении, например:

(1) На входе в пункт приема [ЕГЭ] учащихся проверяют с металлоискателями. Но некоторые продолжают искать варианты *обмануть* учителей и наблюдателей. Так, *выпускница вечерней школы Советского района спрятала мобильный в бюстгальтере* (Комсомольская правда, 16.06.2014)³.

У некоторых глаголов обмана, например у *мошенничать* и *жульничать*, поверхностное выражение получает только один участник, Агенс, хотя число участников ситуации такое же: тот, кто применяет нечестные приемы, например, футбольная команда (Агенс); тот, по отношению к кому применяются эти приемы, например, команда игроков на противоположной стороне футбольного поля, – Пациенс, и содержание жульничества – нечестные приемы, ср.:

(2) Британцам в борьбе за медали будет сопутствовать удача, если они не начнут *жульничать* (Комсомольская правда, 21.01.2009).

² Смысловой компонент 'обман' может появиться при разложении толкования, ср.: «Мошенничество – обман, жульнические действия с корыстной целью» [2].

³ Источник всех примеров в данной статье см. [3].

У речевых глаголов обмана второй участник ситуации может иметь роль Адресат и выражаться существительным в дательном падеже, например:

(3) Ведь в Москве, *соври нам* премьер или какой еще есть в «Белом доме» замечательный министр, никто даже не удивится (Комсомольская правда, 21.09.2006).

Хотя второй участник, воспринимающий ложь, присутствует в ситуации всегда, он может вообще не получать выражения, например:

(4) Кончай *гнать!* (= перестань врать).

Содержание лжи может раскрываться придаточным изъяснительным, например:

(5) Старался получить работу официанта, поэтому *соврал, что у меня есть опыт работы в ресторане* (Труд-7, 30.07.2009).

В данной статье мы рассмотрим только речевые глаголы обмана.

Русские глаголы обмана

В русском языке обман описывается литературным глаголом *лгать* и множеством его синонимов, разных по их стилистической окраске: *брехать, врать, выдумать, гнать, завратъся, заливать, извратить, изобретать, изовратъся, изолгаться, кинуть, клеветать, клепать, набрехать, навратъ, наговаривать, наклеветать, налгать, наскazać, обмануть, оболгать, оговорить, оклеветать, плести, подвирать, привратъ, прилгнуть, присочинить, развести, сбрехать, свистеть, соврать, солгать, сочинять, фантазировать*.

Эти глаголы можно разделить на два класса: I. глаголы искажения реальности (ключевой глагол *лгать*) и II. глаголы замены реальности вымышленным миром (ключевой глагол *фантазировать*).

Класс глаголов искажения реальности можно разбить на несколько групп:

1. Константация факта лжи без каких-либо ее характеристик.
2. Количественная оценка лжи.
3. Сообщение намеренно ложных сведений о ком-либо с целью нанести ему ущерб.

4. Корыстная ложь, т. е. ложь с целью получения какой-либо выгоды для себя.

5. Дача ложных показаний в суде.

Рассмотрим каждую из этих групп в отдельности.

I. Глаголы искажения реальности

1. Констатация факта лжи

без уточнения каких-либо ее характеристик

Эта группа включает глаголы *брехать* – *сбрехать*, *врать* – *соврать*, *гнуть 1*, *заливать*, *извращать* – *извратить*, *лгать* – *солгать*, *обманывать* – *обмануть*, *свистеть*.

У нескольких глаголов этой группы (*брехать*, *гнуть*, *свистеть*) значение ‘лгать’ производное, возникшее в результате метафорического переноса: глаголы *брехать* ‘лаять’ и *свистеть* ‘производить свист’ уподобляют ложь звукам, не являющимся речевыми и не несущими какого-либо смысла. Глагол *гнуть* ‘заставлять двигаться в каком-либо направлении’ вызывает представление о потоке слов, которые произносит говорящий. Значение ‘лгать’ глагола *заливать* современный носитель русского языка воспринимает тоже как метафорическое, вызывающее представление о воде, которую льет говорящий, хотя это значение исторически связано с идиомой *лить/отливать колокола*, *лить пушку лить пули* ‘лгать, рассказывать небылицы’, отражавшей поверье о том, что для удачной отливки колокола нужно распустить какой-нибудь нелепый слух, см. [4 с. 269–270].

Несколько глаголов этой группы образуют видовые пары; при этом лексема *сов.* имеет значение однократного действия, например:

(7) – *Вчера он здесь был и тот день. Вон они не дадут сбрехать... – кивнула она в сторону соседей* (Б. Екимов. Высшая мера)

а лексема *несов.* – актуально-длительное, ср.:

(8) – *Как всегда, брешет*, – *махнул рукой Федор, а сынынку сказал: – Ты на рожу на свою погляди в зеркало, взрывник* (Б. Екимов. Фетисыч);

(9) *Врет, пронеслось у него в голове. Все ведь брешет, девка. Идиота из меня делает* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Град обреченный)

или тривиальное (итеративное) значение, ср.:

(10) – *Обманывал, врал, выдавал себя не за того, кто есть, никому не говорил правды, морочил голову эмигрантам, даже бедному Герцену перед смертью, вымогал у них деньги, брехал, мистифицировал, писал фальшивые записки, будто его везут в Петропавловку* (Ю. Трифонов. Нетерпение).

В значении всех глаголов этой группы есть отрицательная оценка, и все они, кроме глагола *лгать*, имеют сниженный характер.

2. Количественная оценка лжи

В этой группе глаголов две подгруппы:

2.1. Глаголы, указывающие на большое количество лжи в речи.

2.2. Глаголы, описывающие «малую» ложь.

2.1. В первую подгруппу входят глаголы *завираться – завраться, извираться – изовратиться, изолгаться, набрехать, наврать, налгать, наказать*.

Глаголы *набрехать, наврать, налгать, наказать* указывают на очень большое количество лжи; глаголы *изовратиться* и *изолгаться* указывают на то, что человек лжет постоянно, а глагол *завратиться* – на такое количество лжи, что говорящий в ней запутался, например:

(11) ...они уже поняли что я уже начинаю врать/ по полной/ до такой степени *завралась*/ они долго смеялись, хохотали надо мной в открытую/ я оттуда выбежала/ красная вся/ до сих пор не могу/ позор этот забыть// (Разговор – воспоминания о молодости // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011).

Во многих контекстах глаголы *завратиться* и *запутаться* используются как однородные сказуемые, ср.:

(12) Женька запуталась, *завралась*, ей становится все труднее общаться с одноклассниками (Т. Воробей. Счастье и слезы Таниной розы);

(13) – Заболеешь – на словах одно, на деле другое. – Запутались, *заврались*. Так, что ли, Иван? (А. Трушкин. 208 избранных страниц).

Глагол *завратиться* – единственный в этой подгруппе, имеющий видовую пару (*завираться*), причем лексема *несов.* может

иметь актуально-длительное и тривиальное (итеративное) значения, ср.:

(14) – Ну, это уж ты *завираешься*, – перебил его Удав-Пустыжник, – даже до того, как я проглотил самого мудрого кролика, я мог понять, что ты сказал глупость (Ф. Искандер. Кролики и удавы);

(15) Многослойная ложь Козикова. Он врал обстоятельно, с подробностями, врал вдохновенно! Но и у него случались проколы – *завирался*. Однажды он *заврался* до того, что у него оказалось три пары родителей (Д. Каралис. Автопортрет).

В этой подгруппе глаголов обмана нет ни одного метафорического. При этом все глаголы, кроме малоупотребительного, по-видимому, устаревшего *налгать*⁴, имеют стилистически сниженный характер.

2.2. Глаголы, описывающие «малую» ложь.

В эту подгруппу входят глаголы с приставкой *при-*, имеющей значение малой интенсивности, неполноты совершения действия, описываемого глаголом [5 с. 368]: *привирать* – *приврать*, *прилгнуть*, *присочинять* – *присочинить*, которые описывают незначительную ложь, дополнительную к содержанию речи, и глагол *подвирать* с приставкой *под-*, выражающей значение дополнительности и небольшой интенсивности действия, описываемого глаголом [5 с. 367];, например:

(16) Шукшина предупредили, что у Ромма есть один бзик: он всегда проверяет, читал человек «Войну и мир» или нет, и дали совет *прилгнуть*, потому что Шукшин великий роман не читал (РИА Новости, 25.07.2009).

(17) Мне кажется, он слегка *привирает*, что ему уже 89 (А. Битов. Рассеянный свет).

(18) А. П. занимательный, хотя и своеобразный рассказчик: ради эффекта может и малость *присочинить* «весело и складно». (Игорь Николаев. Последний приказ генерала // Звезда, 2001).

³ В основном корпусе Национального корпуса русского языка [3] всего три примера из текстов второй половины XX в., в газетном корпусе – тоже всего три.

В этой подгруппе глаголов количественной оценки лжи также нет метафорических. Все глаголы этой группы имеют стилистически сниженный характер и выражают пренебрежительное отношение говорящего к ситуации, о которой идет речь.

3. Сообщение намеренно ложных сведений о ком-либо

Это относительно многочисленная группа, в которую входят глаголы *клеветать* – *оклеветать*, *клепать* – *наклепать*, *наговорить* – *наговаривать*, *наклеветать*, *оболгать*, *оговорить* – *оговаривать*, описывающие сообщение ложных сведений о человеке с целью нанести ему ущерб, и глагол *гнуть* 2, описывающий сообщение ложных сведений о предмете. Особенность значения всех этих глаголов, отличающая их от тех, что рассмотрены выше, – наличие в ситуации, которую они описывают, участника с семантической ролью Пациенс. Эта особенность имеет выражение на поверхностно-синтаксическом уровне: у всех этих глаголов есть дополнение – таксономического класса ПРЕДМЕТ у глагола *гнуть* и класса ЧЕЛОВЕК у всех остальных глаголов, ср.:

(19) Чего ты *гонишь* на шаверму/ очень даже ничего... (Разговоры на работе // Из коллекции НКРЯ, 2007)⁵.

(20) – Очень уж ты его доняла. Смотри. Как бы он на тебя не *наклепал* чего. – А чего на меня *клепать*-то? Кто его слушать будет? (К/ф «Девушка с характером»).

Глаголы *гнуть* 2, *клеветать*, *клепать* – *наклепать*, *наговорить* – *наговаривать*, *наклеветать* требуют косвенное дополнение с предлогом *на*, а глаголы *оболгать*, *оклеветать*, *оговорить* – *оговаривать* – прямое, ср.:

(21) Я вот до сих пор/ ну/ забыла основания вот по которым бы они вас именно так *оговаривали* вам неизвестны // Там же было много других людей которых могли бы тоже *оговорить* ну/ помимо вас// (Допрос свидетеля защиты Каревой на открытом судебном заседании по делу Г.П. Грабового // Интернет, 2008).

⁵ В значении 'обманывать' глагол *гнуть* 1, как и другие глаголы первой группы, не имеет актанта Объект, ср.: Нет/ ну я/ понимаешь/ думал/ что ты вчера говорила тоже правду/ поэтому я не знаю/ может/ ты вчера сказала правду/ а щас просто сидишь гонишь/ я не знаю // (Телефонный разговор старшеклассников // Из коллекции НКРЯ, 2004).

В этой группе нет глаголов, значение которых образовано с помощью семантического переноса. Исключение составляет глагол *клепать*. В словаре [6] *клепать* в значении ‘клеветать’ трактуется как омоним (*клепать*²) глагола *клепать*¹ ‘соединять части чего-л. с помощью заклёпок’. Однако в словаре [6] отмечается старое значение глагола *клепать* ‘бить во что, стучать в доску, звонить’ (отсюда неупотребительное в современной речи *клепало* ‘язык колокола’). Представляется, что именно это, утерянное значение глагола *клепать*, мотивировало современное речевое значение ‘клеветать’.

В семантике всех глаголов этой группы есть отрицательная оценка; часть глаголов (*гнать 2, клепать, наговорить, наклеветать*) имеют стилистически сниженный характер.

4. *Корыстная ложь, т. е. ложь с целью получения выгоды*

Эта группа представлена одним глаголом *развести* ‘обманом вынудить сделать что-л., заставить потратить деньги на чужие нужды’:

(22) Раньше я была свято уверена: *развести* на мобилу – это из мира подворотен и гаражей. Когда приятелю под видом новенького телефона продали старье в блестящем новом корпусе, я стала подозревать, что жулики водятся не только в темных углах (Комсомольская правда, 24.04.2012).

Выслушав рекламу о бесплатной презентации и зная, что меня однозначно будут *разводить* на деньги, все равно пошла... (Блоги, 2016).

5. *Дача ложных показаний в суде*

Эта группа представлена тоже только одним глаголом – *лжесвидетельствовать*, имеющим непроизводное, точное, терминологическое значение, книжный характер и узкую сферу употребления (судебную и околосудебную), ср.:

(23) Стрешинский, пытаясь уйти от ответственности, во время следствия *лжесвидетельствовал* о том, что я якобы был причастен к его незаконным операциям с оружием (Труд-7, 12.04.2002).

(24) – Нет, – ответила Нора, – я была одна, когда пришла домой. Она тут же пожалела об этом. Надо было соврать – сказать, что с ней был Еремин. Тот бы не колебался ни секунды, ему *лжесвидетельствовать* – хлебом не корми (Г. Щербакова. Актриса и милиционер).

II. Глаголы замещения реальности фантастическим миром

Классу рассмотренных глаголов искажения реальности противопоставлен класс глаголов замещения реальности выдуманным миром: *выдумать – выдумывать, изобрести – изобретать, придумать – придумывать, сочинить – сочинять, фантазировать – сфантазировать, нафантазировать*, например:

(25) Все себе придумали, как впоследствии выяснилось, *нафантазировали* – и Запад, и капитализм, и русский народ. Жили миражами (С. Алексиевич. Время second-hand).

(26) Сотрудник стоянки в грубой форме пытался убедить меня в том, что все это было еще до эвакуации, угрожал статьей УК за дачу ложных показаний и пытался убедить меня, что я всё это *выдумал* (Известия, 04.06.2014).

Особенность глаголов этого класса в том, что их значения – результат расширения (деспециализации) исходных значений по модели ‘создать что-л. новое (вещество, устройство, текст...) – придумать что-л. несуществующее’, например: *изобрести (динамит – несуществующий алфавит), сочинить (песню – причину увольнения)*.

Все эти глаголы в исходном значении нейтральны, а в значении ‘придумать что-л. несуществующее’ имеют стилистически сниженный характер и выражают неодобрительную оценку действия, называемого глаголом, которой нет в прямом значении.

Английские глаголы обмана

Даже если не принимать во внимание наличие видовых пар у многих из рассмотренных русских глаголов, разница в количестве глаголов лжи в русском и английском языках сразу бросается в глаза. На фоне более чем 30 русских глаголов английских всего 20 (*bullshit, con, concoct, deceive, delude, fabricate, fib, frame, fudge, humbug, lie, malign, perjure, prevaricate, slander, trick*) [7]. Уже этот факт свидетельствует о том, что о лжи англичане говорят гораздо меньше и менее разнообразно, чем русские, а может быть, и о том, что англичане лгут меньше.

Рассмотрим теперь, на какие группы делятся английские глаголы. Группа глаголов обмана с общим значением искажения дей-

ствительности включает глагол *to lie* 'лгать' и четыре его синонима: *bullshit*, *deceive*, *delude*, *humbug* и *prevaricate* в его основном значении 'лгать'. Помимо того, что их в два раза меньше, чем русских, особенность этой группы английских глаголов в том, что среди них есть лишь один разговорный (нецензурный) глагол *bullshit* 'бесстыдно врать'⁶, образованный с помощью конверсии от существительного *bullshit* *непруст.*, букв. 'дерьмо быка'.

Группа глаголов количественной оценки лжи представлена только глаголом *fib*, образованным с помощью конверсии от существительного *fib*, обозначающего малое количество лжи, ср. толкование этого существительного в словаре [9]: 'a fib is a small lie which is not very important'⁷. Эквивалент глагола *fib*, имеющего помету *разг.* в «Новом большом англо-русском словаре» [10], – 'выдумывать, говорить неправду, привирать'.

Глаголов сообщения намеренно ложных сведений о ком-либо или о чем-либо в английском языке только три, т. е. тоже в два раза меньше, чем в русском: *frame*, *malign*, *slander*. *Frame* 'оклеветать кого-л., сфабриковать ложное обвинение против кого-л. с целью отправить в тюрьму' – сленговый глагол, метафорическое значение которого мотивировано литературным *frame* 'взять в рамку'. Глагол *malign* и *slander* 'клеветать, злословить' – оба семантически непроеизводные, книжные; *slander* может использоваться даже как юридический термин 'клеветать, оскорблять устно' [10].

Глаголы лжи в суде, *лжесвидетельствовать* и *perjure*, представляют редкий случай полного соответствия русского и английского языков. Значения русского и английского глаголов эквивалентны, как и их стилистическая (книжная) окраска.

Глаголов создания новой, несуществующей реальности в английском языке немного меньше, чем в русском, соответственно 4 против 5, если не принимать во внимание существования видовых пар: *concoct* 'придумать, выдумать', *fabricate* 'сфабриковать', *fudge* 'придумать, сочинить', *invent* 'изобрести'. Значение глагола *concoct* – метафорическое, производное от основного 'состряпать, приготовить, обычно из смеси продуктов', ср. *to concoct a drink* 'смешать напиток', *to concoct a dinner* 'состряпать обед'.

⁶ «If someone bullshits you they tell you something that is complete nonsense or absolutely untrue» [8] (Если кто-л. bullshits вас, вам сообщают что-то совершенно абсурдное или явную ложь).

⁷ «A fib is a small lie which is not very important» [8] (Незначительная ложь, которая не особенно важна).

Concoct используется в отношении речи: можно придумать ложное оправдание, объяснение, сюжет, который совершенно не соответствует реальности, например:

(27) She would leave tomorrow. She would phone Glyn and then *concoct some excuse* – school, for instance (P. Wilson. A healing fire)⁸.

(28) Она уедет завтра. Она позвонит Глин и *придумает какую-нибудь причину* – что ей нужно в школу, например.

Значение глагола *fudge* образовано по той же модели, что значение глагола *concoct*: это метафорический перенос от основного значения *fudge* ‘приготовить, состряпать’ (существительное *fudge* – тянучка), т. е. по той же модели, но в отличие от *concoct fudge* – разговорный глагол.

Итак, до сих пор мы наблюдали, что за одним исключением (группы русских глаголов, описывающих большое количество лжи, аналога которой нет в английском языке) группы, на которые можно разделить русские и английские глаголы, соответствуют друг другу. Расхождение между языками касается количества глаголов в каждой группе (английских глаголов намного меньше, чем русских) и их стилистической характеристики (среди русских глаголов в каждой группе много разговорных; в группах английских глаголов пока нам встретилось только два: *bullshit* и *fib*. Между тем в одном случае соотношение числа русских и английских глаголов, входящих в одну и ту же группу, нарушено. Это глаголы корыстной лжи, т. е. лжи, цель которой – добиться чего-либо от адресата. В отличие от русского языка, где есть всего один глагол с таким значением, в английском языке глаголов корыстной лжи три: *con* ‘убедить кого-либо сделать что-л. или поверить во что-л., говоря неправду’; *dupe* ‘одурачить, обманом заставить кого-л. сделать то, что он не хочет, но что выгодно другому человеку’; *trick* ‘обмануть кого-л. с целью получить что-л. для себя или заставить сделать что-то глупое’. Особенность этой группы по сравнению с другими группами английских речевых глаголов обмана – в том, что она включает только разговорные глаголы.

Вся картина соотношения русских и английских групп глаголов обмана представлена в таблице:

⁸ Использован пример из [9].

Таблица 1

	Русские глаголы	Английские глаголы
Лгать	брехать – сбрехать, врать – соврать, гнать 1, заливать, лгать – солгать, обманывать – обмануть, свистеть	deceive, delude, lie
Много лгать	завираться – завраться, извираться – изовратиться, изолгаться, набрехать, наврать, наговаривать – наговорить, налгать, наказать	–
Немного лгать в дополнение к чему-либо	подвирать, привирать – приврать, прилгнуть, присочинять – присочинить	fib
Сообщить намеренно ложные сведения о ком-либо или о чем-либо	клеветать – оклеветать, клепать – наклепать, наговаривать – наговорить, наклеветать, оболгать, оговаривать – оговорить, гнать 2	malign, slander, frame
Лгать в суде	лжесвидетельствовать	perjure
Придумать новую несуществующую реальность	выдумывать – выдумать, изобретать – изобрести, нафантазировать, присочинять – присочинить, сочинять – сочинить, фантазировать – сфантазировать	concoct fabricate invent beguile
Лгать с целью добиться чего-л. в свою пользу	разводить – развести	con, dupe, trick

Заключение

О чем же позволяет судить сопоставление русских и английских речевых глаголов обмана? По-видимому, сфера лжи разработана в русском языке гораздо лучше, чем в английском. Малое количество разговорных глаголов обмана в английском языке говорит, очевидно, о том, что о лжи редко говорят в повседневной жизни англичан, а может быть, и о том, что она редко встречается в быту, и это соответствует сведениям о роли лжи в английской культуре, полученным из книги Карен Хьюит [1]. По-видимому, в русской повседневной жизни ложь встречается значительно чаще, и о ней говорят гораздо больше.

Различается и образное восприятие лжи в русской и английской культурах. Естественно, что в русском языке, в котором ложь гораздо чаще описывается разговорной лексикой, чем в английском,

больше метафорических способов выражения значения 'лгать'. При этом ассоциации, которые лежат в основе метафорического переноса, разные. В русском языке ложь ассоциируются со звуками, которые не несут никакого смысла (с лаем собаки, со свистом, с бесконечным потоком слов, который производит говорящий); в английском языке немногочисленные метафоры основаны на ассоциации лжи с приготовлением еды.

Отсутствие подгруппы глаголов большого количества лжи (и всего один глагол малого ее количества) свидетельствует, по-видимому, о том, что для англичан важен сам факт лжи, а не ее количество, в то время как в русской культуре проводится разграничение между большим количеством лжи в речи, что осуждается, и небольшой, дополнительной к сказанному ложью, которой не придается особого значения.

Сообщение ложной информации о человеке с целью опорочить его и испортить его репутацию встречается и в русской, и в английской культуре, но если в русской культуре это возможно и в бытовом, и в официальном общении, в английской культуре это случается и существенно только для официального общения.

И русские, и англичане примерно в равной степени фантазируют и лжесвидетельствуют; между тем использование лжи с целью перехитрить адресата, заставить сделать его что-то невыгодное для него, но выгодное говорящему – яркая особенность английской культуры.

Благодарности

В статье использованы материалы квалификационной работы магистранта РГГУ Д.А. Гавриленко.

Я благодарю Л.П. Крысина и Е.В. Падучеву за ценные замечания и советы.

Acknowledgements

Some data from the RSUH student Daria Gavrilenko's master's qualification paper have been used in the article.

I thank Leonid Krysin and Elena Paducheva for valuable critical remarks and advice.

Статья выполнена в рамках проекта «Семантические процессы в сфере местоименной и предикатной лексики: стратегии референции и концептуализации», грант РФФИ № 17-04-00554.

The article is part of the project 'Semantic Processes in Pronominal and Predicate Vocabulary: Strategies of Reference and Conceptualization' supported by the grant RFFI N 17-04-00554.

Литература

1. *Hewitt K.* Understanding Britain. М.: Высшая школа, 1994. 199 с.
2. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2008. 1164 с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 20 июня 2018).
4. *Виноградов В.В.* Лить, отливать пули // Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1994. С. 269–271.
5. Русская грамматика. В 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 2002.
7. Collins Thesaurus. Synonyms, Antonyms and Definitions. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus> (дата обращения 20 июня 2018).
8. Collins COBUILD. English language dictionary. London; Glasgo: Collins, 1987. 1703 p.
9. British National Corpus (BYU – BNC). URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения 20 июня 2018).
10. Новый большой англо-русский словарь. В 3 т. / под общ. ред. Ю.Д. Апресяна, Э.М. Медниковой М.: Русский язык, 1993.

References

1. Hewitt K. Understanding Britain. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1994. 199 p.
2. Shvedova NYu., ed. Explanatory dictionary of the Russian language with reference to the origin of the words. Moscow: Azbukovnik Publ.; 2008. 1164 p. (In Russ.)
3. National Corpus of the Russian Language [Internet]. [data obrashcheniya 20 june 2018]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (In Russ.)
4. Vinogradov VV. Cast, cast bullets. V: Vinogradov VV. History of Words. Moscow: V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, 1994. Cast, cast bullets (draw the long-bow). p. 269-71. (In Russ.)
5. Shvedova NYu., head ed. Russian grammar. In 2 vols. Moscow: Nauka Publ.; 1980. (In Russ.)

6. Dal' VI. Explanatory dictionary of the great living Russian language. In 4 vols. Moscow: Russkii yazyk Publ.; 2002. (In Russ.)
7. Collins Thesaurus. Synonyms, antonyms and definitions [Internet]. [data obrashcheniya 20 june 2018]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus>.
8. Collins COBUILD. English language dictionary. London; Glasgo: Collins, 1987. 1703 p.
9. British National Corpus (BYU – BNC). [Internet]. [data obrashcheniya 20 june 2018]. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/>.
10. Apresyan YuD., Mednikova EM., gen. eds. New large English-Russian dictionary. In 3 vols. Moscow: Russkii yazyk Publ.; 1993. (In Russ.)

Информация об авторе

Raiza I. Rozina, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; razozina@yandex.ru

Information about the author

Raiza I. Rozina, Dr. in Philology, professor, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka st., Moscow, Russia, 119019; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; razozina@yandex.ru

Использование диминутивов в художественных текстах Тургенева и Достоевского

Людмила Л. Федорова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lfvoux@yandex.ru*

Аннотация. Работа посвящена изучению категории диминутива, которая включается в категорию субъективной оценки. Выделяется два основных способа использования диминутивов: при обозначении лица/предмета и в обращениях. На основе корпусного анализа в работе производится сопоставление использования диминутивных форм в произведениях И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского. Диминутивы у Тургенева используются преимущественно в портретных описаниях, в то время как Достоевский включает их в описание действия. На примере существительного *глазки*, характерного для обоих писателей, отмечается различие экспрессивных значений, связываемых у каждого автора с этим словом.

Ключевые слова: диминутивы, значения субъективной оценки, художественный стиль Тургенева и Достоевского

Для цитирования: Федорова Л.Л. Использование диминутивов в художественных текстах Тургенева и Достоевского // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 90–111.

The use of diminutives in the literary texts of Turgenev and Dostoevskii

Liudmila L. Fedorova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lfvoux@yandex.ru*

Abstract. The study is devoted to the category of diminutive, which is included in the category of subjective evaluation. There are two main ways to use diminutives: in the designation of a person/subject and in addressing somebody. The comparison of diminutive forms in the works of I.S. Turgenev and F.M. Dostoevskii is made on the basis of corpus analysis. Turgenev uses diminutives mainly in portrait characteristics, while Dostoevskii includes them in the description of actions. The analysis of the noun *глазки* (*glazki* – little eyes), typical for both authors, reveals the difference of expressive meanings associated with this form.

Keywords: diminutives, meanings of subjective evaluation, literary styles of Turgenev and Dostoevskii

For citation: Fedorova LL. The use of diminutives in the literary texts of Turgenev and Dostoevskii. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):90-111.

Введение

Целью работы является сравнение функций и характера диминутивов в художественных текстах И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского на основе корпусного анализа, а также, возможно, уточнение грамматического статуса и значений диминутивных форм.

Использование диминутивов – существительных, прилагательных, наречий с уменьшительно-ласкательными суффиксами, передающими субъективную оценку, – является яркой характеристикой художественной манеры писателя. Сравнивая тексты писателей-современников Тургенева, Достоевского и Гончарова, можно заметить, что у двух первых авторов диминутивов достаточно много, у Гончарова – совсем мало.

Но у Тургенева и Достоевского диминутивы используются в разных функциях. Тургенев – мастер портретной характеристики, в описании внешности персонажей часто присутствует оценочность, от умиления до уничижительности, которая передается разными способами и в том числе – использованием диминутивных форм; так, в описании 18-летней Зои в «Накануне» присутствует целая серия диминутивов:

(1) [*М*]иленькая, немного *косенькая* русская *немочка* с раздвоенным на конце *носиком* и красными крошечными *губками*, белокурая, *пухленькая*. Она очень недурно пела русские романсы, *чистенько* разыгрывала на фортепьяно разные то *веселенькие*, то чувствительные *штучки*. [И.С. Тургенев. Накануне (1859)]

Но диминутивные формы могут передавать и объективную оценку размера: так в мужских портретах нередко оцениваются глаза; например, в портрете Берсенева:

(2) Один, на вид лет двадцати трех, высокого роста, черномазый, с острым и немного кривым носом, высоким лбом и сдержанною улыбкой на широких губах, лежал на спине и задумчиво глядел вдаль, слегка прищулив свои *небольшие серые глазки*. [И.С. Тургенев. Накануне (1859)]

Диминутив при прилагательном *небольшие* фактически повторяет информацию, но добавляет экспрессивности описанию, делает акцент на выделенном объекте.

У Достоевского диминутивы присутствуют не только в портретных описаниях, но и в прямой речи персонажей, как, например, в словах героя «Белых ночей», обращенных к Настеньке:

(3) – Ну, *хорошенькая моя Настенька*, какой же вам совет? [Ф.М. Достоевский. Белые ночи (1848)]

(4) – Да, если рука моя дрожит, то это оттого, что никогда еще ее не обхватывала такая *хорошенькая маленькая ручка*, как ваша. [Ф.М. Достоевский. Белые ночи (1848)]

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению диминутивных форм у Тургенева и Достоевского, остановимся кратко на лингвистической характеристике диминутива и проблемах его изучения.

Диминутивы как словообразовательная категория

В наиболее общем представлении категория диминутива предполагает значение субъективной оценки (уменьшительности, уничижительности), выражаемое в языке с помощью словообразовательных средств. Как правило, это суффиксы, присоединяемые к основам существительных, часто к именам собственным (*Иванушка*, ср. исп. *Juanito*; *домик*, ср. исп. *casita* (от *casa* 'дом'), фр. *maisonnette* (от *maison* 'дом'). Но возможно использование диминутивных суффиксов и в прилагательных (*беленький*, ср. исп. *blanco – blanquesino*, фр. *blanc – blanchet*), и в наречиях (*немножко*, *потихоньку*, ср. исп. *cerquita* – 'близёхонько, рядышком' от *cerca* 'близко').

Прототипическим значением диминутива выступает уменьшительность, при этом можно включать диминутивы в более общую категорию субъективной оценки, к которой относится также увеличительное значение, аугментатив. Для диминутивов в русском языке отмечаются уменьшительное, уменьшительно-ласкательное, ласкательное, уменьшительно-уничижительное значения [1 с. 208]; все они содержат сему 'уменьшение', 'умаление'. Эти разнообразные значения могут выражаться группой суффиксов, порой с нечеткими смысловыми границами; их конкретной актуализации помогает контекст. Принято противопоставлять субъективную и объективную уменьшительность: объективная оценка передает реально малый размер предмета, субъективная – как бы делает его уменьшенным, связывая с особым эмоциональным отношением: представлением «милого как малого», в формулировке литературного критика К.С. Аксакова, современника Тургенева и Достоевского. По его наблюдению, «чтобы представить предметы милыми, чтобы высказать ласкающее отношение, на них как бы наводится уменьшительное стекло, и они, уменьшаясь, становятся милыми. <...> кроме милого, предмет принимает характер жалкого, бедного, робкого, возбуждающего о себе это сознание в говорящем. <...> кроме чувства, что этот предмет мне дорог, в говорящем высказывается часто и чувство собственного смирения, для чего и предмет представляет он в смиренном виде» (цит. по: [2 с. 97]). Не только «милое» имеет тенденцию к «умалению», но и, напротив, то, что кажется ущербным, неприятным, убогим, может представляться мелким, незначительным; в этом случае речь может идти об уничижительном значении, которое противопоставляется уменьшительно-ласкательному. Эти значения, входящие в категорию диминутива, в свою очередь противопоставлены значению аугментатива.

В значении увеличительности (*собачища, дружище*) также можно было бы провести разделение на объективную и субъективную оценку, но обычно само использование показателей увеличительности уже говорит об эмоциональном впечатлении, т. е. передает и субъективные ощущения: так, объект выдающихся размеров может представляться либо внушающим восхищение и почтительность (*человечище, красотища*), либо пугающим или отталкивающим (*чудище, зверюга*). Ш. Балли разделяет две категории оценочных слов: с одной стороны – уменьшительные и увеличительные, объективно характеризующие размер, а с другой – «хвалебные» и «уничижительные», выражающие эмоциональные отношения. В то же время Балли говорит об их взаимосвязи, о приятном или неприятном впечатлении от предмета, производимом его размерами и передаваемом с помощью оценочных суффиксов: *jardinet* (от *jardin* ‘сад’) – ‘садик’, ‘красивый маленький сад’, а *couteles* (от *couteau* ‘нож’) – ‘большой нож’, поражающий своей величиной [З с. 271].

Таким образом, объективные и субъективные значения могут коррелировать друг с другом, сочетаться в определенных комбинациях. Как видим, уменьшительность часто описывают в сочетании с положительными оценками (с ласкательностью), а увеличительность – с отрицательными. Однако возможны и другие сочетания. Очевидно, в русском языке уменьшительность может быть сопряжена и с отрицательной оценкой в уничижительных формах. Интерес представляет сочетание уменьшительности и почтительности в диминутивной форме. Казалось бы, почтительность должна предполагать увеличительность, поскольку выражается по отношению к вышестоящему. Однако это необязательно. Так, в науатле (языке ацтеков) суффикс *-tzin* объединяет два значения: с одной стороны, это уменьшительный суффикс (*conetl* ‘ребенок’ – *conetzin* ‘ребенок’), с другой – показатель почтительности (*colli* ‘дед’ – *coltzin* ‘почтенный дед/предок’). Маленький и почтенный видятся как одинаково ценные в этой языковой культуре и объединяются в общей форме. Но подобные примеры можно обнаружить и в русском языке: в обращениях *бабушка, матушка* уменьшительные суффиксы выражают не только ласкательность (субъективную оценочность), но и почтительность, основанную на объективном иерархическом признаке «собеседник выше» (чего нет в *мамочка, батенька*). Это возможно потому, что значение «свой», присущее терминам родства, может сочетаться с признаком «высший», который требует выражения почтительности. Почтительности естественно противостоит уничижительность, увеличительности с отрицательной

оценкой – уменьшительность с ласкательной экспрессией; они действуют на разных осях оценки [4].

Более обычным является использование диминутивных суффиксов в обращении или по отношению к равному или низшему «своему» (ср. *сестричка, сестренка, сынок, сынишка*). Вообще использование диминутивов в обращении и в формах 3 лица – при обозначении предмета или лица – представляет хотя и близкие, но функционально разные контексты: диалог и описание. В обращениях точкой отсчета выступает говорящий, выражающий свое отношение к собеседнику с учетом социально-коммуникативной дистанции между ними. Величина этой дистанции, определяемая по признакам собеседника «выше–ниже» (по разным объективным основаниям: статусу, возрасту, ситуативной роли), «свой–чужой» (по объективным и субъективным признакам), положительного или отрицательного к нему отношения, задает ограничения на выбор форм обращения, в том числе и диминутивных. Эти характеристики собеседника могут порождать такие оттенки субъективных отношений, как фамильярность, интимность, отчуждение, почтительность, подобострастность, уничижительность, снисходительность и проч., которые и находят выражение в формах субъективной оценки (подробнее см. [5]).

При оценочной номинации предмета в фокусе внимания оказывается отношение между его эталоном и конкретным экземпляром – насколько он меньше / больше / хуже / лучше обычного образца. Но в диалоге говорящий нередко оформляет диминутивами и предметы сферы собеседника или общей сферы говорящего и собеседника, делая их как бы ближе и привлекательней для него (таковы «гастрономические» диминутивы: *огурчики, помидорчики, хлебушек, маслице*) или представляя их менее ему неприятными («врачебные» диминутивы: *укольчик, таблеточки*).

При определении эталона важным является и соотношение предмета с размером человека. Здесь прослеживается связь с категорией масштаба, развивающейся в русском языке со времен Пушкина и до наших дней. Эта категория, выделенная А.Б. Пеньковским, добавляет к основному содержанию лексемы характеристики малого масштаба или большого масштаба, в котором ограничено действие называемого предмета. Так, каждое из слов *крыша* и *крышка* в пушкинские времена, когда еще не развилась категория масштаба, равно могло обозначать крышку шкатулки и крышу дома. См. фрагменты примеров из собрания Пеньковского [6 с. 461–462]:

(5) <...> я первый вошел в карету. Другие спутники мои, заплатившие за проезд дешевле, *уселись на крышке*, на козлах <...> [К.Н. Батушков – Д.П. Северянину. 19 июня 1814 г.];

(6) Иван Васильевич осмотрел Золотые ворота <во Владимире. – А. П.> с белыми стенами и зеленой крышкой <...> [В.А. Сологуб. Тарантас, 1840];

(7) Вид нашей страны уподобляется *котлу с крышею*, – сказал старик [Ф.В. Булгарин. Невероятные небылицы, 1835].

Лишь позднее слова распределяются по значению масштаба: *крыша* у любого объекта, объем которого больше объема человека, – *крыша дома, дворца, кареты* и под., *крышка* у любого объекта, объем которого меньше объема человека или равен ему: *крышка сундука, шкатулки, кастрюли* и под. [6 с. 460]. Во многих примерах Пеньковского категория масштаба выступает как скрытая семантическая категория, однако она может коррелировать с объективной уменьшительностью на основе своего рода семантического согласования: диминутивные лексемы не просто выражают уменьшительность, но и сочетаются со словами малого масштаба. Об этом еще будет речь ниже.

Значение уничижительности (т. е. «делающее ниже») представляется лишь субъективно (а не объективно) оценочным; уничижительные суффиксы выражают пренебрежение, умаление значимости лица (чаще к «чужим» или из сферы «чужого»: *старикашка, старушонка, душонка*), возможно – жалость и снисходительность (чаще к «своим»: *мальчонка, собачонка*); они могут передавать оценку предмета как убогого или неполноценного: *шапчонка, платьишко, книжонка*. Но эти оценки остаются субъективными, заключая в себе сему «отрицательного впечатления».

Одной из основных проблем при выделении диминутива является проблема его статуса. Категория диминутивности в русском языке трактовалась В.В. Виноградовым и А.А. Шахматовым как формообразовательная, а не словообразовательная, поскольку диминутивные формы сохраняют лексическое значение основы. В некоторых случаях, однако, новая форма приобретает иное значение, происходит «идиоматизация»: *конёк крыши, носик кувшина*; здесь уже можно было бы расценивать суффиксы как словообразовательные. Но более оправданным кажется говорить здесь о развитии значения диминутивной формы на основе метонимического переноса; при этом значение суффикса нейтрализуется.

В современной русской грамматике принято считать диминутив словообразовательной категорией в соответствии с ономаσιологической теорией чешского лингвиста М. Докулила [7 с. 196]. Он выделяет основные словообразовательные типы – транспозиционные (стандартный переход в другую часть речи) и нетранспозиционные, среди последних Докулил различает модификационные и мутационные. Мутационные образуют слова другой лексической категории с разнообразными значениями (например, в русском *лес* – *лесник*, *сахар* – *сахарница*). К модификационным относятся такие типы производных слов, в которых значение лишь видоизменяется в пределах лексической категории. Сюда и относятся существительные, прилагательные и наречия с суффиксом субъективной оценки (*стол* – *столик*, *нос* – *носище*, *черный* – *черненький*, *быстро* – *быстренько*). Таким образом, категория диминутива расценивается как модификационная; «производные модификационных словообразовательных типов всегда принадлежат к той же части речи, что и их производящие (*синий* – *синенький*, *синеватый*, *тигр* – *тигренок*)» [8 с. 193–194].

Однако проблема словообразовательного или формообразовательного статуса диминутивной категории для каждого языка может решаться по-разному. Если в русском, испанском, французском языках диминутивные суффиксы присоединяются не к любому существительному, это подтверждает словообразовательный статус категории (нерегулярность); если же диминутивный суффикс может присоединяться к любому существительному, как, например, в немецком, то есть основания для признания ее формообразующей. Впрочем, и для русского языка есть сфера, в которой диминутивные формы образуются регулярно, – это сфера личных имен (а также и терминов близкого родства) в обращениях. Можно отметить, что для «грамматики диалога» диминутивные формы личных имен скорее представляют формы одного слова, чем словообразовательные дериваты: *Маша* – *Машенька*, *Оля* – *Олечка*, *Лев* – *Левушка*, *Сергея* – *Серезчик*; есть при этом и предпочтительные варианты для разных основ, хотя здесь возможна вариативность (в том числе и в диахроническом плане, ср.: *Любинька* – *Любонька* – *Любочка*, *маменька* – *мамочка*). Так или иначе, важно отметить, что обращения, вокативы, представляют особую функцию диминутивов, и, видимо, для субъективной оценочности именно эта функция оказывается основной.

Рассмотрим более подробно примеры использования диминутивных форм сначала в функции отрицания, затем – в обращениях.

Тургенев

В художественных текстах Тургенева богато представлены диминутивные формы в описательной функции.

Представляя своего героя, Тургенев тщательно описывает его лицо, сложение, рост. Пишет он как будто с природы, высвечивая детали, при этом передает впечатление рассказчика, нарратора (который может совпадать или не совпадать с автором):

(8) Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается. [И.С. Тургенев. Ася (1858)]

В этом портрете нет диминутивов, приятное впечатление передано лексическими средствами. Это, в частности, показывает, что категория диминутива не является строго заданной и регулярной для выражения субъективной оценки приятного.

Нередко Тургенев подмечает особенность или странность лица, выделяя его объективные характеристики и не определяя своего субъективного отношения, просто лицо ему интересно; диминутивные формы в данном случае, подчеркивая контрасты, добавляют экспрессии объективному описанию:

(9) Лицо у него маленькое, *глазки желтенькие*, волосы вплоть до бровей, *носик остренький*, уши пребольшие, прозрачные, как у летучей мыши, борода словно две недели тому назад выбрита, и никогда ни меньше не бывает, ни больше. [И.С. Тургенев. Малиновая вода (1848)]

(10) Такого странного лица я давно не видывал. Нос имел он длинный и острый, крупные губы и жидкую *бородку*. Его голубые *глазки* так и бегали, как живчики. Стоял он развязно, *легонышко* подпершись руками в бока и не ломая шапки [И.С. Тургенев. Поездка в Полесье (1856)].

Но чаще авторская оценка сочетает объективный взгляд и субъективное отношение. В женских портретах диминутивы могут подчеркивать детскость и одновременно передавать умиление и любованье; так дается портрет Аннушки в «Накануне»:

(11) Девушка, с виду горничная, стояла в лавке спиной к порогу и торговалась с хозяином: из-под красного платка, который она накинула себе на голову и придерживала обнаженной рукой у подбородка, едва виднелась ее *круглая щечка и тонкая шейка*. [И.С. Тургенев. Накануне (1859)];

Внешний облик Александры Павловны в «Рудине» преподносится с легкой иронией:

(12) Один ее прямой, чуть-чуть вздернутый *носик* мог свести с ума любого смертного, не говоря уже о *ее бархатных карих глазках*, золотисто-русых волосах, ямках на круглых *щечках* и других красотах. [И.С. Тургенев. Рудин (1856)]

Носик, глазки, шейка, щечки – все это на первый взгляд типично женские диминутивы. Но, как ни странно, подобные диминутивы присутствуют и в мужских портретах. Так, о Шубине Тургенев пишет:

(13) Было что-то детски-миловидное, что-то привлекательно-изящное в мелких чертах его свежего, круглого лица, в его сладких, карих глазах, *красивых, выпуклых губках и белых ручках*. [И.С. Тургенев. Накануне (1859)]

В портрете Санина та же эмоциональная аура:

(14) Статный, стройный рост, приятные, немного расплывчатые черты, *ласковые голубоватые глазки*, золотистые волосы, белизна и румянец кожи – а главное: то простодушно веселое, доверчивое, откровенное, на первых порах несколько *глуповатое* выражение, по которому в прежние времена тотчас можно было признать детей степенных дворянских семей, «отцецких» сыновей, хороших баричей, родившихся и утучненных в наших привольных полустепных краях; *походочка с запинкой*, голос с *пришепеткой*, *улыбка, как у ребенка*, чуть только взглянешь на него... наконец, свежесть, здоровье – и мягкость, мягкость, мягкость, – вот вам весь Санин. [И.С. Тургенев. Вешние воды (1872)]

Критики отмечают в этом портрете сходство с самим Тургеневым: «Многие воспоминатели именно так и почти этими же словами описывают Тургенева, как если бы они вспомнили это портрет Санина – вплоть до “походочки с запинкой”, “голоса с пришепеткой” и детской улыбки. Но еще и слабость <...>» [9 с. 66].

Можно заметить, что для всех этих образов, включая и мужские, характерна особая, слегка уничижительная оценочность; женские персонажи здесь обычно второго плана, неглубокие, простоватые, а порой и просто пустые, не претендующие на серьезное к себе отношение; мужские – нерешительные, мягкие, художнические натуры. Наряду с любованием свежестью и молодостью чувствуется авторская ирония и критичность.

Ирония и уничижительность могут быть более едкими, выступая на первый план:

(15) У Вереницына дочь, *зеленькая*, знаете, такая, *глазки бледенькие, носик красенький, зубки желтенькие*, ну, словом, очень любезная девица; на фортепиахах играет и сюсюкает тоже, стало быть, все в порядке. [И.С. Тургенев. Месяц в деревне (1850)]

Здесь, как и в портрете немочки Зои из «Накануне» (1), для выражения уничижительности использован характерный прием: диминутивное согласование, т. е. нарочитый повтор суффиксальных форм в тексте. Смысл этого приема в том, что оценочное отношение присутствует во всех элементах образа, что усиливает общее эмоциональное впечатление. Не только *глазки, носик, зубки* отмечены диминутивами, но и их определения, передающие уже не просто цветовые признаки, а легкие оттенки и сниженную, шутивную оценочность. Об этом писал А.А. Потебня: «Настроение, выразившееся в ласкательной форме имени вещи (относительного субъекта), распространяется в той или другой мере на ее качества, качества ее действий и другие вещи, находящиеся с нею в связи» [10 с. 74]. Интересно отметить, что уничижительность выражается здесь не собственно уничижительными, а уменьшительно-ласкательными суффиксами, в их нарочитом обилии вычитывается ирония автора.

Стоит попутно отметить значения диминутивных форм прилагательных и наречий. Обычно считается, что в них интенсифицируется значение признака: *немного* – *немножко*, *легкий* – *легонький*, *тихий* – *тихонький*. Но это касается, по-видимому, слов, выражающих признаки с семей 'малый', 'в слабой степени', – в них еще больше умалывается степень признака: *немножко* – это *совсем немного*, *легонький* – *совсем легкий*; можно считать это интенсификацией основного признака. Противоположным образом ослабляют значение признака с семей 'значительный', 'много' прилагательные и наречия с суффиксом *-оват-*: *тяжеловатый*, *грязноватый* (*немного тяжелый*, *немного грязный*). Если же посмотреть на цветовые прилагательные с суффиксом *-еньк-*, в них признак не интенсифици-

руется (цвет мыслится как интенсивный признак), а скорее ослабляется: *желтенькие, голубенькие, красненькие* глазки – это по сути близко к объективной оценке *желтоватые, голубоватые, красноватые*, с легким оттенком субъективно-оценочного отношения к носителю этого признака; суффиксы *-еньк-* и *-оват-* почти синонимичны. Так, нанизывание прилагательных в портрете дочки Вереницына дает не ярко разноцветную картинку, а блеклую, «бледненькую», иронически характеризуя саму юную («зелененькую») барышню как вполне приличную и «любезную девицу».

Анализ диминутивов не только помогает выявить разнообразие их контекстных значений, но и определить предпочтения автора в выборе определенных диминутивных форм. Возможности для этого предоставляет корпусный анализ. У Тургенева можно отметить высокую употребимость слова *глазки*. Это слово весьма распространено в художественных текстах с 30-х гг. XIX в. Статистические данные Национального корпуса русского языка [11] показывают, что наибольшее число употреблений этой лексемы – у Андрея Белого, затем следуют Горький, Чарская, Тургенев и Достоевский, причем у Тургенева она встречается в наибольшем числе текстов (в 39 из 66 данных в корпусе¹, у Достоевского в 20 из 31). По числу употреблений лексемы *глаз*, которое в несколько раз больше, Тургенев лишь на 15-м месте. Можно сказать, *глазки* – тургеневское слово.

У Тургенева, по данным НКРЯ [11], слово *глазки* встречается 92 раза, причем по отношению к мужчине едва ли не втрое чаще, чем по отношению к женщине. В мужских портретах оно нередко имеет объективно-оценочное значение ‘маленькие глаза’. Отметим, что в современном словоупотреблении объективная оценочность, т. е. малый размер глаз, особенно мужских, естественнее передается определением. Диминутивная форма заключает уже в себе экспрессию, от которой трудно отвлечься. Поэтому порой тургеневские диминутивы могут казаться несколько нарочитыми:

(16) Инсаров вскинул на него *свои небольшие глазки*. [И.С. Тургенев. Накануне (1859)]

В женских портретах *глазки* передают разные оттенки субъективной оценочности, от ироничности до любования, что подчеркивают определения:

¹ По нашим данным, даже больше, поскольку в корпус не включена «Поездка в Полесье».

(17) Mlle Woucourt *посмотрела на него вкось своими французскими глазками*. [И. С. Тургенев. Рудин (1856)]

(18) <...> шестнадцатилетняя институтка с альми щеками и *ясными глазками*, Шурочка <...>. [И.С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)]

Использование диминутива *глазки* в портрете противопоставляется, с одной стороны, нейтральной форме *глаза*, с другой стороны – вообще отсутствию описания глаз. Приемков (муж главной героини в «Фаусте») – *господин с усами*, и только; о «сладковатой немочке» Зое сказано лишь *косенькая* (см. пример 1). Этим диминутивом подчеркивается и отсутствие искренности, и недостаток душевной жизни, поверхностность (ср. сетования Шубина: *я так же пуст, и вздорен, и мелок, как эта сладковатая немочка?*). Впрочем, скорее всего глазки у нее были голубенькие, поскольку сам образ стереотипен. Напротив, у персонажей значительных всегда описываются *глаза*, их портреты даются Тургеневым отстраненно, фотографически. Так представлен Инсаров («Накануне»):

(19) черты лица имел он резкие, нос с горбиной, иссиня-черные прямые волосы, небольшой лоб, *небольшие, пристально глядевшие, углубленные глаза*, густые брови. [И.С. Тургенев. Накануне (1859)]

Обращает на себя внимание *нос с горбиной*; сейчас скорее сказали бы *с горбинкой* – уже установилась категория малого масштаба в описании лица в противоположность ландшафту, соотносимому с большим масштабом (*горбина холма*). Аналогично *ямка на щечке* Александры Павловны (см. пример 12), которая сейчас гораздо чаще называется *ямочка* (вторичный диминутив при объекте малого масштаба).

Глазки в портретах Тургенева обычно определенного цвета: *молочно-серые, бледно-серые, серые, оловянные, синие, карие, бархатные карие, голубенькие, желтенькие, бледненькие, черные, желтые, светлые, красноватые, голубоватые, табачного цвету*, что придает живописность портрету. Некоторые цветовые образы предполагают стереотипные смыслы; *желтые* – по-видимому, недобрые, в образе дворецкого Гаврилы, которому, *судя по одним его желтым глазкам и утиному носу, сама судьба, казалось, определила быть начальствующим лицом* («Муму»); *синие* и *голубенькие* – простодушные, наивные:

(20) <...> на стене висела голубая шёлковая подушечка для часов, подаренная тебе в прощальный час добренькой чувствительной немочкой, гувернанткой с белокурыми кудрями и *синими глазками* <...>. [И.С. Тургенев. Смерть (1848)]

Интересен образ «светлые глазки/глаза»:

(21) <...> он представлял себе хорошенькое, добренькое лицо Эмилии, *ее светлые глазки*... [И.С. Тургенев. История лейтенанта Ергунова (1868)].

Светлые вряд ли являются прямым определением цвета. Мы встречаем у Тургенева необычное сочетание «*черные, светлые*» – такие глаза у Павла Петровича («Отцы и дети»); у Аси:

(22) <...> было что-то свое, особенное, в складе ее смугловатого, круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щечками и *черными, светлыми глазами* [И.С. Тургенев. Ася (1868)].

У Веры Николаевны – *серые с чернотой глаза* («Фауст»). В лице Джеммы Тургенев отмечает:

(23) <...> особенно *глаза, темно-серые, с черной каемкой вокруг зениц*, великолепные, торжествующие глаза, – даже теперь, когда испуг и горе омрачали их блеск... [И.С. Тургенев. Вешние воды. (1872)].

Подобный образ встречается и у Н.М. Карамзина:

(24) <...> лицо свежее, румяное, брови союзные, глаза большие, *черные, светлые*, красоты несказанной, особенно, когда блистали в них слезы умиления и жалости <...>. [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 11 (1823)].

Вероятно, образ *светлые, черные глаза* передает впечатление светлого взора больших глаз, черных или, возможно, серых с черной каемкой. Вообще в серых глазах и глазках Тургенев отмечает разнообразие оттенков.

Колоритные портретные зарисовки используют зооморфные образы: *свинные, мышинные, медвежьи, рысьи глазки*; чаще всего отмечаются *свинные глазки* (6 примеров) – они передают не только характерность, но и снижающую экспрессивность:

(25) старуха в красном платье, которая оказалась весьма неблагоприятно жидовкой, *с угрюмыми свинными глазками* и седыми усами на одутловатой верхней губе. [И.С. Тургенев. История лейтенанта Ергунова. (1868)].

(26) – Когда мы все уселись, Мартын Петрович поднял плечи, крикнул, обвел нас всех *своими медвежьими глазками* и, шумно вздохнув, начал так: [И.С. Тургенев. Степной король Лир (1870)]

(27) <...> из широкого, почти четверугольного лица лукаво выглядывали *мышинные глазки*, торчал нос, большой и острый, с открытыми ноздрями; стриженные седые волосы поднимались щетиной над морщинистым лбом, тонкие губы беспрестанно шевелились и приотроно улыбались. [И.С. Тургенев. Ермолай и мельничиха (1847)]

Определения к слову *глазки* могут передавать состояние персонажа, добавляя экспрессивную оценку: *мутно-сладкие, сладчайшие, веселые, ясные, угрюмые, (очень) печальные, кроткие, умные, бойкие, ласковые, перетревоженные, нежные хитро-добродушные*.

Персонажи Тургенева разнохарактерны, их портреты живописны и яркие, но чаще статичны, как будто автор отстраненно наблюдает и изучает внешность героя, иногда с симпатией, часто с легкой иронией, но всегда с интересом и любопытством, – и мы постоянно чувствуем эту позицию наблюдателя, которую он сам отмечает у рассказчика:

(28) Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их – я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством. [И.С. Тургенев. Ася (1858)]

Достоевский

В текстах Достоевского очень много диминутивов. Есть и весьма характерные именно для него. Судя по данным Национального корпуса, Достоевский занимает первое место среди других авторов по частоте употребления таких диминутивных форм, как *ангельчик* (55 в 5 текстах), *слезинка* (36 в 14), *словечко* (98 в 18), *слово* (77 в 18), *старушонка* (42 в 8); с диминутивом *голубчик* (188 в 16) Достоевский уступает только Салтыкову-Щедрину. А с диминутивом *глазки* Достоевский лишь немного уступает Тургеневу (90 в 20 текстах). Число примеров практически одинаково (у обоих имеются по 1–2 примера, относящихся к цветам *анютины глазки* и собакам), пропорция к числу текстов (39 из 66 у Тургенева, 20 из 31 у Достоевского) – тоже; это делает материал крайне интересным для сопоставления.

Диминутив *глазки* представлен в основном в описательных контекстах. Но описания у Достоевского отличаются от детальных

портретов у Тургенева: как правило, они динамичны. Достоевский описывает не столько глаза как элемент портрета, сколько взгляд, действия глаз, сопровождающие речь, выражающие эмоции, характер, настроение персонажа; при этом диминутивная форма добавляет экспрессии и субъективной оценки:

(29) Lise вдруг, совсем неожиданно, покраснела, *сверкнула глазками*, лицо ее стало ужасно серьезным, и она с горячею, негодующею жалобой вдруг заговорила скоро, нервно: [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]

(30) – осклабился вдруг Липутин, как бы ощупывая *своими вороватынькими глазками* Степана Трофимовича. [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871–1872)]

(31) – И, сказав это, Порфирий Петрович прищурился, подмигнул; что-то веселое и хитрое пробежало по лицу его, морщинки на его лбу разгладились, *глазки сузились*, черты лица растянулись, и он вдруг залился нервным, продолжительным смехом, волнуясь и колыхаясь всем телом и прямо смотря в глаза Раскольникову. [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Достоевский описывает изменение в лице, в мимике, за которым стоит напряженное внутреннее движение. Особенно частое действие у персонажей в данных контекстах – *сверкнуть глазками*; подобное действие представлено в 12 примерах. И сверкают чаще других черные женские глазки.

(32) Ох, если бы вы видели, Родион Романыч, хоть раз в жизни *глазки вашей сестрицы* так, как они иногда *умеют сверкать*! [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

(33) Сашенька, *злобно сверкая глазками*, пристально смотрела на Обноскина. [Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)]

(34) – А то можно кашель нажить, – сказала она, прелукаво улыбнувшись и *сверкнув на меня своими черными влажными глазками*. [Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова (1849)]

(35) Послушайте, – заговорила она, обращаясь ко мне, и *черные глазки ее засверкали*, – да это не так! [Ф.М. Достоевский. Белые ночи (1848)]

Вообще в отличие от текстов Тургенева, где *глазки* почти в 2/3 случаев мужские, у Достоевского *глазки* чаще женские и детские. Соответственно преобладает эмоциональная оценка умиления, а не

ирония или уничижительность, как у Тургенева. Достоевский и его рассказчик любят свои героини, передавая свое отношение в эпитетах: *невинные, светящиеся, светлые, (ваши) хорошенькие, (такие) чудные, славные*.

В мужских лицах акцент на *глазки* выполняет иную задачу: Достоевский наблюдает движения глаз, проникая через них в мысли героя. Особенно выразителен *прищуренный глазок* Смердякова («Братья Карамазовы»):

(36) Левый *чуть прищуренный глазок* его мигал и усмехался, точно выговаривая: «Чего идешь, не пройдешь, видишь, что обоим нам, умным людям, переговорить есть чего». [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)];

(37) «А чему я улыбнулся, сам, дескать, должен понять, если умный человек», – как бы говорил его *прищуренный левый глазок*. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)];

(38) Но *прищуренный и как бы на что-то намекающий левый глазок* выдавал прежнего Смердякова. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]

В этих примерах *прищуренный глазок*, как бы нацеленный внутрь собеседника, передающий скрытую мысль, концентрирует негативную, отталкивающую экспрессию, становясь характерной приметой персонажа.

Обычно в *глазках* у Достоевского выражаются разнообразные чувства персонажей: удивление, любопытство, испуг, негодование. Напряженность действия, накал страстей отражены в предикатах и характеристиках действий: *горели огнем/огоньком негодования, загорались чувством, разгорелись, сверкнули, засверкали, повлажнили, налились кровью*.

Характер и настроение персонажей передаются эпитетами *смеющиеся, вострые/востренькие/острые, быстрые, подвижные, живые, тихие, умные, добрые, веселые, вороватые/вороватенькие, плотоядные глазки*. Зооморфные эпитеты единичны: *птичьи, змеиные, свиные*.

Цветовые определения не характерны, но ясно, что автор предпочитает *черные* (5), остальные – *серые, серенькие, голубенькие, синенькие* – единичны. (Для лексемы *глаза* в корпусе отмечено 14 примеров на *черные*, 10 на *голубые*, остальные существенно реже.)

Можно сравнить грамматические формы существительного *глазки* у Тургенева и Достоевского; у обоих наиболее частые формы – либо в конструкциях творительного падежа: (с) ... *глазками*, либо в

именительном или винительном падеже – *глазки*. Но у Тургенева эти формы почти полностью покрывают общее число употреблений (37 и 48 примеров соответственно из 92), а у Достоевского их существенно меньше (31 и 35 из 90), т. е. падежные формы более разнообразны. Здесь можно усмотреть более характерную для Тургенева описательность в сравнении с динамичностью действия у Достоевского.

Таким образом, если Тургенев рассматривает и наблюдает лица, представляя их нам в живописных статических портретах, то у Достоевского мы как бы следим за кадрами черно-белого кино. При этом можно заметить, что описания глаз у Достоевского вовсе не так часто отмечены субъективной диминутивностью, как можно было бы ожидать (90 примеров *глазки* к 2 229 *глаза*), у Тургенева это соотношение выше (92 *глазки* к 1 670 *глаза*). Зато по характеру диминутивы Достоевского чаще положительно окрашены, хотя в мужских лицах обычно передают негативное впечатление, но при этом они всегда экспрессивно заряжены, в то время как у Тургенева они чаще даются с долей уничижительности или более нейтральны. Можно отметить, что экспрессия самой диминутивной формы *глазки* раскрывается в ее определениях, особенно если они также выражены диминутивами.

Все эти особенности характеризуют индивидуальный стиль автора и в то же время показывают активность лексемы *глазки* в период творчества Достоевского и Тургенева.

Диминутивы в обращениях

Как мы отмечали, другой сферой диминутивов являются обращения. Диминутивы от личных имен, родственные и стандартные обращения типа *маменька*, *душечка*, *голубчик*, *голубушка* характерны для творчества обоих писателей, да и для всего XIX века [12]. У Тургенева не удалось обнаружить каких-то предпочтительных форм обращений, выделяющих его среди других писателей. Зато у Достоевского есть особые специфичные формы обращений: *ангельчик*, *маточка*, *голубчик*, по количеству которых он превосходит других авторов.

Форма *ангельчик* встречается в пяти текстах, и лишь в одном примере в описании:

(39) Навстречу мне прошли мать и дочь, девочка лет десяти, хорошенькая, как *ангельчик*. [Ф.М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862)]

В остальных случаях это обращения, причем 47 примеров из 54 – это письменные обращения Макара Девушкина к Вареньке («Бедные люди»):

(40) Пишу вам в каждом письме, чтоб вы береглись, чтоб вы кутались, чтоб не выходили в дурную погоду, осторожность во всем наблюдали бы, – а вы, *ангельчик мой*, меня и не слушаетесь. [Ф.М. Достоевский. Бедные люди (1846)]

Эта форма, активная в 40-е гг. XIX в. и ныне вышедшая из употребления, встречается также у Чехова, Салтыкова-Щедрина, Григоровича, Юрия Германа и других авторов, в обращениях и иногда в описаниях, но в сумме их примеры не превосходят количество употреблений у Достоевского.

(41) – Нет уж, душечка тетя; нет уж, ты только не мешай мне, – убедительно и с необыкновенною живостью перебила Верочка, – *ангельчик тетя*, не мешай!.. [Д.В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик (1883)]

(42) Напрасно мечта усиливается создать *ангельчиков* с серебряными крылышками – из-за этих *ангельчиков* неумолимо выглядывают Кукишевы, Люлькины, Забвенные, Папковы... [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880)]

Возможно, форма была достаточно употребима в разговорной речи для выражения ласки, любезности и фамильярности, что показывают и составные обращения (см. подробнее в [12]). Сменившая ее форма *ангелочек* (особенно характерная для Салтыкова-Щедрина в 80–90-х гг. XIX в.) ощущается как менее эмоционально заряженная и используется нередко в описательном контексте.

Еще более симптоматична для Достоевского диминутивная форма *маточка*. Из зафиксированных в текстах корпуса 293 употреблений словоформы 242 принадлежат Достоевскому, причем 241 – в «Бедных людях», и одно – в «Братьях Карамазовых». Из остальных примеров корпуса – большинство цитаты из Достоевского (у М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, С.Г. Бочарова и др.), несколько примеров у Салтыкова-Щедрина, Лескова, Ковалевской, Серафимовича и др. Получается, что диминутивное обращение *маточка* – это фактически речевая метка одного героя, все того же Макара Девушкина. Почему же эта форма не используется Достоевским позднее? Об этом можно строить догадки, опираясь на описание А.Я. Панаевой эпизода встречи Достоевского и Тургенева в кружке литераторов после выхода «Бедных людей»:

(43) Раз Тургенев при Достоевском описывал свою встречу в провинции с одной личностью, которая вообразила себя гениальным человеком, и мастерски изобразил смешную сторону этой личности. Достоевский был бледен, как полотно, весь дрожал и убежал, не дослушав рассказа Тургенева. Я заметила всем: «К чему изводить так Достоевского?» Но Тургенев был в самом веселом настроении, увлек и других, так что никто не придал значения быстрому уходу Достоевского. Тургенев стал сочинять юмористические стихи на Девушкина, героя «Бедных людей», будто бы тот написал благодарственные стихи Достоевскому за то, что он оповестил всю Россию об его существовании, и в стихах повторялось часто «*маточка*». С этого вечера Достоевский уже более не показывался к нам и даже избегал встречи на улице с кем-нибудь из кружка. [А.Я. Панаева. Воспоминания (1889–1890)]

Возможно, после такой реакции литераторов Достоевский больше не стремился использовать эту форму, и она так и осталась речевой характеристикой одного героя.

Зато диминутив-обращение *голубчик* (177 примеров в 16 текстах), по которому Достоевского опережает лишь Салтыков-Щедрин (226 примеров в 38 текстах), оставалось популярным в литературе на протяжении всего XIX в. У Салтыкова-Щедрина весьма частотна и форма *голубушка* (108 в 22), у Достоевского она значительно более редка (14 в 8), даже у Тургенева она чаще (33 в 20). Заметим, что *голубчик* (как и *ангельчик*) широко употреблялось в обращении к женским персонажам.

Заключение

Итак, сопоставляя использование диминутивов у Тургенева и Достоевского, можно отметить, что у Тургенева они выражают различные субъективные оценки автора, часто иронию и уничижительность. На примере диминутива *глазки*, характерного для Тургенева, видно, что эта форма регулярно использовалась для описания мужской внешности, как с субъективной, так и с объективной оценочностью, но с выделенной экспрессивностью, подчеркивая характерную особенность лица. Экспрессивная тональность уточняется в значительной мере определениями. Нередки в портретах *свинные глазки*. Особенной сочетаемостью выделяется тургеневский образ *светлые, черные глазки/глаза*.

У Достоевского форма *глазки*, пожалуй, в меньшей мере характерная для него, чем для Тургенева, чаще относится к описаниям женских и детских лиц; в ней тогда ощущается любование,

умиление. В мужских лицах диминутив *глазки* притягивает скорее передачей мимики, за ним угадывается сосредоточенность на потаенной мысли, невысказанной речи, он вызывает ощущение напряжения и неискренности. В то же время сами описания не фиксируют глаза как элемент портрета, а показывают действие, изменение состояния, сопровождают речь персонажа. Экспрессия диминутива подчеркивает движение, порыв, страсть. Особенно типична для описаний Достоевского конструкция *сверкнуть глазками*. Если описательные диминутивы Тургенева скорее статичны, то у Достоевского – динамичны.

Для текстов Достоевского характерно использование нарицательных диминутивов-обращений, таких как *ангельчик, маточка, голубчик*. Причем первые два являются преимущественно речевыми метками одного героя, хотя сами эти диминутивы изредка встречаются и у других авторов.

В целом можно заключить, что диминутивы в художественном тексте используются для усиления экспрессивности: в описаниях они могут как акцентировать объективные характеристики, так и передавать отношение нарратора или автора к персонажу или объекту, в обращениях – выражать отношение героев друг к другу, при этом формы диминутивов отражают как вкусы эпохи, так и авторские предпочтения.

Литература

1. Русская грамматика. В 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 601 с.
3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иностр. лит., 1955. 416 с.
4. *Федорова Л.Л.* Значения субъективной оценки в русских существительных // Русская грамматика 4,0. Сборник тезисов международного научного симпозиума / под общей редакцией В.Г. Костомарова. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2016. С. 214–216.
5. *Федорова Л.Л.* Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 2. С. 21–40.
6. *Пеньковский А.Б.* Категория масштаба: дом (малый локус) // Пеньковский А.Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. М.: Знак, 2012. С. 458–487.
7. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 263 p.
8. *Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В.* Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981.
9. *Топоров В.Н.* Странный Тургенев (Четыре главы). М.: РГГУ, 1998.

10. *Потебня А.А.* Согласование прилагательных // Из записок по русской грамматике. В 4 т. / Потебня А.А. М., 1968. Т. 3.
11. Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 24 дек. 2018).
12. *Высоцкая В.В.* Система русских обращений в историческом аспекте // Конкуренция в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2017. С. 76–91.

References

1. Shvedova NYu., head ed. Russian grammar. In 2 vols. Moscow: Nauka Publ.; 1980. Vol. 1. (In Russ.)
2. Vinogradov VV. Russian language. Grammar doctrine of the word. Moscow, 1972. 601 p. (In Russ.)
3. Bally Ch. General linguistics and French language issues. Moscow: Izd. inostr. lit. Publ.; 1955. 416 p. (In Russ.)
4. Fedorova LL. Values of subjective evaluation in Russian nouns. V: Kostomarov VG., gen. ed. Russian Grammar. 4.0. Collection of theses of the International Scientific Symposium. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute Publ.; 2016. p. 214-16. (In Russ.)
5. Fedorova LL. Mechanisms of changing the distance in verbal interaction. *Moscow Journal of Linguistics*. 2003;7:21-40. (In Russ.)
6. Pen'kovskii AB. Measure category: House (small locus). V: Pen'kovskii AB. Studies in the Poetic Language of the Pushkin Times. Moscow: Znuk Publ.; 2012. p. 458-87. (In Russ.)
7. Dokulil M. Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 263 p.
8. Beloshapkova VA., Zemskaya EA., Miloslavskii IG., Panov MV. Modern Russian language. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1981. (In Russ.)
9. Toporov VN. Strange Turgenev (Four Chapters). Moscow: RGGU Publ.; 1998. (In Russ.)
10. Potebnya AA. Matching ajectives. V: Potebnya AA. From notes on Russian grammar. In 4 vols. Vol. 3. Moscow, 1968. (In Russ.)
11. Russian National Corpus. [Internet]. [data obrashcheniya 24 dec. 2018]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (In Russ.)
12. Vysotskaya VV. The system of Russian vocatives in the historical aspect. V: Competition in language and communication. Sat scientific works. Moscow: RGGU Publ.; 2017. p. 76-91. (In Russ.)

Информация об авторе

Людмила Л. Федорова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lfvouh@yandex.ru

Information about the author

Liudmila L. Fedorova, PhD in Philology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; lfvouh@yandex.ru

УДК 811.111-116

Монолог-диктема как структурная языковая единица речи (на материале английского сценического монолога)

Екатерина А. Захватова

*Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская православная
духовная семинария Иваново-Вознесенской епархии
Русской Православной Церкви, Иваново, Россия, sunset23@bk.ru*

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка ввести понятие *монолог-диктемы* как одну из основных структурных языковых единиц речи (как устной, так и письменной). В качестве исследовательского материала был взят англоязычный моноспектакль «The Human Voice» известного французского драматурга Жана Кокто «Человеческий голос» (Jean Cocteau, «La Voix Humaine») в исполнении известной гениальной шведской и американской актрисы Ингрид Бергман.

Ключевые слова: диктема, монолог, текст, сценический монолог

Для цитирования: Захватова Е.А. Монолог-диктема как структурная языковая единица речи (на материале английского сценического монолога) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 112–121.

Monologue-dicteme
as a structural linguistic unit of speech
(based on stage monologue)

Ekaterina A. Zakhvatova

*St. Alekseevskaya Ivanovo-Voznesenskaya Orthodox Theological Seminary
of the Ivanovo-Voznesensk Eparchy of the Russian Orthodox Church,
Ivanovo, Russia, sunset23@bk.ru*

Abstract. This article attempts to introduce the concept of monologue-dicteme as one of the main structural linguistic units of speech (both oral and written). An English-language mono-play “The Human Voice” by famous French-speaking playwright Jean Cocteau “The Human Voice” (Jean Cocteau, “La Voix Humaine”) performed by famous ingenious Swedish and American actress Ingrid Bergman was taken as a research material.

Keywords: dicteme, monologue, text, stage monologue

For citation: Zakhvatova EA. Monologue–dicteme as a structural linguistic unit of speech (based on stage monologue). *RSUH / RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;12(45):112-121.

Введение

В современных исследованиях текста в качестве его текстообразующей единицы принимаются различные образования. *Целью* данной статьи является попытка рассмотреть одну из основных структурных языковых единиц речи (как устной, так и письменной), *монолог-диктему*, поскольку речь изначально представлена монологическим высказыванием. Термин *монолог-диктема* включает в себя такие основные понятия, как монолог и диктема. Рассмотрим эти определения применительно к сценическому монологу.

В лингвистике среди ученых наблюдается плюрализм мнений по поводу понятия «монолог». В рамках нашего исследования монолог рассматривается как «...речь одного лица, обращенная к слушателю» [1 с. 365], как «...уже организованная система облечен-

ных в словесную форму мыслей», преднамеренно воздействующих на окружающих [2 с. 115]. В.В. Виноградов выделяет следующие лингвистические особенности *монолога*: протяженность высказывания; относительная развернутость высказывания; смысловая законченность; целенаправленность; интонационная оформленность; синтаксическая сложность построения; текстовая организация; последовательное изложение мыслей, что основано на логико-смысловых связях между предложениями [3 с. 9–12].

Таким образом, монолог представляет собой текст как «...продукт речевой деятельности, произведение речи – устное или письменное» [4 с. 78], как «...некоторая законченная последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора» [5 с. 45]. Монолог характеризуется единством темы и замысла, относительной законченностью, а также внутренней синтаксической (на уровне сложного синтаксического целого и предложений), композиционной и логической структурами.

Теперь рассмотрим понятие «диктема». Термин «*диктема*» (от лат. *dico, dixi, dictum* – говорю, высказываю) был введен отечественным ученым Марком Яковлевичем Блохом (1984) в связи с научной дискуссией о коммуникативных единицах языка. М.Я. Блох определяет диктему как элементарную единицу текста, которая является составной частью уровневой структуры языка [6 с. 5–6]. В рамках данной статьи *текст* определяется как воплощение речетворческого процесса, произведение, состоящее из названия и ряда особых единиц, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку [7 с. 28]. Текст является тематически организованным элементом дискурса, т. е. частью коммуникативной системы, коммуникативного процесса. По мнению М.Я. Блоха, вне диктемы текст как непосредственный продукт речевой деятельности существовать не может [8 с. 11].

Таким образом, ученый говорит о *теории диктемного строя текста*, в соответствии с которой выделяется шесть сегментных уровней языка: фонематический (уровень фонем); морфематический; лексематический; денотематический (одно или несколько слов, соединенных релевантно-пропозитивными связями); пропозематический – уровень предложения, функция которого – номинативно-предикативная; диктематический уровень или уровень *диктемы*, образуемой по реверсивному закону одно или несколько предложений [8 с. 11].

Смена темы является основным признаком диктемы, которая может состоять из одного предложения. Диктема состоит из зачина, развития и концовки, а также содержит тематико-смысловый центр. Как отмечает Е.В. Великая, диктема является «оптимальной единицей для анализа монологического текста и выступает как единица членения и строя текста, обладающая интонационными характеристиками» [9 с. 296]. Именно в диктеме реализуются такие интонационные параметры, как тональные изменения, вариативность громкости произнесения, темп речи, особенности членения, паузация.

В письменном монологическом тексте диктема представлена *абзацем*. В устной монологической речи диктема фонетически (интонационно) обозначена диктемно-долгой *паузой* и диктемно-финальным *тоном*. В диалогической речи диктема представлена *репликой*.

М.Я. Блох отмечает следующие функции диктемы: *номинация* (именование и денотация фрагментов действительности), *предикация* (отнесение названных фрагментов к действительности), *тематизация* (их смысловая организация в соответствии в определенной целью общения), *стилизация* (выбор языковых форм, соответствующих условиям и требованиям коммуникации). И только совокупность представленных характеристик реализует диктему как минимальную единицу тематизации текста и целый текст (т. е. совокупность диктем) «...как продукт отражательно-мыслительной деятельности человека в различных формах языкового общения» [8 с. 11].

Таким образом, на основе данной теории М.Я. Блоха можно вычленить две *схемы анализа диктемы* в устной и письменной речи. *Первая схема* в составе письменного текста включает в себя *текстообразующие единицы* диктемы, представленной наличием следующих текстообразующих параметров: зачин, развитие и концовка; тематико-смысловый центр; ключевые слова; вид информации: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая; лексико-грамматические средства связи; номинативная и предикативная функция диктемы; показатели стилизации диктемы; экспрессивно выделенные участки диктемы.

Вторая схема предназначена для анализа *интонационных особенностей* диктемы в составе устного текста (озвученного) и включает в себя такие интонационные параметры, как: тональные изменения: направление движения тона, характер тонального диапазона, характер конфигурации акцентно-мелодического контура; громкость произнесения и ее вариативность; темп речи и его вариативность; особенности паузального членения.

Экспериментально-фонетическое исследование сценического монолога (диктемный подход)

Данная теория диктемного анализа была использована в настоящем исследовании на материале англоязычного монолога-моноспектакля «The Human Voice» (по одноименной пьесе французского драматурга Жана Кокто (Jean Cocteau) «La voix humaine») в исполнении известной шведской и американской актрисы Ингрид Бергман. Теоретико-экспериментальный анализ показал, что речь героини состоит из разных по протяженности монологических высказываний (46 единиц), обладающих всеми признаками монолога, которые были описаны выше. Примечателен тот факт, что эти монологические высказывания по своей структуре являются диктемами, то есть основными структурными языковыми единицами речи. Рассмотрим анализ некоторых отрывков узкого корпуса исследования.

В тексте монолога было выделено всего 46 диктем. Приведем примеры диктемных моделей как устной, так и письменной речи. Вначале представляется целесообразным дать краткую характеристику общепринятой интонационной разметке: / – низкий восходящий тон, \ – высокий нисходящий тон, \ – низкий нисходящий тон, ' – ударный слог, ° – полуударный слог, > – ровный тон, || – долгая пауза, } – краткая пауза [10].

Диктема № 1. *Ha / llo } \ Yes } oh it is \ you || ' I am \ fine | \ Very well } ' No no no } I've ° just ' got \ 'in || I've had \ dinner } party with a } Oh I had a > marvelous time || Oh you are jealous } / are you? ||*

Коммуникативная ситуация. Героиня ждет звонка от своего возлюбленного, она переживает разрыв с любимым, находится на грани нервного срыва, хотя в глубине души у нее еще теплится надежда на продолжение их отношений. Мысленно она репетирует заготовленные фразы для своего партнера. Данная диктема раскрывает сложное морально-психологическое состояние героини: замысел первой части монолога совпадает с первоначальным замыслом героини. Об этом свидетельствует ее внутренний монолог, который она мысленно прокручивает в своей голове до того, как услышит долгожданный звонок.

Интонационные особенности. В данной диктеме преобладают высокий нисходящий тон (High Fall) и низкий нисходящий тон (Low Fall). Нисходящий тон (как высокий, так и низкий) придает высказыванию завершенность и определенность в действиях и эмоциях героини, т. е. героиня хочет констатировать тот факт, что

она в порядке и совсем не переживает. Именно сочетание высокого нисходящего тона, который звучит энергично и оживленно, и низкого нисходящего тона, характеризующего спокойствие и сдержанность, передает относительно тот ровный и категоричный эмоциональный фон, который героиня намерена донести до возлюбленного.

Интонационные группы легко выделяются на перцептивном уровне и соответствуют потенциальным синтагмам данных фраз, что свидетельствует о категоричном и относительно спокойном настроении героини. Выделение происходит благодаря паузам, которые выполняют смысловую функцию в сегментации речевого потока. В данном монологе представлены синтаксические паузы, которые маркируют границы интонационных групп. Их продолжительность вариативна: от очень коротких до сверхдлительных, что также свидетельствует о поставленной героиней задаче – быть спокойной и сильной (по крайней мере казаться такой).

Текстообразующие единицы диктемы. Данная диктема характеризуется *содержательно-концептуальной информацией*, которая заложена в предложении *I am fine* – тематико-смысловый центр всего монологического текста актрисы Ингрид Бергман. *Ключевыми словами* являются *fine*, произнесенное с высоким нисходящим тоном, передающим энергичное и позитивное состояние говорящего, и *very well*, произнесенное с низким нисходящим тоном, выражающим уверенность и категоричность. Данный монолог характеризуется *связностью*, которую обеспечивают лексико-грамматические средства высказывания, а именно повтор с использованием членов парадигмы словоизменения: *I am fine. I've just got in, I've had dinner party with a ... Oh, I had a marvellous time!*

Диктема содержит зачин, изложение и заключение, т. е. вид ее *композиционной структуры* можно представить как *положение-изложение-обобщение*. В качестве зачина выступает фраза *I am fine*, затем идет обоснование, а итогом является разделительный вопрос *Oh, you are jealous, are you?* Интонация данной фразы передает интенцию говорящего: женщине хочется верить, что возлюбленный ее ревнует, поэтому первая часть вопроса (*Oh, you are jealous*) произносится с низким нисходящим тоном, выражающим категоричность, но вторая часть вопроса (*are you?*), произнесенная с низким восходящим тоном, говорит о ее неуверенности в положительном ответе партнера, и она находится в ожидании этого ответа.

Таким образом, в данной диктеме прослеживаются ее основные функции: *номинативная* – именование общей ситуации (*I am fine*), *предикативная* – отношение именованного к действительности (ге-

роиня хочет показать, что у нее все хорошо, а в действительности она переживает глубокую личную драму). Тематико-смысловый центр определяет слово *jealous*, потому что задача героини – вызвать чувство ревности у партнера. Совокупность данных функций определяет стилизацию диктемы, т. е. актриса использует те языковые единицы, которые соответствуют условиям и требованию коммуникативной ситуации.

Диктема № 2. *Ha, llo || Ha, llo || ›Yes } Is 'that you } Yes I am fine || Ha, llo }*

Коммуникативная ситуация диктемы. И вот он – долгожданный звонок. Героиня пытается держаться, быть сильной, но интонация говорит о ее крайне напряженном эмоциональном состоянии и волнении.

Интонационные особенности диктемы. Сначала она держится, об этом свидетельствует низкий восходящий тон, выражающий категоричность, притворную нейтральность (с такой же интонацией она репетировала свой монолог). Но волнение ее одолевает, и героиня начинает нервничать, что проявляется в мелодическом оформлении ее высказывания: *yes* произносится ровным тоном, передающим нерешительность и эмоциональность. А следующая фраза *Is that you?*, являясь тематико-смысловым центром всей реплики героини, и произнесенная высоким восходящим тоном, акцентируя внимание на местоимении *you* (оно и выступает ключевым словом в данной диктеме), выражает удивление и неверие героини, что это он, ее возлюбленный, звонит. Но что происходит потом? Актриса собирается с силами, и ее задача – выразить спокойствие и показать, что у нее все хорошо, – помогает ей прийти в себя, о чем свидетельствует фраза, произнесенная с низким нисходящим тоном *I am fine*, а также наличие сверхкоротких синтаксических пауз, представленных в данной диктеме.

Текстообразующие единицы диктемы. Данная диктема отражает *содержательно-концептуальную информацию*. Связность данного монолога осуществляется за счет лексических повторов слов (*Hallo / Yes*), а также благодаря рамочной композиции высказывания, которое обрамляется словом *Hallo*. *Номинативная* функция данной диктемы определяется фразой *I am fine*. Ее предикативная функция совпадает с *предикативной* функцией предыдущей диктемы, где героиня пытается не показывать своего волнения, тематизация определяется благодаря интонационному оформлению ключевого слова *you*, где высокий восходящий тон передает удивление и взволнованность героини. Таким образом, стилизация и выбор языковых средств диктемы подчинена замыслу героини.

Диктема № 3. *Oh, no madam* { *You've got a c'rossed line, please* ||
 'Would you 'please 'ring `off || 'No no { 'You ring off || No { no 'no ii..i. ||
This is °not doctor Windsbird || *It is* { >Uhm | m | *it is 'one 'five seven* }
 'What it's ri`diculous! ||

Коммуникативная ситуация диктемы. Во время разговора с любимым возникают неполадки на телефонной линии и появляются параллельные голоса.

Интонационные особенности диктемы. В данной диктеме преобладают два терминальных тона: высокий нисходящий и низкий нисходящий. Как было ранее отмечено, сочетание данных тонов придает высказыванию энергичность, живость, а с другой стороны – уверенность и категоричность. Героиня волнуется, потому что может оборваться связь с любимым, но она все-таки пытается держаться, убеждая женщину на другом конце телефонного провода положить трубку, тем самым разрешив проблему: *You've got a c'rossed line* || 'What it's ri`diculous! || Также волнение героини характеризуется наличием пауз хезитации: *No* | no 'no ii..i. || *It is* { >Uhm | m | *it is 'one 'five seven* }

Текстообразующие единицы диктемы. Анализируемая диктема характеризуется *содержательно-фактуальной информацией*, так как здесь представлены факты и события, происходящие в конкретной ситуации: произошел сбой в телефонной линии, и героиня пытается решить проблему. *Тематико-смысловый центр* представлен в конце диктемы *I've got a crossed line*. Ключевая фраза – *a crossed line*, которая в начале высказывания произносится низким нисходящим тоном, выражая уверенность и категоричность, а в конце оформлена высоким нисходящим тоном, характеризует эмоциональное состояние героини, уставшей от этой ситуации. Данный монолог характеризуется *связностью*, которую обеспечивают лексико-грамматические средства, а именно: повтор с использованием членов парадигмы словоизменения (*You've got; would you please; I've got*), повтор, основанный на дистрибуционной близости слов (*a crossed line, please, this is, It is, this is ridiculous*), анафорический повтор местоимений (*this, it*), повтор слов и фраз (*No, not, ring off*). Композиционную структуру анализируемой диктемы можно представить как *положение-изложение-обобщение*. В качестве положения выступает фраза *Oh, no madam, you've got a crossed line*, затем раскрывается тема, и итогом является фраза героини *What it's ridiculous!*, обобщающая суть происходящего. *Номинативная* функция анализируемой диктемы представлена фразой *a crossed line*, которая и определяет предикативную функцию, выражая отношение

к сложившейся ситуации *this is ridiculous*. В свою очередь прилагательное *ridiculous* выполняет функцию тематизации диктеты.

Таким образом, стилизация и выбор языковых средств соответствуют коммуникативной ситуации диктеты и на интонационном уровне героиня талантливо передает суть происходящего.

Заключение

Из вышесказанного можно сделать вывод, что данные диктеты представляют собой монологические высказывания, обладающие свойствами всего сценического монолога, а именно: они состоят из ряда логически последовательно связанных между собой предложений, интонационно оформленных высказываний, объединенных единым содержанием предмета; обладают целенаправленностью, непрерывным характером, логичностью, смысловой законченностью, а также самостоятельностью и выразительностью. Таким образом, можно предположить, что *монолог-диктета* является отдельной структурной языковой единицей речи в составе анализируемого сценического монолога (как в его устной, так и в его письменной формах).

Литература

1. Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи // Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 259–260.
2. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
3. Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 9–12.
4. Львов М.Р. Основы теории речи. М., 2000. 248 с.
5. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.
6. Блох М.Я. Текст в динамике становления и его семь жизней // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 3. С. 5–9.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2005. 144 с.
8. Блох М.Я., Великая Е.В. Просодия в стилизации текста. М.: «Прометей» МПГУ, 2011. 120 с.
9. Великая Е.В. Просодия как фактор стилеобразования: экспериментально-фонетическое исследование на материале английской сценической и спонтанной речи: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 418 с.
10. Crystal D. Prosodic systems and intonation in English. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 390 p.

References

1. Ozhegov SI. Regular issues of speech culture. V: Lexicology. Lexicography. A culture of speech. Moscow, 1974. p. 259-60. (In Russ.)
2. Shcherba LV. Language system and speech practice. Moscow: Editorial URSS Publ.; 2004. 432 p. (In Russ.)
3. Vinogradov VV. Issues of culture of speech and some tasks of Russian linguistics. *Voprosy yazykoznaniya*. 1964;3:9-12. (In Russ.)
4. L'vov MR. Basics of the theory of speech. Moscow, 2000. 248 p. (In Russ.)
5. Nikolaeva TM. From Sound to Text. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ.; 2000. 680 p. (In Russ.)
6. Blokh MYa. The text in the formation dynamics and its seven lives. *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013;3:5-9. (In Russ.)
7. Gal'perin IR. Text as an object of linguistic study. Moscow: Editorial URSS Publ.; 2005. 144 p. (In Russ.)
8. Blokh MYa., Velikaya EV. Prosody in Text Styling. Moscow: "Prometei" MPGU Publ.; 2011. 120 p. (In Russ.)
9. Velikaya EV. Prosody as a style factor. Experimental phonetic study by the material of English stage and spontaneous speech. [dis. ... kand. philol. nauk.]. Moscow, 2005. 418 p. (In Russ.)
10. Crystal D. Prosodic systems and intonation in English. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 390 p.

Информация об авторе

Екатерина А. Захватова, Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская православная духовная семинария Иваново-Вознесенской епархии Русской Православной Церкви, Иваново, Россия; 15300, Россия, Иваново, ул. Смирнова, д. 76; sunset23@bk.ru

Information about the author

Ekaterina A. Zakhvatova, St. Alekseevskaya Ivanovo-Voznesenskaya Orthodox Theological Seminary of the Ivanovo-Voznesensk Eparchy of the Russian Orthodox Church, Ivanovo, Russia; bld. 76, Smirnova str., Ivanovo, Russia, 153000; sunset23@bk.ru

УДК 81`367

Формальный язык геометрии как знаковая система II. Расширенный синтаксис

Григорий Е. Крейдлин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gekr@iitp.ru*

Георгий Б. Шабат

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, george.shabat@gmail.com*

Аннотация. В статье излагается вторая часть синтаксического компонента формального языка геометрии (первая часть опубликована в 2017 г.). Среди единиц расширенного синтаксиса выделяются, во-первых, единицы элементарного синтаксиса, а во-вторых, единицы, полученные из элементарных с помощью ряда специальных операций. Эти операции получили название редукций. Их цель – укоротить синтаксически правильные формулы и тем самым облегчить их восприятие. Выделены два типа редукций: осуществляемые на основе универсальных логических законов и вводимые в язык специальные новые знаки. В конце статьи обсуждаются выразительные возможности синтаксиса формального языка геометрии и строится фрагмент расширенного синтаксиса, относящийся к теории треугольников и четырехугольников.

Ключевые слова: геометрия, расширенный синтаксис, логическая редукция, нелогическая редукция, знак, терм, предикат, формула, выразительные возможности, треугольник, четырехугольник

Для цитирования: Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Формальный язык геометрии как знаковая система. II. Расширенный синтаксис // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 122–144.

The formal language of Geometry as a semiotic system. Part II. Advanced syntax

Grigoi E. Kreydlin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, gekr@iitp.ru*

Georgii B. Shabat

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, george.shabat@gmail.com*

Abstract. The paper constitutes the second part of the article of 2017, and is devoted to the advanced syntax of the formal language of Geometry. The units of the advanced syntax are divided in two groups: the elementary syntactic units and the units that are built on the elementary ones by special operations called reductions. Those operations are assigned to reduce regular-formed expressions and thus to facilitate their perception. The author specifies two types of reductions being made on the basis of the universal laws of formal logic and being introduced into the language of special new items. At the end of the article the expressive power of the advanced syntax are discussed. The exemplified fragment of the advanced syntax related to the theory of triangles and quadrilaterals is presented.

Keywords: geometry, advanced syntax, logical reduction, non-logical reduction, sign, term, predicate, formula, expressive power, triangle, quadrilateral

For citation: Kreidlin GE., Shabat GB. The formal language of Geometry as a semiotic system. Part II. Advanced syntax. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):122-144.

Введение

Настоящая статья является продолжением статьи «Формальный язык геометрии как знаковая система I» [1], посвященной элементарному синтаксису формального языка геометрии. Напомним читателю наиболее важные сведения об элементарном синтаксисе. В нем нами были выделены три части, в одной из которых

описываются синтаксические единицы – составляющие этого синтаксиса, а в двух других – синтаксические отношения между ними и некоторые синтаксические операции над ними.

Перечислим элементарные синтаксические единицы формального языка геометрии:

- Простые термы трех сортов: точки, прямые, векторы. Все простые термы являются аналогами существительных естественного языка.
- Сложные термы пяти сортов: $(a \cdot b)$, $(a \cdot \mathfrak{B})$, $(\mathfrak{A} \cdot \mathfrak{B})$, $(\mathfrak{A}! \mathfrak{B})$ и $(\mathfrak{A}^{-} \mathfrak{B})$, причем (по порядку) два из этих видов термов соответствуют именам точек, два – именам прямых и один – имени вектора.

Знак «нижняя точка» • ставится между именами двух непараллельных прямых, и образующийся терм является именем точки пересечения этих прямых. Знак «средняя точка» • ставится между именами вектора и точки, и образующийся терм является именем точки, образующейся в результате применения вектора к исходной точке. Знак «верхняя точка» • ставится двумя разными точками, и образующийся терм является именем прямой, проходящей через эти точки.

Восклицательный знак ставится между именем точки и именем прямой, и образующийся терм является именем прямой, проходящей через данную точку параллельно данной прямой.

Наконец, знак «стрелка» $\vec{}$ ставится между двумя точками, и образующийся терм имеет смысл вектора, переводящего первую из них во вторую.

- Простые предикаты двух типов: равенство = и инцидентность \in . Они представляют собой аналоги глаголов и кратких прилагательных естественного языка. Равенство определено для пары точек, пары прямых, пары векторов. В случае точек и в случае прямых слово *равенство* синонимично слову *совпадает*, между тем как про совпадающие векторы говорить не принято. Инцидентность, обозначаемая символом \in , – это предикат, задающий отношение между точками и прямыми. У имени этого предиката есть несколько синонимов и конверсивов, например, *проходит через*, *лежать на*, *быть расположенной на* и др.
- Сложные предикаты образуются из простых применением к ним логических операций, к которым относятся дизъюнкция, конъюнкция, отрицание и навешивание кванторов общности и существования.

Помимо элементарных синтаксических единиц, в формальном языке геометрии есть специальные значки нескольких видов:

- насечка I (насечка может стоять при переменной в качестве нижнего индекса, причем насечек может быть сколько угодно);
- скобки $()$ и $[]$; круглые скобки используются для аргументов предикатов и для сложных термов, а квадратные – для заключения в них аргументов логических операций;
- запятая $,$ – используется при перечислении элементов конечного множества;
- пять описанных выше значков геометрических операций $\cdot \cdot ! \rightarrow$;
- пять логических символов $\forall \exists \neg \wedge \vee$.

В нашем формальном языке геометрии приняты следующие соглашения: заглавные буквы закрепляются за точками, строчные – за прямыми, а векторы обозначаются строчными буквами с надстрочными стрелками.

Скажем несколько слов о соотношении формального языка геометрии с языком школьной геометрии. Пока мы имели дело с элементарным синтаксисом формального языка геометрии, мы ничего не говорили о лексике этого языка, и это не случайно. Дело в том, что лексика, которая использовалась при описании элементарного синтаксиса, почти ничем не отличается от лексики школьного языка геометрии (различие касается лишь слова *вектор* и некоторых выражений с ним).

В настоящей работе, говоря о новых (по сравнению с ранее введенными) синтаксических средствах нашего языка, нам с неизбежностью придется использовать также и новые слова и выражения. Все эти языковые единицы по форме или по смыслу отличаются от слов и словосочетаний привычного языка школьной геометрии. Новые единицы будут вводиться по мере расширения синтаксиса. В результате модифицируется ряд школьных понятий: плоскости, треугольника, четырехугольника, параллелограмма, трапеции и некоторые другие. Такая модификация соответствует современным представлениям о геометрии как науке о возможных пространствах (ср. с концепциями *возможных миров* в лингвистике и логике, см. [2], [3]). При введении новых понятий и терминов, которые отличаются от традиционных представлений, развиваемых в современной школе, строится теория, для которой геометрия Евклида является лишь одной из возможных моделей. Используемые в этой теории слова и словосочетания нередко понимаются не так, как в школе. Мы, однако, по возможности сохраним для вводимых понятий привычные языковые формы, а смыслы вводимых единиц будем всякий раз уточнять.

Еще одно существенное отличие лексики нашего формального языка от лексики школьной геометрии состоит в том, что у нас

не будет многих привычных для читателя понятий. Прежде всего, речь идет о величинах – расстояниях, длинах, углах и площадях. Нет также качественных понятий, связанных с перпендикулярностью, порядком точек на прямой и разбиением плоскости на полуплоскости. Таким образом, лексика описываемого нами языка геометрии относительно бедна. Однако сказанное еще не означает бедности самого языка. Во-первых, его лексику можно расширить так, что она станет не беднее лексики языка школьной геометрии. Во-вторых, как мы покажем далее, синтаксис формального языка геометрии по своим выразительным возможностям не уступает синтаксису школьного языка.

У читателя могут возникнуть вопросы: «Почему авторам понадобилось менять язык, освоенный фактически с детских лет?» и «Зачем нужен какой-то другой язык, непривычный и трудно усваиваемый, в котором даже такие слова, как *треугольник*, *параллелограмм* и *окружность*, имеют необычные значения?» Для этого есть несколько причин. Одна из них состоит в том, что мы хотим представить язык геометрии именно как язык, то есть описать его лексику и грамматику в системном и строгом виде, тогда как язык школьной геометрии не охарактеризован ни лингвистически, ни как формальная структура. Лингвистическое описание этого языка предполагало бы, по крайней мере, две книги, содержащие отдельно лексику и отдельно грамматику. Между тем ни лексические единицы школьной геометрии, ни классы или ряды таких единиц (синонимы, фразеологизмы, диалектизмы, гипонимы, гиперонимы и др.), насколько нам известно, системно не описаны – нет даже словарей математических терминов, удовлетворяющих современному состоянию лингвистического и математического знаний. Не существует и грамматики этого языка. В то же время наш формальный язык предполагает строгую и системную репрезентацию всех его слов и синтаксических конструкций (хотя и изложенную не в лексикографическом формате). Решение этой задачи было начато нами в работе [4]; более сложные слова и синтаксические конструкции описываются ниже. Из трех рассмотренных нами ранее языков геометрии только для формального языка возможно такое описание.

Что касается структуры рассматриваемого здесь языка геометрии, то он опирается на вполне определенное трехсортное исчисление предикатов первого порядка (о многосортных исчислениях предикатов [5]). Это позволяет при анализе и описании этой структуры опираться на готовый понятийный и инструменталь-

ный аппарат математической логики, то есть использовать общепринятые термины, определения и результаты. Примеры такого использования см. в разделе 1 и далее.

Остальные причины, послужившие нам основанием для введения формального языка геометрии, связаны с *логической семантикой*, то есть с *интерпретациями* слов и других синтаксических единиц, в том числе с интерпретациями единиц расширенного синтаксиса¹.

1. Единицы расширенного синтаксиса и операции над ними

§ 1. Предварительные замечания

К единицам расширенного синтаксиса относятся, во-первых, все единицы элементарного синтаксиса, перечисленные во Введении, а во-вторых, единицы, полученные из элементарных с помощью ряда операций над формулами, которые мы называем *редукциями*. Назначение редукций – сделать короче синтаксически правильные формулы с целью упрощения их восприятия и введения в язык некоторых содержательных понятий и терминов. Редукции осуществляются либо на основе универсальных логических законов, либо введением в язык специальных знаков.

Следуя традициям классической математической логики, точнее ее раздела «Исчисление предикатов первого порядка», мы выделяем два вида редукций – логические и нелогические. Описание некоторых редукций требует введения ряда вспомогательных понятий, которым посвящены § 2 и § 3.

§ 2. Логические редукции

К логическим редукциям относятся редукции, которые не зависят от языка предикатов первого порядка. В отличие от нелогических редукций, о которых речь пойдет в § 3, логические редукции служат исключительно для упрощения записи формул. Такие редукции задаются при помощи правил, составляющих список из нескольких частей, см. раздел 3.

¹ О единицах расширенного синтаксиса и соотношениях между ними см. далее. О логической семантике рассматриваемого языка см. нашу статью [6].

Перечеркивания

В расширенном синтаксисе нашего формального языка разрешается перечеркивать некоторые знаки. С помощью этого вида логической редукции перечеркиваются знаки *равенства* = и *инцидентности* \in , входящие в множество знаков элементарного синтаксиса формального языка. Кроме того, могут перечеркиваться знаки двуместных предикатов, вводимых в расширенный синтаксис (см. об этом ниже). Так обозначаются отрицания всех двуместных предикатов. Например, запись $P \neq Q$ с перечеркнутым знаком равенства читается как «точки P и Q различны» (или каким-то синонимичным способом), а запись $P \notin l$ как «точка P не лежит на прямой l » (или синонимично).

Введение знаков импликации и равносильности

Знаки импликации \Rightarrow и равносильности \Leftrightarrow не включены нами в состав основных логических знаков алфавита языка геометрии. Причина этого – в их «избыточности». Дело в том, что в классической математической логике действуют следующие правила равносильной замены:

$$[\mathcal{A} \Rightarrow \mathcal{B}] := [[\neg \mathcal{A}] \vee \mathcal{B}]$$

$$[\mathcal{A} \Leftrightarrow \mathcal{B}] := [\mathcal{A} \Rightarrow \mathcal{B}] \wedge [\mathcal{B} \Rightarrow \mathcal{A}]$$

Обратим внимание на то, что в этих правилах используется особый знак – знак метаязыка $:=$. С его помощью в наш язык вводятся новые знаки (в данном случае \Rightarrow и \Leftrightarrow , в результате чего левая часть (до знака $:=$) является редукцией правой части. Знак $:=$ мы будем называть *знаком редукции*.

Прежде чем рассказать еще об одном виде логической редукции, нам понадобится ввести одно важное понятие.

§ 3. Синтаксическая эквивалентность формул

На множестве формул нашего языка мы считаем заданным фундаментальное отношение, которое называется отношением синтаксической эквивалентности (см. [7]) и обозначается знаком \equiv , родственным введенному выше знаку метаязыка $:=$ (см. § 2). Синтаксическая эквивалентность формул \mathcal{F} и \mathcal{F}' записывается в виде $\mathcal{F} \equiv \mathcal{F}'$ и читается как \mathcal{F} *синтаксически эквивалентна* \mathcal{F}' (или синонимично).

ным образом). Важно подчеркнуть, что ни понятие синтаксической эквивалентности, ни обозначающий его знак \equiv не принадлежат собственно языку. Это – единицы метаязыка синтаксического описания нашего языка геометрии.

Примерами синтаксически эквивалентных формул являются формулы $A \wedge B$ и $B \wedge A$, что записывается на метаязыке как $A \wedge B \equiv B \wedge A$ (коммутативность конъюнкции). А вот еще примеры (в скобках приводятся названия свойств отдельных операций – для первых двух примеров, а также пары и тройки операций – для последних двух):

$A \vee B \equiv B \vee A$ (коммутативность дизъюнкции);

$[A \wedge B] \wedge C \equiv A \wedge [B \wedge C]$ [ассоциативность конъюнкции];

$[A \vee B] \wedge C \equiv [A \wedge C] \vee [B \wedge C]$ (один из видов дистрибутивности);

$\neg[A \vee B] \equiv [\neg A] \wedge [\neg B]$ (один из законов де Моргана).

О синтаксической эквивалентности² формул, содержащих кванторы, речь пойдет ниже.

Отметим, что синтаксическая эквивалентность формул, вообще говоря, не означает их *синонимии* (более того, языковая синонимия не является математическим понятием). Например, формула $\neg[[P \in a] \wedge [P \in b]]$, которая может читаться *как неверно, что точка лежит на обеих прямых a и b* , несинонимична синтаксически эквивалентной ей формуле $[\neg[P \in a]] \vee [\neg[P \in b]]$, читаемой как *точка P не лежит на прямой a , или точка P не лежит на прямой b* . Первая из двух приведенных фраз удовлетворительна с языковой точки зрения, а вторая – нет. Дело в том, что союз *или* предполагает здесь странный выбор из двух альтернатив.

§ 4. Логические редукции и отношение синтаксической эквивалентности

До сих пор мы рассматривали логические редукции, в которых не использовалось отношение синтаксической эквивалентности. Ниже описываются редукции, основанные на этом отношении.

Замена формулы на синтаксически эквивалентную

Из множества синтаксически эквивалентных подформул данной формулы разрешается выбирать ту, которая является наиболее подходящей с какой-либо точки зрения (краткости, понятности,

² Понятие синтаксической эквивалентности играет важную роль при переводе с естественно-подобного языка геометрии на формальный и обратно. Об этом мы подробно расскажем в работах [8], [9].

легкости восприятия, удобства прочтения, т. п.), и подставлять ее в формулу на место исходной подформулы.

Например, из пары логически эквивалентных формул, одна из которых $\neg[\mathcal{F}_1 \vee \mathcal{F}_2]$, а другая $[\neg\mathcal{F}_2] \wedge \neg[\mathcal{F}_2]$, более легкой для восприятия является вторая; она легче читается и понимается. Действительно, если \mathcal{F}_1 – это формула, утверждающая совпадение точек \mathcal{A}_1 и \mathcal{B} , то есть $\mathcal{A}_1 = \mathcal{B}$, а \mathcal{F}_2 – о совпадении точек \mathcal{A}_2 и \mathcal{B} , то есть $\mathcal{A}_2 = \mathcal{B}$, то формула $\neg[\mathcal{F}_1 \vee \mathcal{F}_2]$ читается как *неверно, что точка \mathcal{B} совпадает с точкой \mathcal{A}_1 или с точкой \mathcal{A}_2* , тогда как формула $[\neg\mathcal{F}_2] \wedge \neg[\mathcal{F}_2]$ читается как *точка \mathcal{B} отлична и от точки \mathcal{A}_1 , и от точки \mathcal{A}_2* . Очевидно, что второе прочтение более идиоматично и лучше отвечает нормам русского языка, чем первое.

Замена связанных переменных

В статье [10] были введены понятия свободного и связанного вхождения переменных в данную формулу. Оба понятия относятся к синтаксису кванторных выражений. *Любую связанную квантором переменную разрешается заменять на любую другую во всей области действия квантора*. В результате такой замены получается формула, которую мы определяем как *синтаксически эквивалентную исходной*. Как и в предыдущих случаях логической редукции, приведем примеры ситуаций, в которых желательны (а иногда и необходимы) замены связанных переменных.

(а) Строя различные логические комбинации формул с кванторными выражениями, содержащими одни и те же связанные переменные, мы можем в результате получить формулу, в которой одна и та же переменная встречается в разных частях. Это обстоятельство нередко затрудняет понимание.

Рассмотрим две формулы:

$$\mathcal{F} := [\exists X[[X \in (\mathcal{A} \bullet C)] \wedge [X \in (\mathcal{B} \bullet D)]]]$$

и

$$\mathcal{F}' := [\exists X[[X \in (\mathcal{A}' \bullet C)] \wedge [X \in (\mathcal{B}' \bullet D)]]]$$

Эти формулы не адресованы человеку, и потому для их восприятия весьма желателен их перевод на язык чертежей (об этом языке см. [4]). Один из возможных переводов таков:

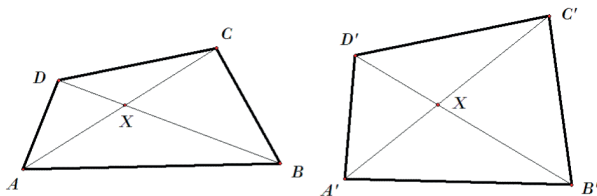

Рис. 1

На естественно-подобном языке (о нем см. в [10]) формула \mathcal{F} говорит о существовании точки, принадлежащей обеим диагоналям четырехугольника $ABCD$, то есть об их непараллельности, а формула \mathcal{F}' – о существовании точки, принадлежащей обеим диагоналям четырехугольника $A'B'C'D'$.

Здесь особенно ясно видно неудобство, затрудняющее понимание и проистекающее от использования одной и той же буквы X в двух разных смыслах – на одном чертеже это точка пересечения диагоналей одного четырехугольника, а на другом – другого. Сформулированное выше правило замены связанных переменных в области действия квантора позволяет избавиться от этого неудобства, переименовав одну из связанных переменных, то есть X , в любой из формул. Подчеркнем, что традиции оформления математических текстов и законы дружественной коммуникации выделяют наиболее предпочтительное переименование, а именно в данном случае замену в формуле \mathcal{F}' переменную X на X' :

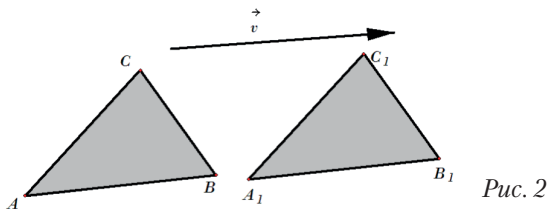
$$\mathcal{F}' := [\exists X' [[X' \in (A' \cdot C)] \wedge [X' \in (B' \cdot D)]]]$$

(б) Можно выделить еще один класс ситуаций, в которых желательны замены связанных переменных. Это ситуации, когда на множестве связанных переменных устанавливаются какие-то содержательные соотношения. В качестве примера рассмотрим следующую теорему: *Для любого треугольника найдется его сдвиг³, при котором одна из вершин треугольника окажется в любой заданной наперед точке.* На языке чертежей этот геометрический факт можно проиллюстрировать так, как это сделано на рисунке 2.

Условность данного чертежа состоит в том, что роль «наперед заданной» точки (на чертеже A_1) нельзя выделить без привлечения дополнительных средств. Вектор \vec{v} – это вектор, определяющий данный сдвиг.

³ Под сдвигом треугольника понимается применение одного и того же вектора ко всем его вершинам.

На формальном языке эту теорему естественно представить как $\forall \mathcal{A}; \mathcal{B}; \mathcal{C}; \mathcal{A}_1 \exists \vec{v}; \mathcal{B}_1; \mathcal{C}_1 [[\vec{v} \bullet \mathcal{A} = \mathcal{A}_1] \wedge [\vec{v} \bullet \mathcal{B} = \mathcal{B}_1] \wedge [\vec{v} \bullet \mathcal{C} = \mathcal{C}_1]]$.

В этой записи используются естественные сокращения, в частности опускаются некоторые кванторы и скобки.

На приведенном рисунке 2 выделены две тройки точек, каждая из которых интерпретируется как треугольник. На естественно-подобном языке (о нем см. [4]) слово *треугольник* понимается как множество его вершин.

Приведенная формальная запись сформулированной ранее теоремы воспринималась бы значительно хуже, если бы в обозначениях точек (которые и представляют собой связанные переменные) не было бы отражено соответствие между вершинами исходного и сдвинутого треугольника. Особенно ясно это соответствие видно на приведенном рисунке 2.

Введем особый знак «обратная стрелка» \leftarrow . Он обозначает операцию *замены одной связанной переменной в составе данной формулы на другую того же сорта*, то есть точку на точку, прямую на прямую, вектор на вектор. При этом новая переменная не должна входить в данную формулу.

Мы вводим запись $\mathcal{A}_{\xi \leftarrow \eta}$ где \mathcal{A} – произвольная формула, в которую входит переменная ξ , причем как связанная, а переменная η того же сорта, что и ξ , не входит в \mathcal{A} . Нижний индекс $\xi \leftarrow \eta$ при формуле с означает обязательную замену всех вхождений в нее «старой» переменной ξ на «новую» переменную η .

Существование и единственность

Последний из рассматриваемых нами видов логической редукции, основанный на отношении синтаксической эквивалентности, требующий замены связанных переменных и вводящий новый знак в наш формальный язык, – это преобразование двух формул,

одна из которых утверждает существование объекта, а другая – его единственность, в одну.

Результат такого преобразования обозначается особым знаком $\exists!$. Приведем формальную запись данного преобразования:

$$[\exists!\xi[\mathcal{A}]] := [[\exists\xi[\mathcal{A}]] \wedge [\forall\eta[\mathcal{A}_{\xi\leftarrow\eta}]]] \Rightarrow [\xi = \eta]$$

Напомним, что буквами ξ и η обозначаются переменные любого из трех рассматриваемых нами сортов, а буква \mathcal{A} обозначает произвольную формулу. Приведенная запись подразумевает, что переменная ξ входит в формулу с связано, а переменная η того же сорта не входит в формулу \mathcal{A} . Первый конъюнкт выражает существование объекта, а второй – его единственность.

§ 5. Нелогические редукции

Все нелогические редукции обладают следующим общим свойством: они расширяют исходный язык, вводя в него новые термы и предикаты. Назначение таких редукций – упрощение записи формул, подобное тому, как слово *теща* упрощает именную группу *мать жены*. Приведем три примера нелогических редукций. Первые два – это редукции формул, вводящих в наш язык новые двухместный и трехместный предикаты, а именно *параллельность*⁴, который определен на множестве пар прямых, и *коллинеарность*⁴, который определен на множестве троек упорядоченных точек.

Параллельность двух прямых означает отсутствие у них общей точки:

$$[l \parallel m] := [\neg[\exists P [[P \in l] \wedge [P \in m]]]]$$

Коллинеарность трех точек, или их свойство лежать на одной прямой, вводится следующей редукцией:

$$[\text{col}(A, B, C)] := [[A \neq B] \wedge [A \neq C] \wedge [B \neq C] \wedge [\exists l [[A \in l] \wedge [B \in l] \wedge [C \in l]]]].$$

Третий, более сложный, пример иллюстрирует редукцию, вводящую в наш язык новый терм – *точка пересечения диагоналей четырехугольника*. При этом под *четыреугольником* понимается на самом деле множество из четырех точек (*вершин* четырехугольника) вместе с заданным на нем так называемым *циклическим порядком*. Если вершины четырехугольника – это множество $\{A, B, C, D\}$,

⁴ Слово *коллинеарность* употребляется нами не так, как в школьной математике (в школе принято говорить о коллинеарности векторов).

то циклический порядок можно представлять себе как порядок обхода вершин четырехугольника. Естественным из возможных циклических порядков принято считать «лексикографический», то есть $A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D$. По определению этот циклический порядок совпадает с циклическими порядками $B \rightarrow C \rightarrow D \rightarrow A$, $C \rightarrow D \rightarrow A \rightarrow B$ и $D \rightarrow A \rightarrow B \rightarrow C$. Здесь запись $X \rightarrow Y$ означает переход от вершины X к «следующей» вершине Y .

Указанный порядок обхода разбивает шесть прямых, проходящих через пары вершин, на четыре *стороны* $(A \cdot B)$; $(B \cdot C)$; $(C \cdot D)$; $(D \cdot A)$ и две *диагонали* $(A \cdot C)$; $(B \cdot D)$ ⁵.

Терм *точка пересечения диагоналей четырехугольника* вводится в язык следующей нелогической редукцией:

$$\text{intersectDiag}(A,B,C,D) := ((A \cdot C) \cdot (B \cdot D))$$

Мы полагаем, что читатель увидел различие между привычным ему со школы понятием четырехугольника и понятием четырехугольника, введенным нами. Введенный терм определен не всюду, то есть не для любых четверок точек. Очевидная причина этого заключается в том, что некоторые точки могут совпадать или быть коллинеарными – назовем «четырёхугольники» с такими вершинами *вырожденными*. Другая, менее очевидная, причина состоит в том, что даже у невырожденного четырехугольника диагонали могут не пересекаться – см. об этом ниже.

3. Выразительные возможности формального языка геометрии и некоторые способы их расширения

§1. Общая характеристика формального языка геометрии и его выразительных возможностей

Рассматриваемый нами формальный язык геометрии напоминает семантический язык Анны Вежбицкой [11], среди прочего, своей минимальностью. И исходный лексический состав нашего языка, и его грамматика исключительно скудны, а расширение выразительных возможностей языка и его объяснительной силы достигается введением новых имен и предикатов, которые строятся на базе исходных. Такие новые единицы своего семантического языка А. Вежбицкая называет *молекулами*. Они строятся на базе *семантических примитивов*, или *семантических атомов*. Еще одна

⁵ В отличие от школьной геометрии, сторонами четырехугольника у нас являются прямые, а не отрезки.

аналогия с языком А. Вежбицкой состоит в том, что и у нее, и у нас набор исходных единиц различается по *сортам*⁶. На этом, однако, прямая аналогия языка А. Вежбицкой с нашим языком заканчивается. В частности, у нас результатом расширения запаса термов языка являются термы тех же сортов (точки, прямые, векторы), а результатом «расширения» запаса предикатов является переименование некоторых сложных формул, уже имеющихся в нашем языке. Между тем у А. Вежбицкой виды семантических единиц, построенных из примитивов, могут отличаться от видов исходных единиц. Например, среди исходных единиц нет группы, соответствующей артефактам типа велосипед, скрипка, бумага, т. п.

Обратим внимание на то, что ни введение новых имен термов, ни введение новых имен предикатов не увеличивают выразительных возможностей нашего языка. Они лишь упрощают, в частности укорачивают, запись сложных термов и предикатов. При этом некоторые из редуцированных синтаксических единиц оказываются семантически вполне содержательными, поскольку соответствующие редукции вводят языковые единицы и стоящие за ними понятия, важные для понимания формулировок теорем и перевода с формального языка на естественно-подобный (о естественно-подобном языке геометрии см. [4]). Иными словами, такие редукции – это не чисто синтаксические операции.

Одним из способов увеличить выразительную силу нашего языка было бы введение в его элементарный синтаксис новых сортов переменных. В частности, в нашем языке нет понятия числа, или скаляра, как отдельного сорта переменных. Поэтому в нем нет средств, позволяющих использовать координаты в формулировках теорем. Введение Рене Декартом⁷ координат в геометрию – это одно из важнейших достижений математики и философии минувшего тысячелетия, и только в целях упрощения языка мы отказались в данной работе от введения этого сорта переменных. Другой сорт переменных, являющийся ключевым для современной геометрии, – это *преобразования*. Введение преобразований в элементарный синтаксис потребовало бы еще больших интеллектуальных усилий, места и времени, поэтому мы, как и в предыдущем случае, ограничились лишь упоминанием этого сорта переменных.

Поскольку, как мы уже писали в ряде статей, можно выделить пять языков геометрии, в том числе язык координат и язык преоб-

⁶ А. Вежбицкая говорит в подобных случаях о разных *видах*, или *группах*, семантических примитивов.

⁷ Рене Декарт (1596–1650) – выдающийся французский математик и философ, автор знаменитого «Рассуждения о методе» (1637).

разований, которые еще не были нами описаны. Этим двум языкам и основным понятиям, на которых они построены, мы посвятим отдельные работы.

В следующем разделе мы покажем, что, несмотря на кажущуюся бедность выразительных синтаксических средств рассматриваемого формального языка, его объяснительная сила достаточно велика. На нем можно сформулировать целый ряд содержательных понятий и утверждений. Чтобы это показать, обратимся к двум разделам геометрии, посвященным простейшим «фигурам».

Фрагмент расширенного синтаксиса:

введение в теорию треугольников и теорию четырехугольников

Поскольку в нашем формальном языке нет средств для обозначения переменных типа «натуральное число», мы не можем построить теорию многоугольников с произвольным числом сторон. Иными словами, мы не можем определить понятие « n -угольник» для переменного натурального n . Однако средств нашего языка вполне достаточно, чтобы говорить о треугольниках, четырехугольниках и т. д.

Понятие четырехугольника было введено выше, а треугольником мы будем теперь называть произвольную тройку неколлинеарных точек. Подчеркнем, что используемые здесь понятия треугольника и четырехугольника не совпадают с соответствующими понятиями школьной геометрии. Возможно, что введенные понятия следовало бы поэтому на письме передавать синонимичными им словами ТРЕУГОЛЬНИК и ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК. Поскольку мы школьной геометрии в дальнейшем касаться не будем, мы позволим себе пользоваться словами *треугольник* и *четыреугольник* в указанном выше смысле.

Введем еще одну нелогическую редукцию:

$$[\text{tri}(A,B,C)] := [[A \neq B] \wedge [[A \neq C] \wedge [[B \neq C] \wedge [\neg[\text{col}(A,B,C)]]]]$$

Ее результат – трехместный предикат $\text{tri}(A,B,C)$ – читается как «три точки A , B и C называются вершинами треугольника, если они неколлинеарны». Иными словами, хотя понятие треугольника остается неопределенным, вводится фразеологическое сочетание «вершины треугольника».

Сторонами треугольника с вершинами A , B и C называются прямые $(A \cdot B)$, $(A \cdot C)$ и $(B \cdot C)$. Как и в школьной геометрии, сторона $(B \cdot C)$ называется *противолежащей* вершине A и т. п.

Итак, хотя понятия треугольника у нас нет, мы определили два фразеологических сочетания, а именно «вершины треугольника» и

«стороны треугольника». Для формулировки некоторых содержательных определений и теорем о треугольниках введем понятие *параллелограмма* как особого вида четырехугольников.

Для этого сначала определим предикат «быть вершинами четырехугольника»⁸:

$$\text{quad}(A, B, C, D) := [[A \neq B] \wedge [A \neq C] \wedge [A \neq D] \wedge [B \neq C] \wedge [B \neq D] \wedge [C \neq D] \wedge \\ \wedge [\neg[\text{col}(A, B, C)]] \wedge [\neg[\text{col}(A, B, C)]] \wedge [\neg[\text{col}(A, B, C)]] \wedge [\neg[\text{col}(A, B, C)]]$$

Чтение этой сложной записи⁹, раскрывающей содержание вводимого предиката, таково: «четыре точки называются вершинами четырехугольника, если никакие три из них не коллинеарны». В дальнейшем мы для краткости мы вместо сочетаний *вершины треугольника/четырёхугольника* и *стороны треугольника/четырёхугольника* мы будем говорить просто *треугольник* и *четырёхугольник*.

Стороны четырехугольника называются *противоположными*, если они не содержат общих вершин. Например, у четырехугольника с вершинами P, Q, R, S и лексикографическим циклическим порядком $P \rightarrow Q \rightarrow R \rightarrow S$ пары противоположных сторон это $(P \cdot Q); (R \cdot S)$ и $(Q \cdot R); (P \cdot S)$.

Параллелограммом, как и в школе, называется четырехугольник, противоположные стороны которого параллельны. Нелогическая редукция, вводящая понятие параллелограмма, это

$$[\text{para}(A, B, C, D)] := [\text{quad}(A, B, C, D)] \wedge [(A \cdot B) \parallel (C \cdot D)] \wedge [(B \cdot C) \parallel (D \cdot A)]$$

Фрагмент расширенного синтаксиса:
некоторые точки и линии в треугольнике

Выразительных возможностей нашего, кажущегося на первый взгляд весьма бедным, языка вполне достаточно для формулировок многих содержательных определений и теорем. В данном раз-

⁸ Напомним, что на множестве вершин четырехугольника определен циклический порядок. Так, на множестве $\{A, B, C, D\}$ таких порядков шесть: $A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D, A \rightarrow B \rightarrow D \rightarrow C, A \rightarrow C \rightarrow B \rightarrow D, A \rightarrow C \rightarrow D \rightarrow B, A \rightarrow D \rightarrow B \rightarrow C, A \rightarrow D \rightarrow C \rightarrow B$.

⁹ На естественно-подобном языке геометрии данная запись читается так: четыре точки называются вершинами четырехугольника, если никакие три из них не коллинеарны. Упрощение прочтения и перевода на естественно подобный язык данной записи достигается за счет *симметричности* вхождения переменных в формулу. О роли симметрии в формулировках теорем и об использовании симметрии для сокращения длинных формулировок см. [12].

деле мы проиллюстрируем этот тезис применительно к геометрии треугольника.

Несмотря на отсутствие в синтаксисе нашего языка чисел и расстояний, оказывается возможным ввести понятие средней точки между двумя точками (ср. английское *midpoint*):

$$[M := \text{mid}(A,B)] \equiv [\forall X[\forall Y [[X \notin (A \bullet B)] \wedge [Y \notin (A \bullet B)]] \wedge [\text{para}(A,X,Y,B)]] \Rightarrow [M = (A \bullet B) \bullet (X \bullet Y)]]$$

В этой записи наряду с введенным ранее знаком редукции $:=$ используется еще один знак метаязыка синтаксиса, а именно $:=$. Его мы называем *знаком наименования*, или *переименования*¹⁰. Слева от этого знака ставится вводимое новое имя терма, а справа – либо непоименованный объект (в случае наименования), либо старое имя того же терма (в случае переименования).

Обсуждаемая запись¹¹ читается так: *серединой между двумя точками называется точка пересечения двух диагоналей любого параллелограмма, противоположными вершинами которого являются данные точки.*

Одним из средств, облегчающих понимание формул языка геометрии, являются сопровождающие их чертежи. Чертеж, отвечающий приведенной формуле, таков (циклический порядок вершин $A \rightarrow Y \rightarrow B \rightarrow X$):

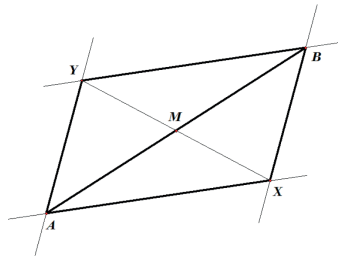

Рис. 3

В рассматриваемой формуле имеется терм $(A \bullet B) \bullet (X \bullet Y)$, который содержит знак «нижний кружок» операции «пересечение прямых». Использование этого знака, однако, не означает, что прямые обязательно пересекаются, то есть что точка их пересечения существует. Вопреки сложившимся у читателя со школы представ-

¹⁰ В программировании этот знак называют *знаком присваивания*.

¹¹ Ту же формулу можно было бы записать при помощи введенного выше терма *intersectdiag*, но запись была бы длиннее.

лениям, диагонали параллелограмма $A \cdot B$ и $X \cdot Y$ в некоторых экзотических интерпретациях нашего формального языка могут быть параллельны¹². В таких интерпретациях понятие середины между двумя точками не определено. Введенное нами понятие середины между двумя точками A и B не всегда однозначно определяет точку $\text{mid}(A, B)$. В некоторых интерпретациях, столь же экзотических, как и упомянутые в предыдущем комментарии, точка $\text{mid}(A, B)$ может меняться в зависимости от выбранной вспомогательной вершины X параллелограмма.

В «обычной» школьной планиметрии, во-первых, диагонали параллелограмма никогда не параллельны, а во-вторых, наша формула определяет единственную точку, которая и является «настоящей» серединой между данными двумя точками:

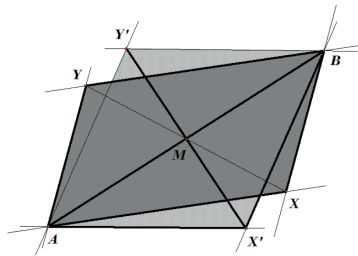

Рис. 4

Теперь мы можем привести примеры определений и теорем (то есть основных текстов нашего языка), формулировки которых согласуются с известными определениями и теоремами школьной геометрии.

Определение. *Средней линией треугольника называется прямая, проходящая через середины любых двух его сторон.*

Теорема. *Каждая средняя линия треугольника параллельна одной из его сторон.*

Определение. *Медианой треугольника называется прямая, проходящая через вершину треугольника и середину между двумя другими вершинами.*

Теорема. *Если среди трех медиан треугольника нет ни одной пары параллельных, то все три медианы пересекаются в одной точке.*

Условие непараллельности здесь добавлено к стандартной школьной формулировке, поскольку существуют, опять-таки экзотические, интерпретации, в которых медианы треуголь-

¹² О понятии «интерпретация формул языка геометрии» и о возможных интерпретациях конкретных формул см. [8], [9].

ника определены (то есть середины между любыми двумя его вершинами существуют), но при этом параллельны. Примеры таких интерпретаций будут приведены в работе [8]. Сформулированное утверждение названо теоремой условно. Дело в том, что существуют плоскости, то есть множества, элементы которого называются точками, с выделенным классом подмножеств, называемых прямыми, на которых эта теорема неверна. На таких – *недезарговых*¹³ – плоскостях многие привычные читателю утверждения неверны.

Заключение

На этом описание синтаксиса формального языка геометрии можно считать законченным. Это описание мы сознательно построили как порождающее, то есть во многом подобно тому, как это делают Н. Хомский, Е.В. Падучева [13] и некоторые другие исследователи естественного языка.

Между тем в ряде отношений наш подход к синтаксису, как мы отмечали, стоит ближе к подходу, принятому в семантических работах А. Вежбицкой [11] и ее коллег и учеников. Наши подходы объединяет идея порождения языка на основе ограниченного, в идеале минимального, множества базовых единиц – в нашем случае синтаксических, а в работах Вежбицкой – семантических («атомов смысла»). И у нее, и у нас основные единицы принадлежат нескольким сортам, и каждый из этих сортов несет определенную функциональную нагрузку. При этом единицы, относящиеся к разным сортам, имеют разные сферы употребления.

Параллелизм наших систем можно усмотреть еще и в том, что они прагматически ориентированы, то есть существенным образом учитывают фактор адресата и опираются на разного рода оценочные суждения (о простоте/сложности, об истинности/ложности, о разных степенях понятности и др.).

Основным при обучении языкам науки являются концепты «понятность» и «проверка понятности». Среди процедур проверки понятности можно выделить систему специальных вопросов, квалифицирующих разные языковые и когнитивные операции над научными текстами, включая оценку выполнения перевода с одного языка науки на другой. Нами были выделены пять языков

¹³ Об этих плоскостях и их весьма экзотических свойствах см. [9].

геометрии, и два из них описаны с разной степенью подробности (что связано во многом с характером самих этих языков). Один из этих языков – вербальный, или естественно-подобный, язык, а второй – невербальный, или язык чертежей. В настоящей работе мы сделали шаг к описанию третьего языка, который назвали формальным языком геометрии. Его особенностью является то, что адресатом этого языка является в первую очередь не человек, а некий абстрактный автомат. В том случае, когда формулы обрабатывает автомат, их читаемость не является обязательным свойством.

В чем мы видим преимущества и недостатки обсуждаемого языка геометрии по сравнению с естественно-подобным языком и языком чертежей? Ответить на этот вопрос непросто, поскольку, как мы говорили, у формального языка и двух других языков разные адресаты. Несмотря на это, у формального языка имеются следующие несомненные достоинства:

- простота и экономность исходных выразительных средств;
- возможность построения содержательных фрагментов геометрической теории (помимо приведенных выше) с использованием минимальных расширений базового языка;
- прозрачность синтаксической структуры предложений (формул);
- возможность автоматического выделения составляющих формул – носителей определенных смыслов (например, смыслов ‘существование’ и ‘единственность’);
- допустимость автоматической проверки синтаксической правильности предложений и выявление ошибок;
- открытость языка – он допускает содержательные расширения, в том числе ориентированные на автоматизацию проверки правильности доказательств, а также извлечение содержательных следствий из теорем.

Из недостатков формального языка геометрии отметим очевидные. Это трудность прочтения, восприятия и понимания его предложений человеком, а также отсутствие явно выраженных связей между данным языком и остальными четырьмя языками геометрии.

В настоящей работе основное внимание было уделено синтаксису отдельных формул. За ее пределами остались важнейшие общематематические понятия, имеющие традиционное геометрическое содержание. Это понятия теоремы и ее доказательства, интерпретации и семантики формул, теории и ее модели. Некоторым из них мы надеемся посвятить последующие работы.

Литература

1. Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Формальный язык геометрии как знаковая система. I. Элементарный синтаксис // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 11 (32). С. 69–87. (Московский лингвистический журнал. Том 19).
2. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982.
3. Шабат Г.Б. О множественности миров в науке и искусстве XX века // Гуманитарные чтения РГГУ 2014. М., 2015. С. 575–590.
4. Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Естественный язык и язык геометрических чертежей: точки соприкосновения // *Znaki czy nie znaki?* / Red naukowa J. Piatkowska, G. Zeldowicz. Warszawa, 2016. S. 197–221.
5. Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику. М., 2011. 296 с.
6. Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Естественный язык и языки науки: конкуренция или взаимодействие? // Конкуренция в языке и коммуникации. Сб. науч. работ / отв. ред. Л.Л. Федорова. М., 2017. С. 40–56.
7. Корельская Т.Д., Падучева Е.В. Обратная теорема (алгоритмические и эвристические процессы мышления). М., 1978. 64 с.
8. Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Семантика формального языка геометрии (*в печати*).
9. Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Естественные языки и языки науки: проблемы порождения и понимания текстов (*в печати*).
10. Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Пространство в естественных языках и языках геометрии // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 1. С. 116–130. (Московский лингвистический журнал. Том 17 (1)).
11. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 416 с.
12. Шабат Г.Б. О симметрии в формулировках теорем // Лингвистика для всех: летние лингвистические школы 2005 и 2006. М., 2008. С. 203–218.
13. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974. 292 с.

References

1. Kreydlin G., Shabat G. The formal language of geometry as a semiotic system. I. Elementary syntax. *RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies". Series.* 2017;11:69-87. (In Russ.)
2. Kripke S. Identity and necessity. V: New in foreign linguistics. Vol. 13: Logic and linguistics (reference issues). Moscow, 1982. (In Russ.)
3. Shabat G. On the plurality of worlds in the science and art of 20th century. V: RSUH Conference on the Humanities. 2014. Moscow, 2015. p. 575-90. (In Russ.)
4. Kreydlin G., Shabat G. The natural language and the language of geometric sketches. Points of contact // *Znaki czy nie znaki?* / Red naukowa J. Piatkowska, G. Zeldowicz. Warszawa, 2016. s. 197-21. (In Russ.)

5. Bocharov VA., Markin VI. Introduction to logic. Moscow, 2011. 296 p. (In Russ.)
6. Kreydlin G., Shabat G. The natural language and languages of science: concurrence or interaction? V: Fedorova LL., ed. Competition in language and communication. Sat scientific works. Moscow, 2017. p. 40-56. (In Russ.)
7. Korel'skaya TD., Paducheva EV. Inverse theorem (algorithmic and heuristic processes of thought). Moscow, 1978. 64 p. (In Russ.)
8. Kreydlin G., Shabat G. Semantics of formal language of geometry. *In print*. (In Russ.)
9. Kreydlin G., Shabat G. The natural languages and languages of science: the problems of generation and comprehension of texts. *In print*. (In Russ.)
10. Kreydlin G., Shabat G. The space in natural languages and in the languages of geometry. *RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies". Series*. 2015;1:116-30. (In Russ.)
11. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition. Moscow, 1996. 416 p. (In Russ.)
12. Shabat G. On the symmetry in the formulation of theorems. V: Linguistics for everybody. Summer linguistic schools 2005 and 2006. Moscow, 2008. p. 203-18. (In Russ.)
13. Paducheva EV. On the semantic of syntax. Materials for the transformational grammar of the Russian language. Moscow, 1974. 292 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Григорий Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gekr@iitp.ru

Георгий Б. Шабат, доктор физико-математических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; george.shabat@gmail.com

Information about the authors

Grigorii E. Kreydlin, Dr. in Philology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; gekr@iitp.ru

Georgii B. Shabat, Dr. in Physics and Mathematics, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; george.shabat@gmail.com

Дискуссии. Отклики

В предыдущем томе № 19 «Московского лингвистического журнала» («Вестник РГГУ» № 11 32), 2017) был опубликован очерк проф. РГГУ М.Р. Кауль, посвященный жизни и творчеству ее учителя, выдающегося советского языковеда Розалии Семеновны Гинзбург. После публикации в редакцию поступили два новых материала, принадлежащих перу учеников Р.С. Гинзбург. Написанные по личным воспоминаниям, эти материалы позволяют существенно расширить наши представления о методах преподавания и научного руководства, на которых строилась научно-педагогическая школа Р.С. Гинзбург.

УДК 81:929

Розалия Семеновна Гинзбург:
Учитель и друг

Иосиф С. Кесельман

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Орел, Россия, josef.kes@gmail.com*

Аннотация. Личные воспоминания о выдающемся ученом, талантли-
вом педагоге и человеке высокой нравственности. Описаны некоторые из
многочисленных примеров ее помощи автору в его приобщении к серьез-
ной лингвистической работе.

Ключевые слова: течения в лингвистике, аспирантура, порождающая
модель, педагогический такт, В.И. Перебийнос, П.А. Соболева, Ф.А. Литвин

Для цитирования: Кесельман И.С. Розалия Семеновна Гинзбург: Учи-
тель и друг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология.
Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 145–148.

Rozaliya Semenovna Ginzburg –
Teacher and Friend

Iosif S. Keselman

I.S. Turgenev State University, Orel, Russia, josef.kes@gmail.com

Abstract. The presented text describes the author's reminiscences of a great
scholar, a talented teacher and a person of high morality. Some of the numerous
examples of her help to the author in his introduction to serious linguistic work
are described.

Keywords: linguistic trends, postgraduate studies, generative linguistic
model, teacher's tactfulness, V.I. Perebeinos, P.A. Soboleva, F.A. Litvin

For citation: Keselman IS. Rozaliya Semenovna Ginzburg (1907–1978) –
Teacher and Friend. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Stud-
ies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):145-48.

С Розалией Семеновной меня познакомила Валентина Исидоровна Перебейнос, которая, написав и защитив под ее руководством диссертацию, вернулась на работу в Черкасский педагогический институт, где и возглавила кафедру иностранных языков. Я к тому времени, отработав три года в сибирской школе, переехал в украинский город Черкассы с семьей и работал там в школе. Мои теоретические знания в лингвистике в это время были на уровне потускневших от времени и не востребовавшихся представлений советского языкознания первой половины 1950-х гг. прошлого века, сформированных под влиянием «гениальных и кристально ясных» работ Сталина. Валентина Исидоровна, человек инициативный, творчески оптимистичный и в хорошем смысле миссионерски настроенный, познакомила меня с новыми в начале 1960-х гг. течениями в лингвистике и настоятельно рекомендовала заняться научной работой и поступать в аспирантуру к Розалии Семеновне Гинзбург. Поступить я смог в заочную аспирантуру при МГИИЯ им. Мориса Тореза и там познакомился с Розалией Семеновной.

Знакомство с Розалией Семеновной определило направление в моей последующей деятельности, не только научной и педагогической. Я был на несколько лет старше ее тогдашних аспирантов, имел уже некоторый жизненный опыт, но в бурлящей научной жизни столицы чувствовал себя отсталым и туповатым провинциалом, которому многому надо было еще учиться. Розалия Семеновна очень тактично, как я теперь понимаю, рекомендовала мне круг чтения для подтягивания лингвистической эрудиции, знакомила меня с интересными людьми. Ее бывшие ученики и аспиранты, уже состоявшиеся ученые, как правило, охотно помогали менее опытным ее подшефным, следуя ее примеру и продолжая таким образом традиции ее школы. Мне очень помогла Полина Аркадьевна Соболева; она познакомила меня с активно разрабатываемой в то время аппликативной порождающей моделью С.К. Шаумяна. Моя интерпретация этой модели для английского языка стала важной составляющей будущей диссертации. Розалия Семеновна поддерживала мой интерес к такой, на первый взгляд абстрактной, несемантической, работе. Она всегда была открыта ко всему новому, оставаясь при этом принципиальным и строгим критиком любых бездоказательных или заумных идей и заявлений.

Она познакомила меня и с замечательным человеком и выдающимся ученым Феликсом Абрамовичем Литвиным, который заведовал тогда кафедрой английского языка в Орловском пединституте (ОГПИ), и рекомендовала меня для работы на ней. В ОГПИ

мне дали годичное прикомандирование при МГПИИЯ, и я смог вплотную работать над диссертацией, имея возможность частых консультаций с Розалией Семеновной. Ее советы, ее постоянное внимание, а также мое участие в знаменитых аспирантских семинарах на кафедре помогли мне использовать этот год для завершения диссертации. Летом того года, когда я отдавал ей части диссертационного текста, она приглашала меня для его обсуждения к себе на дачу. Помимо критики и рекомендаций, которые я получал от нее, эти посещения помогли мне сохранить здоровье. Я очень много работал тогда без выходных в библиотеках, и усталость накапливалась. На даче же, после обсуждения с ней моих текстов, я старался заняться посильной помощью на участке. Помню, что однажды выкорчевал пенек садового дерева (использовал навыки, приобретенные в Сибири) и получил от этого большое удовольствие.

Каждое обсуждение моей работы с Розалией Семеновной было, с одной стороны, детальным анализом моих аргументов и даже стиля их изложения, а с другой стороны, уроком более зрелого понимания и использования идей классической и современной лингвистики. При этом Розалия Семеновна поощряла и мои поиски в сопредельных областях, которые иногда, правда, приводили к неуклюжим и завиральным выводам. Эти поиски, тем не менее, помогли мне использовать в диссертации на семантическую тему (синонимы) некоторые статистические методы, примененные с помощью ЭВМ, что в то время (1965–1966 гг.) считалось в одних кругах интересным и передовым, а в других – подозрительным и вредным.

Внимательная помощь своим подопечным была характерна для Розалии Семеновны, и не только в научной сфере. Она ненавязчиво оказывала помощь в разных областях жизни. При всем том, что она была бесспорным авторитетом в научной и этической сфере, она оставалась потом старшим и безмерно уважаемым другом, привлекая бывших учеников к сотрудничеству. Она интересовалась всеми обстоятельствами жизни своих подопечных и всегда готова была помочь в случае необходимости. С нею советовались и по вопросам личного и семейного характера. Ее советами дорожили. Мне повезло иметь возможность учиться у нее труду лингвиста и педагога. Я имел честь сотрудничать с ней в некоторых лексикографических проектах.

Слова «светлая память; навсегда в памяти и сердце» и подобные немножко истерлись от частого употребления, могут восприниматься как что-то формальное и потому холодное. Но в моей памяти и в моем сердце Розалия Семеновна навсегда осталась как мудрый учитель и светлый, теплый человек.

Информация об авторе

Иосиф С. Кесельман, кандидат филологических наук, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Россия; 302026, Россия, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; josef.kes@gmail.com

Information about the author

Iosif S. Keselman, PhD in Philology, I.S. Turgenev State University, Orel, Russia; bld. 95, Komsomolskaya str., Orel, Russia, 302026; josef.kes@gmail.com

Цветы Розалии Семеновне Гинзбург:
к 110-летию со дня рождения

Раиса И. Розина

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rrozina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена роли Р.С. Гинзбург, много лет работавшей на кафедре лексикологии МГПИИЯ им. Мориса Тореза (ныне МГЛУ), в развитии современной лингвистики, в частности лексикологии, и в воспитании целого поколения лингвистов и преподавателей.

Ключевые слова: семантика, лексикология, таксономический класс, лексика и грамматика, скрытые семантические признаки, английский язык

Для цитирования: Розина Р.И. Цветы Розалии Семеновне Гинзбург: к 110-летию со дня рождения // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 149–154.

Flowers to Rozaliya Semenovna Ginzburg for her 110th birthday

Raisa I. Rozina

*V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, rarozina@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the role of R.S. Ginzburg, who worked for many years at the Lexicology Department of Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute (now MGLU), in the development of modern linguistics, lexicology in particular and in bringing up a generation of linguists and teachers.

Keywords: semantics, lexicology, taxonomic class, lexis and grammar, hidden semantic features, English

For citation: Rozina RI. Flowers to Rozaliya Semenovna Ginzburg for her 110th birthday. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):149-54.

Каждый раз, когда я иду от метро Новослободская по улице Чайанова к главному входу РГГУ, немного не доходя до него, я смотрю направо. Там, в углу у ворот, есть дверь, в которую я входила много раз в течение семи лет, начиная с осени 1971 года. Я поднималась по лестнице на второй этаж и звонила в квартиру, в которой жила Розалия Семеновна Гинзбург. Когда в этой квартире 40 лет назад праздновали 70-летие Розалии Семеновны, она подарила мне свою фотографию с надписью: «Рае на долгую память о недолгом знакомстве». Надпись оказалась пророческой: Розалии Семеновны через полгода не стало, а я постоянно вспоминаю ее с восхищением и благодарностью – и совсем не только тогда, когда иду по улице Чайанова.

Я попала в подопечные Розалии Семеновны после того, как меня не оставили в аспирантуре в Московском университете. Не буду рассказывать всех перипетий этой истории. Скажу только, что как-то удачно сложились самые разные случайные обстоятельства, и рекомендации нескольких людей привели меня с дипломной работой в сумке к двери Розалии Семеновны.

Розалия Семеновна сначала отнеслась ко мне с некоторой настроенностью, причину которой я поняла гораздо позднее – как оказалось, я пришла с рекомендацией от человека (не хочу называть его фамилию), которого Розалия Семеновна не уважала, но тем не менее мою дипломную работу о передаче культурных реалий в переводе романа Айрис Мердок «Красное и зеленое» она прочла, работа ей понравилась, а звонок Розалии Семеновны моей руководительнице Лидии Николаевне Натан, которую Розалия Семеновна и уважала, и любила со времен своей работы в Московском университете, с вопросом, что я собой представляю, решил дело. Предполагалось, что осенью я поступлю к Розалии Семеновне в очную аспирантуру, а пока я начала ходить на лекции, которые Розалия Семеновна читала на курсах повышения квалификации преподавателей английского языка различных вузов. Уверенно могу сказать, что несмотря на репутацию Московского университета и на гордое, не один раз произнесенное утверждение заведующей кафедрой английского языка филологического факультета Ольги Сергеевны Ахмановой: «Мы делаем науку», я никогда не слышала в университете лекций такого уровня.

Направления в очную аспирантуру от ИНИОН РАН, в котором я работала, мне не дали. Пришлось поступать в заочную. Места для заочной аспирантки у Розалии Семеновны не было, но независимо от этого она решила меня опекать – и опекала все годы, начиная со дня вступительного экзамена. Вообще Розалия Семеновна была человеком, которого все уважали, и ей достаточно было поднять телефонную трубку и позвонить, чтобы ее просьба была выполнена. А просьбы Розалии Семеновны обычно касались ее аспирантов и подопечных. Не помню, чего у меня не хватало из документов, и вообще в чем было дело, но помню, что Розалия Семеновна позвонила тогдашней заведующей аспирантурой Алле Гилелевне – и проблема была решена мгновенно.

На вступительный экзамен Розалия Семеновна пришла проследить, чтобы из-за какой-нибудь случайности меня не провалили. Мой вступительный реферат был посвящен проблеме нормы, и поэтому комиссия решила, что я буду заниматься социолингвистикой под руководством Александра Давидовича Швейцера. В течение четырех лет моей заочной аспирантуры у меня были официальный руководитель А.Д. Швейцер и «подпольный» – Розалия Семеновна Гинзбург.

Розалия Семеновна сказала мне: «Если бы Вы были моей, я бы увела Вас в семантику», и я нашла компромиссную тему – модели семантического переноса, которые получают отрицательную оценку говорящих, т. е. являются ненормативными, приводят к появлению сленга. Эта тема определила мою научную судьбу на долгие годы.

Начались наши регулярные встречи с Розалией Семеновной. Они заключались в том, что я отдавала Розалии Семеновне очередной написанный кусок, а Розалия Семеновна меня критиковала жесточайшим образом. Читала она чрезвычайно внимательно, выписывала своим крупным почерком номера страниц, на которых какие-то места вызывали ее замечания, и подробно эти места разбирала. Как сейчас помню: мы сидим за столом в кабинете Розалии Семеновны, – там как-то особенно тепло и уютно, на начищенном паркетном полу наискосок лежит шерстяная молдавская дорожка, с книжного шкафа рядом свисают ветви декабриста, цветущего, как рождественская елка, а Розалия Семеновна рассказывает мне о моих «грехах» своим глуховатым голосом – она ведь очень много курила, с войны, наверное. В процессе этих обсуждений постепенно рождалась диссертация. Я думаю, что все, прошедшие школу Розалии Семеновны, работают со своими студентами и аспирантами именно так.

Я была москвичка, мне было легче жить в огромном городе, а о своих иногородних аспирантах Розалия Семеновна трогательно заботилась: добивалась, чтобы их селили в общежитии около метро Китай-город поближе к Инязу, присылала им учеников, чтобы они могли подработать, – ведь аспирантская стипендия была крохотной, как, впрочем, и сейчас; заботилась о том, чтобы во время своего трехлетнего пребывания в Москве они успели кое-что посмотреть, например, отдавала им билеты в хорошие театры, которые просто так нельзя было купить, – их покупал по своей льготной книжечке муж Розалии Семеновны, Федор Тимофеевич Архищев, преподаватель Высшей партийной школы и заместитель директора Института философии АН СССР; селила их у себя на даче. Все защиты – и моя в том числе – отмечались у Розалии Семеновны дома. Мобилизовывалась Юля, домработница Розалии Семеновны, и за великолепным накрытым ею столом сидели бок о бок аспиранты и преподаватели кафедры.

Вокруг Розалии Семеновны всегда существовало аспирантское сообщество. Все ее аспиранты знали друг друга, очень часто становились друзьями, приходили на домашний семинар, который организовала Розалия Семеновна и на котором обсуждались и новые книги, и написанные части диссертаций. После смерти Розалии Семеновны возникла пустота, которую очень трудно было пережить. Некому было позвонить, не с кем посоветоваться... Мы собирались с Розалией Семеновной встретиться, чтобы обсудить тему моей будущей докторской диссертации, – не успели, и я долго мыкалась в поисках проблемы, которой могла бы заниматься.

Одна черта Розалии Семеновны поражала меня не меньше, чем ее острый ум и сильный характер. Розалия Семеновна была «пра-

вильным» для того времени человеком, активным членом партии и разделяла официальную идеологию. Но я несколько раз убеждалась по каким-то ее словам и поступкам, что внутри Розалия Семеновна точно знает, как все обстоит на самом деле, и поступает не в соответствии с идеологией, а исключительно как велит ее совесть.

Как и ее учитель Александр Иванович Смирницкий, Розалия Семеновна оставила мало печатных работ. Все ее время было занято встречами с аспирантами и преподаванием. Поэтому ее научное наследство – не труды, а поколения выращенных ею ученых. Помню, как на одной конференции в Инязе объявили доклад Розалии Семеновны – и зал встал и зааплодировал: это были ученики Розалии Семеновны.

Две идеи Розалии Семеновны, недооцененные при ее жизни, были подхвачены современной лингвистикой: это идея о существовании скрытых компонентов значения, оказывающих влияние на сочетаемостные свойства слов, и идея о зависимости целого ряда свойств слова от его принадлежности к тематическому классу.

Розалия Семеновна делила всех людей, так или иначе занимавшихся описанием языка, на две категории: лингвисты и нелингвисты. «К сожалению, она не лингвист», – могла про кого-нибудь сказать она, и это значило, что человек попал в низшую категорию. Мне очень хочется надеяться, что, несмотря на все мои метания, занятия комментариями к текстам английских и американских писателей, разнотемье, я все-таки попала в первую, высшую категорию по классификации Розалии Семеновны Гинзбург. Сама она была лингвистом от Бога.

Информация об авторе

Raisa I. Rozina, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rarozina@yandex.ru

Information about the author

Raisa I. Rozina, Dr. in Philology, professor, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka st., Moscow, Russia, 119019; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; rarozina@yandex.ru

Московские лингвисты: биографии и воспоминания

В 2004 году вскоре после кончины Юрия Семеновича Мартемьянова «Московский лингвистический журнал» (том 8, вып. 1) опубликовал представительную подборку воспоминаний о нем, написанных А.В. Гладким, А.К. Жолковским, Н.Н. Леонтьевой, И.А. Мельчуком.

В 2008 году в томе 10 («Вестник РГГУ» № 6) журнал поместил текст выступления Ю.Д. Апресяна на вечере, посвященном 75-летию со дня рождения Юрия Семеновича.

Проходят годы, но облик и место этого выдающегося ученого в нашей лингвистике становится лишь реальней и отчетливей. В настоящем номере напечатаны два новых мемуарных очерка о Ю.С. Мартемьянове. Они показывают его в новом ракурсе, поскольку принадлежат уже не соратникам, а ученикам Юрия Семеновича, работавшим под его руководством в совместных прикладных проектах Всесоюзного центра переводов и Киевского университета.

Мои встречи с Юрием Семеновичем Мартемьяновым

Владимир М. Труб

*Институт украинского языка Национальной академии наук Украины,
Киев, Украина, trub44@ukr.net*

Аннотация. Статья посвящена памяти выдающегося советского и русского лингвиста Юрия Семеновича Мартемьянова, который был одним из первых, кто категорически заявил о необходимости принципиального использования смысла при машинном переводе, а его пионерские работы по актуальному членению, коммуникативной организации семантического представления, глубинным механизмам порождения текста во многом предвосхитили и даже опередили нынешнее состояние лингвистической науки. Автор рассказывает о своем периодическом общении с Ю.С. Мартемьяновым в течение почти 33 лет.

Ключевые слова: машинный перевод, семантика, валентность, лексические функции, юнкция, нексус, семантическое представление, язык RX-кодов, история Московской семантической школы

Для цитирования: Труб В.М. Мои встречи с Юрием Семеновичем Мартемьяновым // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 155–168.

My meetings with Yurii Semenovich Martem'yanov

Vladimir M. Trub

*Institute of Ukrainian of National Academy of Sciences,
Kiev, Ukraine, trub44@ukr.net*

Abstract. The article is dedicated to the memory of outstanding Soviet and Russian linguist Yurii Semenovich Martem'yanov who was among the first who resolutely declared the necessity of fundamental utilization of sense in machine translation. His pioneer works in actual articulation, communicative organization of semantic presentation, deep mechanisms of text generation in many aspects anticipated and even forestalled the current state of linguistic studies. The author tells about his recurring communication with Yu.S. Martem'yanov during almost 33 years.

Keywords: machine translation, semantics, valency, lexical functions, junction, nexus, semantic presentation, language of RX-codes, origin of the Moscow semantic school

For citation: Trub VM. My meetings with Yurii Semenovich Martem'yanov. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):155-68.

...Была то ли ранняя весна, то ли поздняя осень 1963 г. Я был, соответственно, студентом 2-го или 3-го курса Отделения структурной и прикладной лингвистики Киевского госуниверситета. Помню, шла очередная лекция спецкурса «Введение в структурные и дескриптивные методы изучения языков». Читала ее наша заведующая кафедрой Фионила Алексеевна Никитина, которая вместе с большим энтузиастом, крупным математиком профессором Львом Аркадьевичем Калужниным была одним из главных организаторов нашего отделения на филологическом факультете (отделения, которое лишь недавно возобновило свое существование

после 30-летней паузы...). Одна из моих сокурсниц задала лектору какой-то вопрос, касающийся семантики. Фионила Алексеевна ответила: «Вам надо связаться с группой Мартемьянова». Так я впервые услышал это имя. В кратком ответе Фионины Алексеевны отразилось устоявшееся представление «со стороны» и о соответствующем коллективе, и о том, кто был тогда его лидером...

Шло время, на старших курсах меня все более поглощала эта загадочная семантика, которая и теперь, 50 с лишним лет спустя, кажется не менее загадочной. (Как тут не вспомнить давнюю мысль Юрия Семеновича о том, что никакое семантическое представление не будет исчерпывающе полным и достаточным...) Мы уже что-то знали об известном «манифесте» А.К. Жолковского, Н.Н. Леонтьевой, Ю.С. Мартемьянова «О принципиальном использовании смысла при машинном переводе», впервые озвученном в наших Черновцах в 1960 г. (см. [1])¹. С большим интересом я прочитал знаменитую статью И.А. Мельчука «О “грамматическом” в языке-посреднике»², а на пятом курсе изучали известное «Предисловие» А.К. Жолковского и его же «Правила семантического анализа» в легендарном 8-м выпуске сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика». Но эта учеба больше шла в режиме факультативного курса, и я солгу, если скажу, что все мне было тогда понятно. На 4-м курсе меня увлекла очень стройная система языка RX-кодов, построенная Э.Ф. Скороходько для целей информационного поиска. Эдуард Федорович читал нам лекции по документалистике и вскоре стал руководителем моей курсовой работы, в которой я пытался нащупать формальные пути определения семантических отношений между элементами номинативных фраз информационных запросов и документов. Позже эта тема переросла в дипломную работу. После ее защиты я стал сотрудником (инженером) Лаборатории автоматизации информационных работ Института кибернетики АН УССР, которой руководил Э.Ф. Скороходько. Чем больше вникал я в семантическую проблематику, тем больше возникало вопросов. Я знал, что теми же проблемами активно занимаются в Москве, но пока не мог нащупать общих точек соприкосновения, того, что теперь принято называть мод-

¹ По материалам этого выступления впоследствии была подготовлена статья упомянутых авторов с тем же названием, опубликованная в сборнике «Машинный перевод» (Труды Ин-та точной механики и вычислительной техники. Вып. 2, 1961 г.).

² Напечатано в сборнике «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1960.

ным словом «compatibility»... Помню, что внимательно изучал статью Н.Н. Леонтьевой и С.Е. Никитиной о семантике предлога «за»³ (в упомянутом уже 8-м выпуске сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика», понимая, что то, что авторы считают значением предлога, для нас есть значение семантического отношения.

В мае 1967 г. в Киев приехал Виктор Юльевич Розенцвейг (мне даже довелось вместе с Ф.А. Никитиной встречать его в аэропорту). Он прочитал в нашем университете три или четыре лекции, которые были в основном посвящены легендарному открытию А.К. Жолковского и И.А. Мельчука – лексическим функциям. Я внимательно прослушал все лекции, но опять же не могу сказать, что на слух все адекватно воспринял – проблема «compatibility» не снималась...

Прошу прощения за то, что так долго пишу о себе, но не знаю, как иначе подойти к главному сюжету повествования – Юрию Семеновичу. Ведь я не москвич, и мой путь к общению с ним был долгим, извилистым и непредсказуемым.... Через месяц с небольшим (в конце июня) меня забрали в армию (до того трижды пытались забрать с 3-го и 4-го курсов – у нас не было военной кафедры). Конечно, для меня это было немалым потрясением – я очень опасался, что армейский дух, «солдафонщина», выбьет из меня интерес к науке. В армию ушел с книжкой «Идеи и методы современной структурной лингвистики» Ю.Д. Апресяна, а примерно через год, перед демобилизацией, носил за пазухой гимнастерки его же «Экспериментальное исследование семантики русского глагола», случайно приобретенную в одном из книжных магазинов Смоленска, где дотягивал последний месяц службы. Думаю, что не открою особой военной тайны, если скажу, что службу проходил в ракетных частях Калининградской области – сначала в батарее связи в лесу под Советском (бывшим Тильзитом), а затем в качестве преподавателя школьного курса алгебры, геометрии и... русской литературы по учебнику Флоренского (ведь я не просто математический, а еще и лингвист) на курсах для солдат и сержантов, желающих поступить в высшие военные учебные заведения. Этим я вместе с другим «коллегой» по высшему образованию (он читал физику и тригонометрию) занимался уже под Гвардейском (бывшим Топилау).

Еще в первой воинской части мне удалось «открыть Америку» – самостоятельно прийти к идее валентности (правда, сам термин мне был тогда неизвестен), чем я (естественно, внутри себя) немало гордился. Помню, нас вели строем на обед в солдатскую

³ «Опыт описания семантики предлогов».

столовую, и где-то на середине дистанции до меня наконец дошло, что семантическое отношение между словами *отличник* и *боевой подготовки* никак не зависит от предложно-падежной формы конструкции и лексико-семантических категорий компонентов, как я полагал раньше. Оно заложено в самом значении слова *отличник* (\approx 'тот, кто под чьим-то руководством высококачественно осваивает то или иное Р'). А именная группа родительного падежа типа *политической подготовки*; учебы просто конкретизирует, заполняет эту переменную Р. Когда мы, чеканя шаг по команде сержанта-грузина («Взвод, творже ног!»), домаршировали до столовой, я был счастлив, и даже солдатская баланда показалась вполне сносной. Позже мне удалось как-то изложить эти идеи в виде небольшой статьи, которую я, будучи дневальным, закончил переписывать на белом в ночь на Новый 1968 год, а утром 1 января передал с дежурным связистом в Советск, который и отправил ее в «бандерольном» конверте по киевскому адресу одной из моих коллег.

Эта история имела неожиданное продолжение. Через полтора месяца, в разгар учебного процесса под Гвардейском, я получил из Киева конверт, где, помимо прочего, была бумага на официальном бланке с печатями, адресованная на имя командира части. В ней шла речь о том, что Оргкомитет всесоюзной конференции, которая должна была состояться в середине марта в Институте кибернетики АН УССР, просит командировать в Киев на 3–4 дня рядового Труба для участия в ее работе – выступления с докладом. С этой бумагой я отправился к командиру части, который ко мне и коллеге хорошо относился – ведь на нас «держался» весь учебный процесс. Ознакомившись с ее содержанием, он сказал, что ему приятно, что его подчиненному удастся совмещать военную службу с научными занятиями, но по этому вопросу я должен обратиться к начальнику штаба, что я незамедлительно и сделал. Начальник штаба подумал и сказал, что в Вооруженных Силах не существует статьи расходов, по которой меня можно было бы отправить на конференцию. Я, естественно, сразу же сказал, что готов поехать за свой счет. «Ну так что ж, вы думаете, Вооруженные Силы такие бедные?» – ответил он. Мне не оставалось ничего другого, как козырнуть и повернуться кругом – не мог же рядовой сказать подполковнику, что в его рассуждениях – логический круг...

А четыре с лишним месяца спустя, уже «на гражданке», коллеги наперебой рассказывали мне об этой конференции – зря, мол, ты не приехал. Оказывается, на нее приезжали Жолковский, Мельчук, Мартемьянов, Розенцвейг, Леонтьева и многие другие. Мельчук выступал с докладом о лексических функциях и мне захлеб

твердили о Magn-ax, Oreg-ax, Func-ax, Incer-ax. Еще рассказывали, что при необходимости он сразу обращался за консультацией к Ю.С. Мартемьянову, который у них «главный по ситуациям».

Я понял, что далее пребывать в неведении было преступно и недопустимо. Вскоре мне удалось стать обладателем 19-го номера «Проблем кибернетики» с известной статьей Жолковского и Мельчука «О семантическом синтезе». Тщательно ее проштудировав, я мгновенно заочно влюбился в обоих авторов, пополнив собой ряды их многочисленных и ревностных почитателей. Вскоре прояснились, обозначились и общие точки соприкосновения: ведь, к примеру, лексические функции Oregi, Funci, Labori, k – это, помимо стандартной модели управления, – другие, альтернативные способы связи предиката с его актантами.

Более чем через год, в октябре 1969 г., меня направили в командировку в Москву, в Лабораторию машинного перевода 1-го МГППИЯ для ознакомления с ее достижениями. В первую очередь надлежало ознакомиться с недавно защищенной кандидатской диссертацией Н.Н. Леонтьевой, в которой демонстрировались возможности разработанного ею языка «Эхо», близкого по структуре языку РХ-кодов. Встретили меня очень гостеприимно, Нина Николаевна сразу же дала читать свою диссертацию и даже разрешала брать ее «на дом». В лаборатории мне все было интересно, познакомился я и с симпатичным, высоким и худощавым Константином Эрастовым, который приходил по вечерам и с бешеной, восхищавшей меня тогда скоростью что-то печатал на машинке. Он охотно рассказывал мне о Мельчуке, в частности – о том, что его легче всего увидеть во время физкультурных пробежек на Ленинских горах. Например, венгру Д. Варге, приехавшему из Будапешта специально для встречи с Мельчуком, удалось пообщаться с ним именно там. В полной выкладке (в костюме и с портфелем) он примкнул к бегущему Мельчуку и сопровождавшему его Н.В. Перцову и обсудил с ними все интересовавшие его вопросы.

В один из дней (в среду или в четверг) мне сказали, что сегодня в лаборатории состоится доклад Ю.С. Мартемьянова, и я тоже смогу его послушать. Вскоре появился невысокий серьезный человек с пухлым черным портфелем – человек, о котором я был столько слышан. Насколько я теперь понимаю, тогда ему было 39 лет. Немногочисленные слушатели уютно расположились вокруг доски, и доклад начался. Юрий Семенович рассказывал о валентно-юнктивных комплексах, приводя в качестве иллюстрации известный пример об «окончательно отложенной воскресной прогулке». Мне это было очень интересно и близко, т. к. я тоже уже задумывался

о введении юнктивного и нексусного режима отношений в язык RX-кодов.

Во время доклада присутствующие стали свидетелями своеобразной «пикировки» между В.Ю. Розенцвейгом и докладчиком. Розенцвейг шутливо спросил, не построена ли вся эта теория для объяснения только одной рассматриваемой фразы. Докладчик ответил, что ради только одной фразы он не стал бы стараться. Позже, начертив на доске очередной валентный комплекс, Юрий Семенович спросил: «Это понятно?» Розенцвейг сразу же (со свойственным ему оригинальным акцентом, довольно точно воспроизведенным А.К. Жолковским в его «Мемуарных виньетках»⁴), ответил: «Конечно, мы заранее знали, что так оно и будет!» Тут уже Юрий Семенович не выдержал: «Виктор Юльевич, Вы что, нанялись вместо Мельчука смешить публику?» Конечно, не мое это дело, но насколько я знаю, у них иногда бывали непростые взаимоотношения. Однако с какой теплотой и даже любовью написал Юрий Семенович о Розенцвейге в своих воспоминаниях!⁵ И в этом тоже проявилась его высокая человечность и доброты. В этом тексте как будто оживает его трепетная, открытая, всегда отзывчивая и ранимая душа, которая удивительным образом сочеталась с бесконечной глубиной и безупречной логикой научной мысли, беззаветной и бескомпромиссной преданностью своему делу.

После доклада нас познакомили. Я был очень смущен и, помню, сказал, что у нас (москвичей и киевлян) много общих проблем. Он сразу же отпарировал: «Проблемы у всех общие!»

А через два месяца в МГПИИЯ прошла большая конференция «Проблемы прикладной лингвистики», на которой выступали все сотрудники Лаборатории, в том числе и Юрий Семенович. Тогда же я впервые увидел Ю.Д. Апресяна, А.К. Жолковского, познакомился с И.А. Мельчуком, был на его докладе, а потом мне даже удалось довольно долго с ним побеседовать. Одним из свидетелей нашего разговора был и Юрий Семенович. Прошел еще один год, и конференция аналогичного всесоюзного масштаба («Структурные и математические методы изучения языка») проходила в Киеве. На ней было очень много гостей из Москвы и Ленинграда (не было разве что Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, Ю.А. Шрейдера и Ю.С. Мартемьянова...). Едва ли не впервые перед огромной и име-

⁴ См.: *Жолковский А.К.* Мемуарные виньетки и другие non-fictions. СПб.: «Звезда», 2000. 244 с.

⁵ Впервые опубликована в «Московском лингвистическом журнале», 2004, том 8, № 1. Впоследствии эта и все остальные работы Ю.С. Мартемьянова, упоминаемые в данном очерке, были переизданы в авторском сборнике «Логика ситуаций», см. [2].

нитой аудиторией довелось выступить и мне – волновался очень сильно. На следующий день Вера Алексеевна Матвеевко, ученый секретарь сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика», предложила мне опубликовать у них статью по материалам моего доклада. Конечно, для меня это была большая честь... К новому 1971 г. статья была отправлена в Москву. А через три месяца, в начале апреля, я получил из Москвы серьезную и обстоятельную рецензию, в которой предлагалось статью несколько доработать, подробнее осветить ряд вопросов. Через месяц я отправил переработанный материал статьи, а в феврале 1972 г. она была опубликована в сборнике «Машинный перевод и прикладная лингвистика», № 14⁶. Лет через пять Юрий Семенович сказал мне, что автором этой рецензии был именно он.

Шло время, в апреле 1976 г. мы проводили у себя в институте расширенный лингвистический семинар, на который были приглашены и московские гости – Ю.С. Мартемьянов, Н.Н. Леонтьева, В.А. Матвеевко, Э.И. Королев, О.С. Кулагина, С.Е. Никитина. Все имели возможность выступить с обстоятельными докладами без регламентных ограничений. Пришла и моя очередь. Конечно, больше всего меня волновало то, как воспримет мой доклад Юрий Семенович. К моей большой радости, отнесся он к нему очень положительно и с большим пониманием. По-моему, именно с этого момента у нас с ним установились более тесные, доверительные отношения.

Через месяц с небольшим в нашем Доме научно-технической пропаганды проходил очередной всесоюзный семинар по искусственному интеллекту, который с 1975 по 1983 гг. ежегодно организовывала и проводила неутомимая И.Б. Штерн. Снова было много гостей, в том числе и Ю.Д. Апресян. Юрий Семенович прибыл на семинар с вещами прямо с вокзала и только после вечернего заседания задумался над проблемой своего поселения. Тут я без обиняков предложил ему остановиться у меня. На секунду задумавшись, он согласился. И, кажется, об этом не пожалел – впоследствии он неоднократно становился моим дорогим гостем – и на квартире, и позже, в лесном домике в Голосеево. С ним всегда было легко и просто – можно было беседовать и о науке, и на любые другие темы.

Он приезжал в Киев, поскольку был ответственным исполнителем хоздоговорной темы, заключенной между Всесоюзным Центром переводов (ВЦП) и Киевским госуниверситетом. Но «хоз-

⁶ Труб В.М. Об одном подходе к семантическому анализу, использующему семантическую валентность слов // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 14. М., 1971. С. 71–95.

договор» был далеко не единственной целью этих приездов. Они часто «подгадывались» под какую-нибудь конференцию или семинар. Кроме того, для Юрия Семеновича много значило общение с киевскими коллегами – в первую очередь с его непосредственным соисполнителем И.Б. Штерн, а также Т.Н. Рыловой, с которой он поддерживал постоянный творческий контакт, И.М. Крейн и участниками организованного ею постоянного семинара, нашим известным философом (впоследствии академиком и директором Института философии) М.В. Поповичем, своей аспиранткой Г.Г. Яровой и многими другими. Он шутливо называл себя «солдатом ВЦП», и всегда с радостью был готов выступить с докладом – то ли в Институте кибернетики, то ли в Доме научно-технической пропаганды, то ли в Горсистемотехнике, куда впоследствии перешел наш отдел. И перед широкой, и перед сколь угодно узкой аудиторией. И всегда находил благодарных слушателей. И как никто умел слушать других, моментально схватывая самую суть сообщаемого. Он как будто рентгеном просвечивал докладчика, и для каждого излагаемого подхода мгновенно находил «системное» место в той широкой иерархической системе подходов и понятий, которая была известна только ему. Для очень многих, в том числе и для меня, такое «системное место» нашлось в его обзоре по актуальному членению, в подготовке которого ему помогали В.Н. Абызова и Е.В. Муравенко. И уже более 35 лет с благодарным пиететом я храню эту книжку⁷ с дорогой для меня надписью – автографом «Володе Трубу – к сведению и на память. 12.03.1982 Мартемьянов».

Мы много бродили по городу, активно общаясь, гуляли и по Голосеевскому лесу, который ему очень нравился. Он любил рассказывать о своих друзьях и коллегах, о человеке беспримерного гражданского мужества Константине Бабицком и его трудной судьбе, о многочисленных пешеходных и водных походах, в которых он участвовал, о своей службе в армии. Кто-то (но не он сам) говорил мне, что ему там доводилось и с парашютом прыгать... В мае 1978 г. в Киеве гастролировала Лейпцигская опера, и мы побывали с ним на двух спектаклях – «Похищении из сераля» Моцарта и «Ксерксе» Генделя. На Моцарта мы чуть-чуть припозднились. Услышав в гардеробе первые звуки увертюры, он сразу оживился и стал подпевать – было видно, что эта музыка ему хорошо знакома.

⁷ Обзор «Проблемы актуального членения в исследованиях по автоматическому переводу и реферированию» был впервые опубликован в 1981 г. в сборнике «Машинный перевод и автоматизация информационных процессов, серия 2» ВЦП. Переиздано в [2].

В один из его приездов (кажется, это было тоже в 1978 г.) я упомянул в разговоре об опубликованной в 1974 г. в НТИ большой статье Мельчука с подробным обзором работ Шенка. Помимо прочего, там был большой абзац, посвященный Мартемьянову, его подвижническим пионерским работам, которым Мельчук дал высочайшую оценку. Оказалось, что Юрий Семенович ничего об этом не знал. Я тут же разыскал журнал и указал ему соответствующее место. Юрий Семенович был очень растроган и даже, как он сам выразился, «прослезился». Я же испытал смешанное чувство гордости и удивления. Гордости за то, что именно мне было суждено ознакомить Юрия Семеновича с теплыми словами о нем Мельчука, удивления – тому, что чтобы узнать об этом, ему нужно было приехать в Киев, да еще спустя четыре года после того, как эти слова были написаны...

Как-то в конце 1970-х Рена Штерн сумела «пробить» для него путевку в Ворзель в Дом творчества композиторов. Однажды мы с Тамарой Рыловой его навестили. Он был очень рад, угощал нас коньяком. «Отдыхал» он с неразлучной спутницей – портативной машинкой. Говорил, что «работает зверски» – кажется, именно тогда он, помимо прочего, усиленно занимался переводом с венгерского романа Ф. Шанты «Пятая печать».

Встречались мы и в Таллине – на крупной международной конференции, которая состоялась в конце ноября 1983 г. Он выступил там с масштабным обзором пяти докладов, в том числе и своего. Помню, за завтраком в баре гостиницы «Олимпия», представив меня одному из коллег, он охарактеризовал меня как человека «фаталистического склада». Юрию Семеновичу виднее... На следующий день после его доклада мы долго блуждали по милым улочкам старого города в поисках адекватного пищевого заведения. Он говорил, что «завтрак надо заработать». А через неделю мы вновь увиделись в Москве на 3-м Международном семинаре по машинному переводу, который проводил ВЦП.

Потом были новые встречи в Киеве – в январе 1986-го, в мае 1987-го и в последний раз – осенью 1988-го. Он снова жил у меня. В один из дней, накануне его отъезда, Рена привела к нам Мирослава Владимировича Поповича, который очень высоко ценил Юрия Семеновича. Надо было видеть, как интересно им было друг с другом...

Через год с небольшим мы мельком увиделись в Москве в памятный день первой встречи с Мельчуком после его 12-летнего отсутствия.

...Следующей встречи пришлось ждать долго – семь лет. Мы увиделись в начале мая 1996 г. в Пущино на второй восстановлен-

ной после долгого перерыва конференции «Диалог», которые возродил и вновь стал ежегодно проводить неутомимый и незабываемый А.С. Нариньяни. Оказалось, что за это время Юрию Семеновичу пришлось многое пережить, в том числе и безвременную, чудовищную гибель его любимого брата Валентина Семеновича – доктора экономических наук, депутата Государственной Думы России. Он был буквально убит горем. В один из вечеров он пригласил к себе в номер Раю Розину, Сережу Крылова, Ольгу Ляшевскую и меня. Включил магнитофон, и мы имели возможность слушать записи пения его брата – Валентин Семенович был еще и настоящим профессиональным вокалистом, обладателем чудесного тенора. Этот тембр было практически невозможно отличить от лемешевского...

В последний раз мы встретились через шесть лет в начале июня 2002 г. в Москве в Институте языкознания на очередной конференции «Логический анализ языка». Внешне он почти не изменился, хотя чувствовалось, что что-то в нем обломилось – все беды, обрушившиеся на него и его многострадальную семью, не могли не отразиться на здоровье, которое и много раньше оставляло желать лучшего... Он сразу спросил меня, окончательно ли умер в Киеве машинный перевод. Я как мог потешал его некоторыми казусами работы программы русско-украинского перевода, приводя изначальный русский пример и обратный перевод результата его перевода на украинский. Они наглядно иллюстрируют последствия отсутствия принципиального использования смысла при машинном переводе:

Принимать закон (конституцию, устав...) – принимать закон (конституцию, *притомившись...*);

В это верится с трудом – В это верится с *работой...*

Шагал написал картину «Большой цирк» уже в преклонном возрасте – *Маршировал* написал картину «Большой цирк» уже в преклонном возрасте.

После перерыва на одной из секций был его доклад на тему «О толковании идеи о несовместимости понятий “гений” и “злодейство”»⁸. В комнате я насчитал всего семь человек, из них пятеро – докладчики, с нетерпением ожидавшие своей очереди. Юрию Семеновичу дали говорить полчаса...

⁸ Материалы доклада были отражены в статье «Лингвистический подход к толкованию авторской идеи о несовместности понятий “гений” и “злодейство” средствами драмы» (напечатано в сборнике «Логический анализ языка», 2004, перепечатано в [2]).

* * *

Я вообще не знаю, есть ли кто-нибудь, кто мог бы сейчас в полной мере дать оценку наследию Юрия Семеновича, поэтому далек от того, чтобы претендовать на истину в конечной инстанции. Но думаю, что основателем и родоначальником Московской семантической школы был именно он. Если бы не было Мартемьянова, эта школа возникла бы позднее, и история ее сложилась бы иначе. Подобно тому, как «декабристы разбудили Герцена», так и труды Группы машинного перевода (особенно 8-й выпуск «Машинного перевода и прикладной лингвистики») стали мощным стимулом для того, чтобы обратить в сторону языковой семантики научные интересы таких титанов как И.А. Мельчук и Ю.Д. Апресян, что впоследствии и привело к созданию теоретической модели «Смысл ↔ Текст» и Московской семантической школе.

Нельзя не воздать должное также и многогранности исключительного дарования А.К. Жолковского (думаю, что его ранняя статья «Лексика целесообразной деятельности»⁹ – это работа, которая опередила свое время не на одно десятилетие). Но на самом первом этапе изначальный импульс был дан именно Юрием Семеновичем. Ведь не зря Нина Николаевна Леонтьева отмечает в своих воспоминаниях [3] [4], что он был «самым ревностным защитником идеи», когда «принес рулон миллиметровки, раскатал по длинному коридору, расчертил таблицу и стал вносить в нее согласованные со всеми смыслы...» [3 с. 31].

И как знать, не послужили ли толчком к глубокому анализу структуры текста «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» (из которого впоследствии выросло главное направление творчества Жолковского (и Щеглова)) ранние статьи Юрия Семеновича о формализации сказочных сюжетов? А разве не «перекликается» очень по-своему с тем же направлением глубочайшая работа Мартемьянова о мире тщеславия Франсуа де Ларошфуко и его же «лебединая песня» – о толковании идеи о несовместности понятий «гений» и «злодейство»?¹⁰

В то же время, как очень точно заметил в своих воспоминаниях Алексей Всеволодович Гладкий [5], главной чертой Юрия Семеновича была независимость – он всегда шел своей дорогой, не примы-

⁹ Напечатано в сборнике «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1964, вып. 8.

¹⁰ Эти и другие статьи Ю.С. Мартемьянова были переизданы в авторском сборнике [2].

кая ни к одной из старых и новых научных школ, создав свою собственную. И еще: он не уставал напоминать о бесконечной сложности человека и всегда предостерегал от слишком простых, грубых, скоропалительных решений. Здесь уместно также привести отзыв Ива Жантийома в его частном письме:

Дорогой Юрий! ...Меня восхищает глубина Твоих исследований, подчас сложных и тонких, но которые в конце концов пробьют себе дорогу среди специалистов доброй воли. Ты трудишься для будущего, а не ради сиюминутного успеха. Ты настоящий ученый. [2 с. 1050]

...На второй день конференции, в перерыве после утреннего заседания, где выступал и я, мы пили чай во всегда гостеприимной 34-й комнате Института языкознания. Конечно, было приятно услышать от него: «Ваша семантика мне нравится». Но можно ли было думать, что это последнее напутствие? Он очень звал меня в гости, но я не смог – был ограничен во времени. Спрашивал, сколько стоит билет до Киева, записал мой электронный адрес – он так хотел после долгого отсутствия снова оказаться в милом его сердцу городе. А мы ждали...

Литература

1. *Леонтьева Н.Н., Жолковский А.К., Мартемьянов Ю.С.* О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей Міжвузнавк. конф. Чернівці, 1960. С. 97–99.
2. *Мартемьянов Ю.С.* Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов / ред. Е.Ю. Щербакова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 1056 с. (Язык. Семиотика. Культура).
3. *Леонтьева Н.Н.* Как я оказалась в машинном переводе (Воспоминания о раннем периоде ЛМП) // Вестник РГГУ. Серия «Языкознание». 2009. № 6/09. С. 28–37 (Московский лингвистический журнал. Том 11).
4. *Леонтьева Н.Н.* О семантике – в Лаборатории и после // Вестник РГГУ. Серия «Языкознание». 2009. № 6/09. С. 38–68. (Московский лингвистический журнал. Том 11).
5. *Гладкий А.В.* Воспоминания о Юрии Семеновиче Мартемьянове // Московский лингвистический журнал. Том 8. № 1. Москва, 2004. С. 18–22.

References

1. Leont'eva NN., Zholkovskii AK., Martem'yanov YuS. On fundamental importance of taking account of semantics in machine translation V: Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей Міжвузнавк. конф. Чернівці, 1960. С. 97–99. (In Russ.)
2. Martem'yanov YuS. Logic of situations. The structure of a text. Words as terms. Shcherbakova EYu., ed. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.; 2004. 1056 p. (Language. Semiotics. Culture). (In Russ.)
3. Leont'eva NN. My Way to machine translation (Memories of the early period in LMP). *RSUH / RGGU Bulletin. "Linguistic" Series*. 2009;6/09:28-37 (Moscow Journal of Linguistics. Volume 11). (In Russ.)
4. Leont'eva NN. On semantics – in the laboratory and after. *RSUH / RGGU Bulletin. "Linguistic" Series*. 2009;6/09:38-68 (Moscow Journal of Linguistics. Volume 11). (In Russ.)
5. Gladkii A. Remembering Yurii Martem'yanov. *Moscow Journal of Linguistics*. 2004; 8(1):18-22. (In Russ.)

Информация об авторе

Владимир М. Труб, доктор филологических наук, Институт украинского языка Национальной академии наук, Киев, Украина; 01001, Украина, Киев, ул. Грушевского, д. 4; trub44@ukr.net

Information about the author

Vladimir M. Trub, Dr. in Philology, Institute of Ukrainian of National Academy of Sciences, Kiev, Ukraine; bld. 4, Grushevskogo str., Kiev, Ukraine, 01001; trub44@ukr.net

Юрий Семенович Мартемьянов:
воспоминания об Учителе

Галина Г. Яровая

*Институт филологии Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко, Киев, Украина, ggjarova@ukr.net*

Аннотация. Статья посвящена памяти известного ученого-лингвиста, педагога и переводчика Юрия Семеновича Мартемьянова, который внес значительный вклад в развитие теоретической и прикладной лингвистики, в частности, теории синтаксиса, герменевтики, машинного перевода. Особое внимание уделено профессиональным и нравственным урокам, вынесенным автором из общения с Ю.С. Мартемьяновым за период с конца 1970-х до начала 1990 годов при участии в научных исследованиях и прикладных разработках в рамках программ сотрудничества между Киевским государственным университетом им. Т.Г. Шевченко и Всесоюзным центром переводов Госкомитета по науке и технике и АН СССР.

Ключевые слова: теоретическая лингвистика, прикладная лингвистика, машинный перевод, формализованное лингвистическое обеспечение синтеза текста, Юрий Семенович Мартемьянов, Елена Владимировна Муравенко

Для цитирования: Яровая Г.Г. Юрий Семенович Мартемьянов: воспоминания об Учителе // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 169–173.

Yurii Semenovich Martem'yanov. Remembering a Teacher

Galina G. Yarovaya

*Taras Shevchenko National University of Kiev,
Kiev, Ukraine, ggyarova@ukr.net*

Abstract. The article is dedicated to the memory of the well-known linguist, teacher and translator Yurii Martem'yanov, who made a significant contribution to the development of theoretical and applied linguistics, in particular, the theory of syntax, hermeneutics, machine translation. Special attention is paid to the professional and moral lessons learned by the author from her communication with Yurii Martem'yanov in the period from the late 1970s to early 1990 while participating in scientific research and applications within the framework of cooperation programs between Taras Shevchenko Kiev State University and the All-Union Center for Translations of the State Committee for Science and Technology and the USSR Academy of Sciences.

Keywords: theoretical linguistics, applied linguistics, machine translation, formalized linguistic support of test synthesis, Yurii Martem'yanov, Elena Muravenko

For citation: Yarovaya GG. Yurii Semenovich Martem'yanov. Remembering a Teacher. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):169-73.

Среди самых главных событий моей жизни на одно из первых мест я поставила бы знакомство и последовавшее научное и человеческое общение с Юрием Семеновичем Мартемьяновым. Это общение, начавшееся в 1977 г., принесло мне только радость, пользу, восхищение и счастье, определило мою судьбу и способствовало становлению моей личности в профессии и вне ее.

Поступив в Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко на отделение структурной и прикладной лингвистики, я уже на втором курсе начала поиски способа убедиться в правильности выбора будущей профессии. Это привело меня, в числе нескольких моих сокурсниц, в научную группу Ирен Борисовны Штерн, работавшую на кафедре математической лингвистики. Ирен Борисовна

была ответственным исполнителем темы, по которой был только что заключен хоздоговор с Всесоюзным Центром Переводов ГКНТ и АН СССР. В разные годы название темы несколько менялось, но в общем работа была связана с созданием формализованного лингвистического обеспечения анализа и синтеза русского научно-технического текста для систем машинного перевода. Руководителем работ со стороны заказчика был Юрий Семенович Мартемьянов. Конечно, он же был и главным идеологом, генератором идей и автором принципиальных решений. Первой московской коллегой, кому нас, начинающих лингвистов, представили, и нашим первым научным консультантом по теме была тогда еще совсем юная, но очень серьезная и строгая, как нам казалось, Елена Владимировна Муравенко. Она детально объяснила нам особенности так называемого «канонического предписания» – метаязыка, которым нам предстояло пользоваться для записи глубинных структур предложений, и мы приступили к непростой, требующей скрупулезности и сосредоточенности, работе с текстами, переводя их в графическое представление с экспликацией всех глубинных предикатов и связей.

Юрия Семеновича я впервые увидела весной 1977 года, когда он приехал в Киев, чтобы выступить на семинаре, проконтролировать ход работ по теме и дать нам необходимые разъяснения и ответы на вопросы, которых было немало. Юрий Семенович с первой встречи и беседы поразил своей высокой культурой, эрудицией, интеллигентностью, глубочайшим проникновением в нюансы языка. Уже тогда я впервые наблюдала то, чему многократно была свидетелем позднее: он имел обыкновение во время разговоров с коллегами, даже совсем молодыми, приоткрывать дверь в свою творческую лабораторию, углубляясь в сложные теоретические выкладки, размышляя вслух. Я внимательно слушала, понимая, что присутствую при уникальном процессе формирования научных гипотез, трактовок, идей.

В рамках тематики, разрабатываемой по хоздоговорам с ВЦП ГКНТ СССР, начинало работать немало студентов нашего отделения, но, как показала жизнь, по-настоящему заинтересовались ею и на годы связали свои научные интересы с направлением, которое развивал в лингвистике Юрий Семенович, лишь несколько человек: Игорь Шевченко, Людмила Братыщенко и я. С тематикой Юрия Семеновича были связаны мои курсовые работы, дипломная работа, а затем диссертация «Трансформационное описание синтаксиса и семантики наречий», которую я успешно защитила в КГУ им. Т.Г. Шевченко в 1989 году. О диссертации было много хороших

отзывов, но самой высокой и дорогой оценкой я считаю слова из адресованного мне письма Юрия Семеновича от 20.02.2000:

Я иногда достаю Вашу диссертацию с отзывами коллег, в т. ч. московских, и снова радуюсь за Вас. Вспоминаю, как Вы писали ее и в Москве, и в Киеве, и в Литве-Латвии-Эстонии (на конференциях), как Олег Пилипенко делал для Ваших наречий какие-то синтезирующие программы... Я очень рад за Вас – был и остаюсь...

Я работала над диссертацией не положенные четыре года (срок обучения в заочной аспирантуре), а в два, если не в три раза дольше. Но руки у меня не опускались: было сложно, трудно, но интересно.

Жизнь Юрия Семеновича была подчинена очень жесткому графику, ведь он занимался не только лингвистикой, но и художественными переводами. Однако он всегда находил время вникнуть в привезенные мной материалы и четко, емко сориентировать меня для дальнейшей работы. Я настолько «вошла» в свою тему, прониклась ею, что текст всей диссертации был написан за два месяца, сразу набело, без черновиков. Так что диссертация долго «вынашивалась», но «родилась» легко. Я всеми силами стремилась сделать работу, которая достойна была бы доброго имени моего научного руководителя, и рада, что мне это удалось.

Юрий Семенович был и остается для меня одним из самых дорогих, важных и уникальных людей среди всех, встреченных мною на жизненном пути. Он был человеком высочайшей пробы, интеллигент, интеллектуал, скромный, выдержанный, галантный, проникательный и великодушный. Он был подвижным, с живой реакцией, с доброжелательным и пытливым отношением к окружающему миру, и в то же время он был большим ученым, творцом, глубоко погруженным в мир научного поиска, в мир мысли, в бесконечность духа.

Я разделила бы человечество не на четыре, а на две расы – тех, кто руководствуется в своей жизни тем, что ниже сердца, и тех, кто живет от сердца и выше. Правят в этой жизни бал первые, последние же – большая редкость, огромная ценность, но они – соль земли, и одним из них был и остается Юрий Семенович Мартемьянов.

Юрий Семенович Мартемьянов принадлежит к горстке выдающихся российских ученых, вклад которых в науку имеет и будет иметь непреходящее значение для многих поколений лингвистов. Будучи знатоком многих европейских языков, Юрий Семенович был не только талантливым преподавателем, но и великолепным переводчиком зарубежной литературы на русский язык. Его ув-

лечение переводческой деятельностью гармонично сочеталось с исследовательскими интересами в области машинного перевода, а глубокое понимание природы языковых явлений позволило проводить успешную разработку формализованного лингвистического обеспечения синтеза и анализа текста для систем машинного перевода во Всесоюзном центре переводов ГКНТ и АН СССР.

Память о Юрии Семеновиче Мартемьянове, замечательном человеке и выдающемся лингвисте, живет в наших сердцах. Его ученики, а также новые поколения ученых, изучают его научные труды, продолжают начатые им исследования на благо и с пользой для развития новейших современных направлений в языкознании, а это то, чего бы он более всего желал. Его новаторские оригинальные идеи еще не одно десятилетие будут вдохновлять и служить путеводной нитью для всех, кто пытается проникнуть в тайну Языка.

Информация об авторе

Галина Г. Яровая, кандидат филологических наук, Институт филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, Украина; 01033, Украина, Киев, ул. Владимирская, д. 60; ggyarova@ukr.net

Information about the author

Galina G. Yarovaya, PhD in Philology, Taras Shevchenko National University of Kiev, Kiev, Ukraine; bld. 60, Vladimirska str., Kiev, Ukraine, 01033; ggyarova@ukr.net

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *Ж.П. Григорьева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 20.12.2018.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 11,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 394

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru